

Певчая

АЛХИМИЯ

ЭМИ БАТЛЕР
ГРИНФИЛД

НЕ ВЫДАВАЙ СВОИ СЕКРЕТЫ

vk.com/kurotranslations

Люси — последняя Певчая, только она может колдовать песней. После ее победы над злым лордом Скаргрейвом Англия изменилась, но не в лучшую сторону. Посевы гибнут, люди бунтуют, и Люси срочно вызывают ко двору короля. Его Внутренний совет убежден, что создание золота алхимией спасет Англию. Но украден важный элемент для алхимического процесса. Люси просят найти его с помощью магии... Пока она решает проблему, замок заперт. Двор тоже изменился. Опасный охотник на Певчих стал близким советником короля Генриха. Возлюбленный Люси, Нат, не понят коллегами. Их отношения опасны для них. Но хуже всего то, что с магией Люси что-то не так. Дворец — лабиринт с монстром в центре, и этому чудовищу может хватить сил, чтобы одолеть Люси.

Моим родителям, Криспину и Барбаре, вырастившим меня в музыке, книгах и любви

«Алхимик ты и золото творишь».

— Уильям Шекспир (1564–1616)

† † †

«Злодеям для того, чтобы свести концы с концами, не нужно делать ничего из того, что делают хорошие люди».

— Джон Стюарт Милль (1806–1873)

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПЕСНЬ ИЗ МОРЯ

Еще одну чаропесню. Одна песня, и я пойду домой.

Я подула на заледеневшие пальцы и посмотрела на холодное море. Я была тут часами, оттачивала магию, солнце давно уже скрылось за тучами. Мои сапоги промокли от брызг океана, щеки были влажными и покрытыми солью. Ветер пронзал меня до костей. Я уже мечтала пойти домой к Норри, на огне уже точно варился суп.

Что-то простое, чтобы закончить. Что-то, что не испортит ничего.

Впившись в деревянную трость, я склонила голову к океану и слушала водную музыку. Мне нужна простая чаропесня...

Но что это был за звук? Это отдаленное гудение?

Забыв о замерзших руках и ногах, я слушала в смятении. Никто не знал лучше меня, что океан мог петь тысячу песен, способных меня успокоить, утопить, способных призвать волны и бури. Я все же была Певчей. Но эту мелодию я не слышала раньше. И она не была похожа на известные мне мелодии. Это тревожило.

— Люси!

Ко мне спешила шерстяная гора: Норри в зимней одежде. Ветер трепал ее капюшон и плащ, серебряные волосы выбились и напоминали пух одуванчика вокруг ее морщинистого лица.

— Ты долго здесь была, — сказала она. — Ты простудишься от холода.

Я хотела ответить, но снова услышала тревожный гул среди других песен моря.

Норри подошла ко мне неровным шагом.

— Люси, ты меня слышишь?

— Да, — быстро сказала я. — Конечно, слышу, — но я слушала и гул. Если сосредоточиться, я могла разобрать хоть суть морских песен. Из всех стихий с водой мне было работать проще всего. Но эти ноты не открывали свой секрет.

— А вот и нет, — Норри взгляделась в мое лицо. — Что-то не так?

— Нет, — Норри была моей опекуной, но я не любила тревожить ее, особенно, когда не знала, в чем проблема. Она не слышала песню, это могла делать только Певчая. — Тебе не нужно здесь быть, Норри. Не в такую погоду.

— Может, нет, но что мне делать, если ты не идешь домой? — спросила Норри.

Гул угасал. Я повернулась к морю, пытаюсь уловить последние ноты. Норри не отставала.

— Ты здесь с рассвета, Люси. Тебе пора домой.

Гул пропал. Что он означал?

— Еще одна песня, Норри...

— Ты всегда так говоришь. А потом остаешься здесь часами в любую погоду...

— Но потому мы здесь, — напомнила я ей. — Чтобы я могла работать.

Девять месяцев назад я освободила Англию от ужасного проклятия, и в награду король Генрих Девятый предложил мне дар. Он, к моему ужасу, предлагал построить мне дворец. Но я попросила скрытного убежища у моря.

Король, к счастью, оставил идею с дворцом. Мы с Норри теперь жили в отдаленной части его владений в Норфолке, домик как раз подходил для двоих. Почти никто в королевстве не знал, где мы, и король убедился, чтобы нас не тревожили. Хотя его егеря охраняли границу владений, мы никогда их не видели. Каждый месяц нам поставляли еду и топливо, порой приходил посланник короля. Но на этом все.

— Работа — это одно. Но ты скоро будешь кожа да кости, — от ветра щеки Норри покраснели. — Тебе семнадцать, так что я старалась не мешать. Но становится все хуже, Люси. Мы пришли сюда, чтобы ты и отдохнула тоже. Ты забыла об этом.

— Я не могу отдыхать. Мне нужно изучать магию.

— Но ты уже много знаешь, — возразила Норри.

— Едва ли.

— Твоих знаний хватило, чтобы покончить со Скаргрейвом и теми ужасными тенеграми, — парировала Норри.

— И какой ценой? Не помнишь, как плохо было, когда мы пришли сюда? У меня ничего не было. Ни одной песни, — я прижала ладонь к сердцу, где под шерстяными шарфами скрывался кроваво-красный камень. Когда-то камень позволял мне работать с безопасными чаропеснями Проверенной магии, но в бою со Скаргрейвом и тенеграми он разбился. И теперь мне была доступна только опасная Дикая магия.

Опасная, и никто не мог научить меня. Дикая магия среди Певчих была почти утерянным искусством. Даже до того, как Скаргрейв постарался уничтожить их, редкие могли бы рассказать мне о ней. Теперь не было никого. Я была единственной Певчей.

У меня было лишь письмо матери, которое она написала перед смертью. Хотя там были мудрые советы, в письме не было подробностей, в которых я нуждалась. Большую часть времени я полагалась на свои инстинкты.

— Да, было плохо, — согласилась Норри. — Но посмотри, сколько ты успела узнать. Ты

можешь призывать волны. Можешь песней вызывать воду из-под земли. Небеса, дитя, ты можешь даже сотворить дождь, когда пожелаешь.

— Только на пару минут, и только...

Норри не слушала меня.

— Этой магии больше, чем многие о нас могли бы мечтать.

— Этого мало.

Норри не была убеждена.

Как я могла объяснить понятнее? Моя магия тревожила Норри, и мы редко о ней говорили, но я видела, что теперь нужно все прояснить.

— Я поладила с водой, да, но не с остальным. Я могу разжечь огонь, но не могу удержать его. Я почти никогда не слышала музыку камней, земли или ветра. И у меня плохо получается ускорять рост растений. Даже песни моря я не всегда могу понять. И когда они непонятны, они опасны. Если я спою их, могу навредить остальным. И себе.

Мой плащ хлопнул на ветру, и я замолчала.

Норри коснулась меня рукой в варежке.

— Дитя, я знаю, что есть опасности, и, конечно, я беспокоюсь за тебя. Но я не думаю, что безопасно тренироваться до изнеможения, — она обхватила мои пальцы. — Скаргрейва уже нет, Люси. Ты победила. Но ты все равно загоняешь себя, как тогда, когда он был жив. Почему нельзя относиться к этому проще?

— А если мне нужно будет защитить себя? Что я буду делать?

— Зачем тебе защищать себя? — спросила Норри. — Король схватит любого, кто тебя тронет.

Это было так. Король Генрих поклялся, что старые дни охоты на Певчих прошли.

И все же я боялась, что те дни вернутся, а я не буду готова. Мне снились по ночам охотники, идущие за мной, и я просыпалась в темноте с колотящимся сердцем.

Норри говорила, что это от усталости. Но она ошибалась. Кошмары были не от этого, а от ужасной правды. Певчих почти не осталось. Мы были добычей. И леди Илейн говорила мне перед своей гибелью, что у Певчих были враги, мир боялся их силы.

— Я рада, что король хочет защитить меня, — сказала я Норри, — но мне нужно знать, могу ли я защитить себя. Моя магия слаба для этого. Еще слишком много дыр. Мне нужно работать. Нужно стать сильнее.

Норри смотрела на меня с сочувствием, от которого у меня сжалось горло.

— О, Люси. Ты уже сильная. Сильнее, чем думаешь. Неужели ты не видишь?

— Но...

Она отмахнулась.

— Не будем сейчас спорить. Ты уже посинела, и я не лучше. Идем домой, и поговорим у огня.

Я хотела сказать, что не замерзла. Но это было не так. И губы Норри кривились, словно ей было больно. Она слишком долго была снаружи. Ее спина и ноги уже тревожили ее в холодные влажные дни, как сегодня.

— Хорошо, — я надела капюшон. — Идем домой.

Мы пошли по берегу, но тут прилетел резкий порыв ветра. Он откинул мой капюшон, и я услышала гудение океана. Был он все это время тихим? Или я погрузилась в разговор с Норри и не слышала его?

Надеясь, что она не заметит, я слушала гул, пытаюсь понять его. Я уже умела терпеливо

распутывать основное значение песни, даже если не могла понять всю ее.

В этот раз гул не поддавался. Я просила большего.

Словно отказывая, странная песня исчезла. Но перед этим я услышала значение гула:

Опасность.

Слово вспыхнуло в голове, словно сама песня вложила его туда. Тревога росла.

— Погоди, — сказала я Норри. — Я заберусь выше, чтобы оглядеться.

Она не успела возразить, а я побежала по склону за нами. На вершине я оглядела берег, потом горизонт. Не было видно кораблей, лодок и прочих суден. Ничто не тревожило взгляд, лишь ветер ворочал волны в море.

Я повернула голову в другую сторону, к холмам, окружавшим наш дом, к лесу короля за ними. Все было хорошо.

И тут что-то в лесу двинулось.

Олень? Нет. Всадник. И не один.

Я опустилась в траву на холме и смотрела, как они выходят из леса один за другим. Всадники в броне и с копьями.

Вооруженные люди пришли сюда отрядом?

Задержав дыхание, я прикрыла глаза замерзшей рукой и вгляделась. Они ехали к нашему домику, острия копий были направлены в серое небо.

Море говорило об опасности. Об этой?

Я побежала вниз.

— Норри, скорее! Нужно бежать.

ГЛАВА ВТОРАЯ ОХОТА

— Бежать? — Норри согнулась против ветра и испуганно посмотрела на меня. — Зачем?

— Вооруженные люди, — выдохнула я. — Идут за нами.

Она прижала ладонь к сердцу.

— Уверена?

— Да. И у меня было предупреждение... песня из моря... — я не могла объяснить быстро. Вместо этого я схватила ее за руку. — Идем. Нам лучше бежать.

— Куда?

— К высоким утесам, — они были близко, камни закрыли бы нас. — Придется использовать немного магии. Но я хочу, чтобы сначала мы спрятались.

Норри последовала за мной, но бежала ужасно медленно. Мы не успели добраться до утесов, а море завопило за моей спиной. Я обернулась и увидела двух всадников, движущихся по тропе к берегу. К нам.

Нам нужно было укрыться. Я потащила Норри за единственное возможное укрытие: гору обломков досок, прибитых к берегу, но еще не унесенных волнами.

Слишком поздно. Они нас увидели. Солдат прогудел в рожок, другой поднял копье.

В горле пересохло. Охотники на Певчих.

— Люси, — пролепетала Норри, — может, уйдем в пещеры?

— Нет, — даже ближайшие пещеры были далеко. — Останемся здесь.

Только моя магия могла нас спасти. Но для этого мне нужно было прогнать ужас. Магия

Певчей была в моей крови, но чаропесня требовала сосредоточиться. Ее не исполнить одними словами, Дикая магия, как и природа, постоянно менялась. Время дня, погода, направление ветра и даже мои эмоции немного меняли песню, которую нужно было петь. И если я что-то опущу — от беспечности или паники — магия может получиться не такой, какой должна была.

Я прислушалась к песням моря. Но, чем сильнее я пыталась себя успокоить, тем больше страха чувствовала. Я готовила себя для такого момента, но практика была одним делом, а бой — другим. И даже после практики было легко ошибиться.

Снова прогудел рожок, отвлекая меня. Все больше всадников спускалось на берег. Они нападут?

Слушай. Забудь все и слушай.

Кровь шумела в ушах, но я слышала песни, вспыхивающие в море. Самая настойчивая предлагала сбить их огромной волной. Заманчиво. Но смогу ли я управлять такой сильной песней? Хватит ли опыта?

Сомневаясь в своей силе, я выбрала песню, что исполняла раньше, она часто задерживалась на этих берегах, размытая мелодия тумана. Эта песня была слабее, чем призывающая волны, но я была уверена — почти — что справлюсь с ней.

Мужчины приближались, копыта стучали по песку, а я запела. Соленый воздух между нами сгустился.

Крик донесся со стороны всадников, они проверили лошадей.

Я воспользовалась шансом и дала песне расцвести в моем горле, стать сильнее. Что думала Норри, дрожа рядом со мной, я не знала. Она говорила о моем пении, что оно зловещее. Неземное. От этого мне было не по себе.

Даже если мое пение было неземным, туман с моря был настоящим. Влажным и серым, как мокрая шерсть. Сквозь него ничего не было видно. Когда последние фразы покинули меня, всадников полностью окутал туман.

В облаке звенела броня, визжали лошади. Мужчины кричали в слепой панике.

— Помогите!

— Стойте!

— Магия Певчей! Спасите!

Чары были сильными, я это видела. Если повезет, мы сбежим, пока туман не рассеялся.

Но я слишком долго держалась за последнюю ноту песни. Туман растекался, и хотя я замолчала, едва поняла, что происходит, он окутал и нас с Норри. Я чуть не закашлялась в ужасе. Мы теперь были слепы, как и солдаты. Спасения не было.

— Люси? — голос Норри был тихим и испуганным.

— Здесь, — я потянулась за ее рукой.

Я не успела нащупать ее, из тумана раздался голос:

— Певчая, прекратите колдовать! Мы пришли с миром от имени короля.

Я не поверила. Кто знал, говорил ли он правду?

— Певчая, прошу, послушайте, — заговорил другой мужчина, и его голос был знакомым. Это же Роуэн Кноллис, глава королевской стражи?

Я прикусила губу. Если это был Кноллис, то, может, все в порядке.

— Король Генрих отправил нас сюда, — да, говорил точно Кноллис. — Клянусь своей честью, что мы не навредим вам. Мы принесли его кольцо как знак.

Я задержала дыхание. Мы с королем договорились, что кольцо будет отмечать, что

посланнику можно доверять. Может, пора отменить туман.

Вспомнив копьа, я решила проявить осторожность.

— Опустите оружие, — крикнула я.

Короткая пауза.

— Стоит ли, сэр? — спросил дрожащий голос.

— Да, — приказал Кноллис. — Бросайте оружие. Копья и мечи.

Сквозь туман я слышала, как мечи покидают ножны, как оружие падает на песок.

— Вот так, Певчая, — сказал Кноллис. — Мы сделали, как вы попросили. А теперь уберите этот туман, пока у нас не заржавела броня.

Я подавила смешок. Это точно был Кноллис.

— Минутку, — отозвалась я. Я вдохнула туман и позволила его музыке окружить меня, пока не стала уверена, что выбрала нужную песню. Закрыв глаза, я запела ее.

Песня была сложной, в ней было желание воды вернуться в море, но я выбрала ее верно. Туман рассеивался, тянулся в океан. Сначала я увидела Норри и придвинулась к ней, чтобы защитить, если будет нужно. Потом показались лица. Кноллис выделялся среди них, его щеки в боевых шрамах были красными под шлемом, каштановые усы торчали. За ними сидели на конях всадники, глядя на меня с потрясением и ужасом.

Один взгляд на их лица сказал мне, что я здесь имею власть. И я могла отпустить туман в море. Я допела последнюю фразу, стараясь в этот раз не задерживать ее. Воздух очистился.

— Благодарю, миледи, — Кноллис спустился и подошел ко мне, неся кольцо. — Скажу лишь, что мы надеялись на лучший прием.

— Тогда не стоило приводить сюда столько вооруженных людей, — я кивнула на копьа и мечи на песке. — Это все для меня?

Он покачал головой.

— Это для вашей и нашей безопасности. Времена опасные.

— Вы направляли копьа на меня.

— Простите, миледи. Король тревожился за вас, нам приказали не только найти вас, но и схватить любого здесь, ведущего себя подозрительно, — его щеки стали еще краснее. — Боюсь, мы не узнали вас, пока вы не запели.

От смущенного вида Кноллиса я тоже покраснела. В последний раз он и его люди видели меня при дворе, в шелковом одеянии, подходящем для королевы, и волосы были изящно уложены. Теперь я была в старой одежде, мокрой внизу, заштопанной, а волосы выбились из пучка, темные спутанные пряди развевались на ветру. Конечно, они меня не узнали.

Но было ли это важно? Я здесь работала, а не наряжалась. Если бы мне позволили выбирать между новой чаропесней и новым платьем, я бы всегда выбрала песню.

— Кольцо, миледи, — Кноллис протянул мне золотое кольцо.

Я забыла о своем виде и поднесла кольцо к свету, чтобы лучше видеть розу, вырезанную из аметиста. Это точно было кольцо короля. Я показала его Норри, все еще смотревшей с подозрением на лошадей и людей, спускающихся с них, чтобы забрать мечи и копьа.

— Я все еще не понимаю, зачем вы здесь, — сказала я Кноллису.

— Я здесь, потому что король хочет вас видеть, — ответил он. — Собирайте вещи как можно быстрее. Нам нужно отправляться через час.

ПРИКАЗ КОРОЛЯ

Я побледнела.

— Вы хотите забрать нас в Лондон?

— Во дворец Гринвич, — сказал Кноллис. — Король там с Рождества.

Я ничего не знала об этом дворце, кроме того, что он в нескольких милях от Лондона, но если там весь двор, то я там быть точно не хотела. После победы над Скаргрейвом я неделями была рядом с королем, и меня потрясли амбиции придворных. Половина ненавидела меня, а остальные отчаянно хотели, чтобы я поколдовала им. А тогда моя магия слушалась меня очень плохо. Я была без сил, приходилось это скрывать, и это было кошмарно.

Я слышала с тех пор, что во дворе произошли перемены, что некоторых старых советников короля выгнали, на их место поднялись новые люди. Но все же...

Я не могла идти к ним. Пока что. Пока я не уверена в своей силе.

— Жаль, но я должна отказаться, — сказала я Кноллису. — Прошу, скажите королю, что я ценю его приглашение, но должна остаться здесь.

Стойка Кноллиса изменилась, и я поняла, почему лидера боялись.

— Певчая, боюсь, вы не так поняли. Это не просьба. Это приказ короля, — его голос не дрожал. — Я приведу вас с собой, и вы поможете Его величеству в Гринвиче.

А я-то думала, что Кноллис не опасен! Стоит призвать туман, как только они дадут повод. Но я устала, замерзла и не была уверена, что смогу спеть еще раз. А если я снова потеряюсь в тумане, что тогда?

Похоже, мое желание отразилось на лице, потому что дальше Кноллис заговорил спокойнее.

— Миледи, король не действует так из-за мелочей. Он хочет, чтобы вы прибыли, чтобы он охранял вас. Опасные нынче времена. Враги что-то затевают против короля Генриха, они могут напасть и на вас.

Мы с Норри переглянулись с удивлением и тревогой. Я вспомнила песню моря об опасности. Она имела в виду это? Не Кноллиса и его людей, ... а кого-то еще опаснее?

— Кто эти враги? — спросила я.

Кноллис не ответил сразу, и Норри сказала:

— Было еще больше восстаний?

Восстаний? Я о таком не слышала.

— Каких восстаний?

— Ты не слышала, что говорили люди короля, когда в последний раз принесли нам припасы? — спросила Норри. — Хлеб больше, чем в два раза дороже, чем в прошлом году, и всюду осталось мало зерна. В некоторых местах восстания.

Я едва помнила доставку, а разговор не слушала. Я думала о магии все время, пока они говорили.

— Потому вы здесь? — спросила я Кноллиса.

— Я не могу сказать, — ответил он. — Король объяснит при встрече.

Люди за ним перегруппировались.

— Нам нужно уходить, — поторопил Кноллис. — Если проголодаемся, мы доберемся до охотничьих угодий короля в Летерингеме к ночи. А там до Гринвича четыре дня пути.

Я оглянулась через плечо на море. Что бы ни говорил Кноллис, но это место казалось

мне безопасным. А мир снаружи — включая придворных в Гринвиче — был опасным.

Может, это было лишь иллюзией.

Норри, похоже, так и думала. Она шепнула мне:

— Люси, я знаю, что ты не хочешь уходить. Но, думаю, мы должны. С королем нам будет безопаснее.

Я прикусила губу. Как я могла остаться, если это делало Норри уязвимой для атаки?

И король. Он дал мне это убежище. Если подумать, я не хотела расстраивать его. И я искренне хотела помочь, если могла. Генри был лишь на пару лет старше меня, и за то короткое время, что я провела рядом, я успела поразиться его решимости и смелости, острому чувству чести. Он хотел навести порядок в королевстве. Если он был в опасности, я должна была помочь ему и королевству.

Разве было важно, как страшно мне становилось от одного упоминания дворца Гринвич?

Я повернулась к Кноллису, холодный ветер трепал мой плащ.

— Я смогу вернуться сюда?

— Как только минует опасность, — заверил меня Кноллис. — Король дал слово.

Это было важно. И я надеялась, что призванный туман с моря тоже что-то означал.

Норри говорила, что я сильнее, чем думаю. Может, я была готова к интригам двора лучше, чем думала.

— Миледи, — сказал Кноллис. — Мы ждем вашего ответа.

— Хорошо, — сказала я. — Мы отправимся с вами к королю.

† † †

Кноллис позволил нам почти час на сборы.

— Лучше поспешите.

— Нам нужно спешить, — выдохнула Норри, когда мы пошли к дому. — Тебе нужны вещи для двора, конечно, которые ты носила в прошлом году. Не уверена, что они лучше этой твоей одежды, но они хотя бы не в соли и пятнах, как твоя рабочая одежда, — она открыла сундук у моей кровати. — Надевай синее шерстяное платье, а я сложу темный шелк. Быстрее!

Дрожа, я сменила мокрые юбки на синюю шерсть. Ткань согрела кожу, но когда я затянула шнурки, верх оказался тесным. Юбки тоже казались коротковатыми, ткань натянулась на бедрах. Я с трудом смогла спрятать письмо мамы в потайной карман. Я не могла его оставить.

Норри обошла меня по кругу.

— Думаю, для пути сгодится, — с сомнением сказала она. — Хорошо, что во дворце будет портниха. Тебе могут обновить гардероб, — она обрадовалась этой мысли. — Плюсы можно найти всегда, да? Я давно хотела сделать что-то с твоей одеждой. Может, это и хорошо, что нас позвали во дворец. Перемены всегда хороши.

Я от удивления перестала распутывать волосы.

— Но ты была рада покинуть двор. Ты сама так сказала прошлым летом, когда мы прибыли сюда.

— Говорила, да, — признала Норри. — Думаю, мы обе хотели жизнь, к которой привыкли на острове.

Я кивнула. Мы уже не попадем на остров, это зачарованное место было утеряно для нас, но мы жили там в безопасности семь лет. Тогда я хотела покинуть его, а теперь часто думала

о его утесах и золотых берегах.

— Вот только я забыла, какой одинокой там была жизнь, — сказал Норри. — И тут не лучше.

Я недовольно посмотрела на нее.

— Так тебе здесь не нравится?

— Мне нравится свой дом и сад. Но зимой от сада проку мало, да? И дом темнее, чем я думала, и тихий, ведь ты все время наружи практикуешь магию, — она криво улыбнулась мне. — За прошлый год я привыкла видеть людей. Было бы приятно с кем-нибудь болтать по вечерам.

Мое сердце сжалось.

— Прости, Норри. Я не знала. Я думала, что ты счастлива здесь.

— Поначалу была, дитя. Но зимой всегда сложно. Не переживай. Все изменится.

Норри продолжила складывать вещи.

— Посмотрим... что еще нам взять? — она полезла в сундук и вытащила две стопки хлопковых нижних платьев. Стопка бумаг выпала из них. С пылающим лицом я подняла бумаги с пола.

Норри улыбнулась.

— Письма от Ната?

Я не могла врать, хотя часть меня хотела.

— Да.

Стоило сжечь их.

Но я не была готова к этому. Потому спрятала письма Ната в сундуке. Прошлым летом, когда мы победили Скартгрейва, мы стали ближе, чем до этого. Мы смеялись вместе, проводили на солнце ленивые дни, целовались, и от этого мое сердце пело. Но теперь...

— Жаль, что он не приехал на Рождество, — сказал Норри, пряча одежду в сумку. Нат был ее любимцем. — Но я не виню его. Мальчик ставит страну выше себя. «Сперва королевство». Так он писал? — ее губы скривились. — В той части, что ты мне читала, по крайней мере.

Я скривилась. Я не смогла показать Норри все письмо. Она была расстроена, что он не приедет, а я... была слишком смущена, чтобы сказать ей правду. Но я и теперь прекрасно помнила дождливый ноябрьский вечер, когда я вернулась в дом мокрая и уставшая и нашла письмо. При виде почерка Ната я обрадовалась, пока не прочитала содержимое.

Письмо было странным. Сжатым и сухим, лишенным его эмоций. Я за минуту смогла прочесть краткие строки, говорящие, что он не приедет, что он нужен королю при дворе. Он закончил парой формальных фраз. И подписался полным именем.

После этого от него не было ни слова.

Я бросила письма в сундук.

— Ты хочешь взять их? — спросила Норри.

Я запихала свою одежду в сумку.

— Не стоит.

— Наверное, — согласилась Норри. — Письма не сравнить с реальностью. А при дворе ты будешь все время видеть Ната.

Я молчала, но Норри не меняла тему.

— Он встретит нас там. И, должна признать, будет спокойнее быть рядом с ним, — ее глаза окружили морщинки от радости. — Если все будет, как прошлым летом, то придется

постоянно отгонять его от тебя.

Мои щеки вспыхнули.

— Так не будет.

Слова вылетели сами. Я не могла вернуть их

Ощутив беду, Норри замерла.

— Как не будет?

Может, пока рассказать ей. Все же при дворе правду скрыть не выйдет.

— Он не приезжал, Норри. И перестал писать. Ты явно заметила, что за три месяца я не получила ни одного письма, — я с трудом сохраняла голос ровным. — Не думаю, что он хочет меня видеть.

Норри моргнула.

— Конечно, хочет, дитя. Он просто занят.

— Даже нет времени написать? — сказала я.

— И такое бывает.

— Возможно. Или он встретил кого-то еще, — я попыталась скрыть, как меня ранила эта мысль. — Такое тоже бывает.

— Кого-то еще? О, дитя, — Норри опустила туфли, которые попыталась втиснуть в сумку. — Есть письма или нет, но Нат понимает себя. Он бы не передумал насчет тебя, запомни мои слова.

Она звучала так уверенно, что почти убедила меня. Я хотела верить ей. Но как я могла после того ужасного ноябрьского письма и последовавшей за ним тишины?

Ниже простучали сапоги.

— Что вы будете делать с курами? — раздался низкий голос.

— Ой, — Норри поспешила к лестнице. — Я совсем забыла. Может, можно как-то привезти их в корзинках в Летерингем? Думаю, местный повар будет рад такому прибавлению. Заканчивай здесь, Люси, а я спущусь и посмотрю.

Я осталась одна, заполнила сумки и закрыла их. Снизу раздалось больше шагов. Я просила себя ускориться.

Но у сундука я снова посмотрела на письма Ната и замерла. Мгновение мне хотелось забрать их.

Но нет. Что бы Норри ни говорила, а я так с собой поступить не могла. Я закрыла крышку.

Через четверть часа мы отправились в Гринвич.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ТОЛПА

Мы добрались до охотничьих угодий в сумерках, я была голодна. Но еда пришлось отложить. После часов езды в седле за одним из людей короля спина Норри разболелась так, что она не могла ни сидеть, ни стоять. Отмахнувшись от ужина, она рухнула на подушки.

Я хотела бы уметь чаропесней успокоить боль, но мой дар был не таким, он больше был связан со стихиями. Вместо этого я попросила местных поваров заварить чай из ивовой коры и заставила Норри все выпить.

— И нужно хоть что-то съесть, — сказала я.

— Нет аппетита, дитя, — она скривилась, поерзав на кровати.

— О, Норри, — я опустилась рядом с ней. — Что мне сделать?

— Ничего, дитя. Это все то седло. Хорошо, что дальше мы так ехать не будем.

Я кивнула. Кноллис уже сказал нам, что отсюда мы с Норри поедем в карете. Я не была этому рада, ведь кареты были тесными, в них всю дорогу трясло, но Кноллис сказал, что нам придется ехать день и ночь, так что рядом с всадниками нам будет очень сложно. Несмотря на мои возражения, он настоял на этом, и теперь я была рада. Норри не смогла бы доехать в седле до Гринвича.

— Мне нужно просто хорошенько выспаться, — сказал Норри, кривясь, пока я подтыкала под нее одеяло. — Утром я буду свеженькой.

— Понадеемся, — мне не нравилось вообще направлять в Гринвич, и боль Норри только все ухудшала.

† † †

Той ночью я уже собиралась лечь спать, но снова уловила странный гул. В этот раз было сложно определить источник. Может, рядом была река? Гул был таким тихим, что я не могла разобрать смысла, но боялась, что он все еще означает опасность. Я проверила Норри, но она мирно спала. Я выбралась в коридор и увидела только Роуэна Кноллиса и его людей на страже.

Я ничего не могла сделать.

Но, уснув, я не могла успокоиться. К утру мне снилось, что я в Тауэре бегаю по лабиринту комнат в панике. Я слышала сзади крик. Леди Илейн...

Я проснулась, сердце колотилось о ребра. Надо мной был низкий потолок охотничьего дома.

Это лишь сон. А потом я снова слышала вскрик.

Это была Норри.

— Не могу двигаться, — простонала она, лежа на кровати. — Прости, дитя, но я не могу встать.

Час спустя после мазей, пластырей и жара она так и не встала. Немного помог лишь маковый сироп, но он лишь убрал часть боли и сделал ее очень сонной. От любой попытки подняться она ощущала боль.

— Она не может путешествовать, — сказала я Кноллису, смотревшему с порога. — Придется ждать.

— Мы не можем, — сказал он. — Мне приказали доставить вас в Гринвич без промедления.

— Но карета для нее будет пыткой, — сказала я.

— Для нее, но не для вас. Король просил доставить вас, — он подошел к Норри и склонился над ней, говоря громко и четко. — Мисс Нортэм, мне нужно забрать Певчую в Гринвич. Когда вам станет лучше, другая карета привезет вас. Или Певчая уже к вам вернется.

Мне не нравилось, что он принимает решения. Но меня обрадовало, что я могу быстро вернуться. Если так, то мне лучше ехать и избавить Норри от этой поездки.

— Люси? — Норри посмотрела на меня сонными глазами. — Ты не можешь... идти одна. Я...

Я взяла ее за руку.

— Все будет хорошо, Норри. Я беспокоюсь за тебя. Ты должна остаться здесь и поправляться. Хотела бы я остаться...

— Нет, нет. Езжай. Король ждет... — ее глаза закрывались. Сдавшись маковому сиропу, она быстро уснула.

— Идемте, — сказал Кноллис. — Нельзя задерживаться еще дольше.

Я склонилась и поцеловала Норри в мягкую щеку.

— Она будет в безопасности здесь? — спросила я у Кноллиса.

— Присмотрят ли за ней здесь? Конечно, — он вывел меня из комнаты и добавил. — В дороге будет опасней. Не буду врать.

Я остановилась на пороге.

— Что за опасности вы ждете?

— Вам не о чем беспокоиться, — Кноллису было неудобно. — Нам пора уезжать.

И хотя я пыталась вытащить из него ответ, он сказал только это.

† † †

Два утомительных дня спустя я так и не понимала, о каких опасностях говорил Кноллис. Но мне уже было почти все равно. Вместо этого я сидела в карете, которая постоянно подпрыгивала и шаталась. Успокаивало лишь, что я больше не слышала странный гул, хотя, может, потому что мне было слишком плохо, чтобы слушать. Для этого требовалось терпение и концентрация, а сейчас у меня этого не было.

Кноллис сказал, что нам повезло, что погода оставалась холодной, что земля была замерзшей. Иначе мы погрязли бы в грязи, ведь дороги до Лондона были полны ям.

Но карету шатало, и я не чувствовала себя везучей. Как и не радовалась бархату и позолоте кареты. Каждая миля казалась бесконечной. Хорошо, что Норри не страдала вместе со мной.

Эта часть дороги была хуже всего. Я сдерживала тошноту и держалась за мягкий подлокотник. Голова дергалась в стороны. Не в первый раз я пожелала знать чаропесню, позволяющую летать.

Я открыла окошко. Мне было все равно, что скажет Кноллис. Мне нужен был свежий воздух. Это Кноллис приказал закрыть окна и задернуть занавески. Когда я возмутилась, что погода не так и плоха, он покачал головой:

— Это для вашей безопасности. Не стоит всем и каждому знать, что мимо проезжает Певчая, — он позволял открывать окна, когда мы двигались по безлюдному месту, и не надолго.

Мы не были рядом с поселением. Но за шумом кареты я слышала стук камней, крики детей и лай собак. Я отодвинула занавеску и убедилась, что мы в городе. В небольшом, но все же городе с водонапорной вышкой и рынком.

— Миледи! — карета замедлилась, Кноллис поравнялся с окном. — Вас не должны видеть.

— Мне нужен воздух, — сказала я, — или меня стошнит... — я замолчала, заметив людей у дороги. — О, небо, только посмотрите на них. Такие тощие, что можно разглядеть кости.

— Не беспокойтесь, миледи, — сказал Кноллис. — Важнее ваша безопасность.

Карета застыла. Я склонилась к окну и увидела причину: толпа худых детей встала перед каретой. Они подбежали ко мне, протягивая ручки.

— Прошу, госпожа. Прошу, миледи.

— Прочь! — Кноллис потянулся за мечом.

— Нет! — закричала я. — Пусть подойдут.

Кноллис недовольно посмотрел на меня, но меч достал.

— Миледи, оставьте это мне.

— Чего они хотят?

— Еды, конечно. Как и все.

— Все?

Голос Кноллиса стал тверже.

— Англия нынче голодное место. Но им все равно нельзя преграждать нам путь, ведь столько всего на кону, — он крикнул своим людям. — Готовьтесь ехать дальше.

— Нет, — повторила я. — Пока нет. Мы точно можем что-нибудь им дать.

— У нас есть лишь свои припасы. И ваши.

Я не могла решать за них. Но слуги короля в охотничьем доме дали мне столько еды, что я бы не съела одна, даже если бы сильно проголодалась.

— Отдайте им мою еду, — сказала я Кноллису.

— Вы не серьезно.

— Серьезно.

И он послушался, хоть я и подозревала, что отчасти потому, что так было проще убрать детей с пути. Двое мужчин вытащили корзинки с едой на площадь. Кноллис приказал ехать дальше.

— Закройте окно, — приказал он, глядя на меня. В этот раз я неохотно подчинилась.

Я успела увидеть, задвигая занавеску, как дети прыгают за виноградом и бисквитом.

— Боудикка благословит вас, госпожа! — донесся крик из-за занавески.

Я четко слышала Боу-дик-ка. Но все равно была уверена, что ослышалась. Единственная известная мне Боудикка была королевой-воином, пытающейся прогнать римлян из Британии. Леди Илейн рассказывала, что с ее силой считались, хоть Боудикка была женщиной и не Певчей.

Почему они говорили о Боудикке, умершей тысячу лет назад? Еще и говорили в этом бедствующем городе? Это точно какая-то ошибка. Они должны думать только о голоде.

Прогнав эти мысли, я опустилась на подушки. Карета снова задрожала, и я осталась в бархатной клетке.

Но были судьбы и хуже...

«Хлеб вдвое дороже, чем в прошлом году, а запасов зерна на всех не хватит».

Вот что имели в виду люди короля в разговоре с Норри. А я даже не послушала, даже не подумала о том, что это значит для обычных людей.

Может, даже хорошо, что меня вытащили из безопасного логова.

ГЛАВА ПЯТАЯ ЛАБИРИНТ

На следующий день потеплело, и колеса кареты ехали по грязи. Заточенная в укачивающей карете, я не могла видеть мир снаружи. Я лишь догадывалась, что мы приближаемся к дворцу по нескольким резким остановкам, при каждой из них скрипели ворота, стражи кричали пароли.

Я сжалась, а карета снова дернулась и остановилась. Снаружи крикнул Кноллис:

— Мы прибыли, миледи!

Я потянулась к занавеске. Я не успела дотронуться до нее, дверь кареты открылась, и

лакей в красном протянул мне руку в перчатке. За ним во дворе была толпа людей, лошадей и собак, окруженная высокими кирпичными стенами.

— Ты опоздал на день, Кноллис, — крикнул юноша. Его рыжевато-каштановые волосы и красивая внешность выделяли его из толпы, он с важным видом шагал в высоких сапогах.

— Мы старались, лорд Габриэль, — сказал с достоинством Кноллис. — И нам нужно было сохранять осторожность, вы знаете.

— Певчая? — темные глаза лорда Габриэля засияли. — Она там?

Мое горло сжалось. Это уже началось: любопытство, шепот, расчеты. А я только прибыла.

Но обратного пути не было. Расправив плечи, я взяла лакея за руку и вышла из кареты.

— Миледи Певчая, — лорд Габриэль низко поклонился и подошел ко мне с широкой улыбкой. Он был, наверное, на год или два старше меня, а вблизи оказался еще красивее. — Могу я проводить вас внутрь?

— Я сам ее провожу, — сообщил Кноллис. — Миледи, если позволите?

Я пошла за ним, но краем глаза замечала позади лорда Габриэля.

Во дворце к нам подбежало еще больше лакеев.

— Король приказал отвести леди Певчую в ее комнаты, где она немного отдохнет, а потом присоединится к нему в Алой комнате, — сказал один из них Кноллису.

— Если так хочет король, так тому и быть, — отозвался Кноллис.

Он оставил меня, и я пошла за двумя лакеями по широкой лестнице. На вершине меня догнал лорд Габриэль.

— Вы, должно быть, устали от пути, — он легко и изящно поспевал за мной.

— Не очень, — я не хотела признаваться незнакомцу, как сильно устала, как у меня все еще крутило живот, но ноги предали меня. Я споткнулась.

Он поймал меня за руку.

— Похоже, вы устали сильнее, чем думаете. Но не бойтесь. Я доведу вас до комнаты.

Выпрямившись, я отпрянула от него.

— Я думала, для этого и пришли лакеи.

Он лениво улыбнулся мне.

— Ах, но разве они позаботятся о вас так, как это могу я? Вряд ли.

Он говорил витиевато, так обычно заигрывали с придворными дамами. Мне это не нравилось, но и льстило. Нату не хватало на меня времени, а у других время было.

— И во дворце Гринвич вы не найдете очень уж много проводников, — продолжал лорд Габриэль, пока мы следовали за лакеями по залу с портретами и мебели, обитой шелком, по такому толстому ковру, что я словно шла по песку. — Это же календарный дом.

— Календарный дом?

— Двенадцать внутренних дворов, пятьдесят две лестницы, триста шестьдесят пять комнат, — он беспечно взмахнул рукой, они проходили по следующему залу. — Около того. Это место было не таким большим раньше, как мне говорили, но Тюдоры и Стюарты сделали его вдвое большим. И теперь дворец похож на лабиринт.

— С чудовищем в центре? — разве не так было в истории о лабиринте?

Он вдруг пристально посмотрел мне в глаза.

— Именно так, — он снова поклонился, когда мы дошли до двери, ведущей в мои покои. — Здесь я вас оставляю, миледи. Если я смогу быть чем-нибудь полезен, только позовите. Чарльз, лорд Габриэль, к вашим услугам.

Он ушел, а лакеи открыли дверь. Эта дверь и внутренняя были с золотыми львами с роскошными гривами. Я пробормотала благодарности, и лакеи ушли.

Я одна осмотрела новые покои. Комната, в которой я стояла, была размером с весь дом, где мы с Норри жили в Норфолке. Несмотря на размер, здесь было удивительно тепло, огонь высоко горел в мраморном камине, а стены покрывали гобелены, защищая от холода. Но уютной комната не была. Гобелены были огромными и трагическими, на них изображалась безжалостная королевская охота на единорога. В углу стояла огромная кровать с красно-золотыми подушками, столбики доходили почти до потолка. Даже потолок был украшен: затейливый узор из листьев клевера переплетался над моей головой.

Я заглянула в открытую дверь и увидела еще одну комнату, соединенную с моей: она была меньше, не такой вычурной и с кроватью намного скромнее. Гобелены выглядели проще, а комната казалась темнее, здесь было лишь одно окошко.

Все еще замерзшая после пути, я вернулась к огню. Когда тепло впиталось в меня, я решила подойти к окну, огромному и с креслом рядом с ним. Я надеялась, что будет видно Темзу, Кноллис говорил, что дворец рядом с рекой. Вместо этого было видно сады, кусты выглядели как лабиринт в тусклом февральском свете.

За мной открылась дверь. Я обернулась и перестала дышать.

На пороге стоял Нат.

Мы смотрели друг на друга, не двигаясь, и на миг я была готова поклясться, что увидела тоску в его взгляде. А потом он прошел в комнату, захлопнул за собой дверь, и я увидела, что он в ярости.

— Что ты здесь делаешь? — прорычал он. — Почему нельзя было остаться там?

Я думала, что была готова к отказу. Но, оказалось, что нет.

Я старалась совладать с потрясением и болью.

— Меня вызвал король. Это не связано с тобой.

— Еще как связано, — такого яростного взгляда я у него еще не видела. — Тебе не стоило приезжать.

Боль превратилась в гнев.

— А почему это решать тебе? Ты не приехал на Рождество. Ты не писал с ноября. Если думаешь, что я стану слушать...

— Люси.

Он произнес только мое имя. Но боль и смятение на его лице остановили меня.

— Они не пустили бы меня к вам на Рождество, — сказал он. — Но сказали, что, если я соглашусь на это, смогу дальше писать. Я писал и в ноябре, и в декабре, и в январе. Мои письма не доходили до тебя?

— Нет, — радость резко вспыхнула во мне. Он писал. Все время.

— Ты их не получала? Ни одно? — он приблизился, и я видела, что он еще злится, но не на меня. — Люси, потому ты перестала писать мне?

— Я... думала, что это ты перестал писать мне.

— Нет. Никогда, — он взял меня за руку.

Всего лишь за руку. Это было далеко от тех поцелуев, что были прошлым летом. Но стоило его пальцам обхватить мои, и мое сердце забилось быстрее.

— Прости, — сказал он. — Не нужно было так тебя приветствовать. Стоило понять, что ты не знала...

— Не важно, — сказала я и не соврала. Это не было важно. В данный момент. — Но я

не понимаю. Кто сказал, что тебе нельзя приехать ко мне?

— Совет короля, — сказал он.

— Но ты в Совете, — Нат был немного старше меня, но он был ключевой фигурой в Невидимом колледже, союзе математиков, инженеров и философов, которые боролись со Скаргрейвом. Он помогал королю справиться с последствиями падения Скаргрейва. Потому его и приняли в Совет.

— Теперь только на словах, — сказал Нат. — Я отсутствовал почти всю осень и зиму, но даже когда я здесь, меня очень редко зовут на встречи. Теперь всем заправляет Внутренний совет, самые важные из них.

Я постаралась представить сэра Барнаби Гэддинга, аристократа во главе Совета, запрещающего Нату видаться со мной.

— Но зачем сэру Барнаби так поступать?

— Он так и не делал, — сухо сказал Нат. — Его уже нет в Совете.

— Нет? — я была удивлена и встревожена.

— Последний раз я видел сэра Барнаби в начале сентября, когда он отправил меня проверить, что за беда с пшеницей. Я вернулся в конце октября, а его уже не было. Мне сказали, что он заболел и уже не мог вести дела. И его место заняли новые люди.

— Но почему они не давали тебе приезжать ко мне? — не отступала я.

Рука Ната напряглась.

— Это сложно. Скажи, какое последнее письмо ты получала от меня?

— В начале ноября ты писал, что не приедешь на Рождество.

— Письмо, что они мне продиктовали? — в его голосе была горечь.

— Продиктовали? — я уставилась на него, едва веря в услышанное. — Нат, что здесь происходит?

— Я расскажу...

В дверь постучали. Отпустив мою руку, Нат отпрянул и прижал палец к губам.

— Не говори, что я здесь, — прошептал он.

Я подошла к двери, и ее открыл лакей.

— Король созывает встречу всего Совета в Алой комнате, миледи, и он хочет видеть вас. Если вы пройдете со мной?

— Конечно, я пойду. Но дайте мне минутку собраться, — ответила я. Он ждал меня за дверью, а я вернулась и обнаружила Ната в соседней комнатке.

— Это встреча всего Совета, — сказала я, понизив голос. — Я приглашена. И мне есть что им рассказать там.

— Нет, — тихо и решительно сказал Нат. — Не нужно ничего говорить. И не показывай им, что видела меня. От этого будет только больше проблем.

— Но почему...?

— Я найду тебя позже и объясню, — пообещал он, его губы оказались у моего уха. — Но пока что не переживай, если я буду тихим на Совете. Не думай обо мне. Беспокойся о себе. Весь Совет сошел с ума, это место с каждым днем становится все опаснее. Хотел бы я, чтобы ты сюда не попала.

ГЛАВА ШЕСТАЯ ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Второй поход по замку был таким же странным, как первый. Лорд Габриэль был прав: место было лабиринтом. Я следовала за лакеем по множеству роскошных комнат и залов и вскоре потеряла ощущение направления. Вместо этого я думала о словах Ната.

— Алая комната, миледи, — лакей указал на огромные двери с золотыми звездами и полумесяцами. Перед ними стояли два стража с каменными лицами и острыми бородками.

Лакей попятился, но я не шагала вперед. Как я могла встретиться с Советом и делать вид, что все в порядке? Как я могла игнорировать то, что они сделали с Натом... и со мной?

— Люси?

Доктор Корнелиус Пенебригг подошел ко мне, его серебряная борода ниспадала на расстегнутый пиджак, бархатная кепка сидела криво.

— Милая девочка, как я рад снова тебя видеть, — его глаза блестели за очками, он взял меня за руки.

Я улыбнулась ему. Как член Невидимого колледжа, Пенебригг сильно помог в борьбе со Скаргрейвом. Но он еще и был мне хорошим другом.

— Я очень рада вас видеть. Как ваша голова? — в последнюю нашу встречу он все еще восстанавливался после удара, нанесенного ему людьми короля.

Пенебригг отмахнулся.

— О, все прошло много месяцев назад. Я в порядке.

— Так Нат и писал, — пока письма не перестали доходить до меня.

Пенебригг взял меня за руку и отвел в тихий угол, подальше от дверей и стражи.

— Милая, ты расстроена. Что-то не так?

— Я... видела Ната, — я понизила голос до шепота. Пенебригг был Нату почти семьей, так что с ним говорить точно можно было, и я не хотела, чтобы подслушали другие. — Мы мало поговорили, но то, что он успел сказать...

Пенебригг поправил бархатную кепку.

— Ясно.

— Он попросил меня быть настороже. Сказал, что двор сошел с ума.

— Да? — Пенебригг покачал головой.

— Вы не согласны?

— Он хороший парень, — сказал Пенебригг. — Но я не согласен.

— Но они не давали ему приехать ко мне...

— Да, было дело, — сказал Пенебригг. — И очень плохое. Я был против, как и несколько других членов Совета. Но не переживай, долго они так себя вести не будут, — он поправил очки и посмотрел на меня сквозь них. — Но, милая, он не потому считает нас безумными.

— Нас? — повторила я с удивлением. — Он включает и вас?

Пенебригг кивнул.

Нат считал Пенебригга безумным? Наставника, спасшего и вырастившего его? Я резко вдохнула. Может, я зря поспешила поверить Нату. Может, была и другая сторона.

Но услышать я не успела, лакеи повели нас в Алую комнату.

— Идем, милая, — Пенебригг протянул руку. — Нам нужно занять места.

Мы зашли не последними. В другие двери прошло еще больше людей. Комната была алой, как и указывалось в названии. На кроваво-красных стенах сияли золотые рамки и подставки. Свечи сияли в комнате, огонь ярко горел в камине из оникса. В центре комнаты на толстом ковре стоял тяжелый стол, который был здесь, казалось, со времен правления

Плантагенетов.

Пенебригг подошел к столу и выдвинул стул.

— Сюда, милая.

Место, что он предложил мне, было справа от, судя по размеру и размещению, кресла короля.

— Я не должна здесь сидеть, — сказала я.

— Ты поймешь, что так хочет король. Он ждал твоего прибытия.

Я села, и Пенебригг отправился на свое место дальше за столом. Вошел Нат и сел рядом с ним с мрачным видом. Он лишь раз взглянул в мою сторону.

В тревоге за него я едва улавливала происходящее вокруг, так что испугалась, когда меня поприветствовал еще один знакомый из Невидимого колледжа. Самюэль Дипс.

— Миледи Певчая, приятно снова видеть вас, — модник по природе, он поправил пальцем воротник с кружевом на горле и сел справа от меня.

— Как вы, мистер Дипс? — спросила я, все еще думая о Нате.

Он просиял.

— Теперь уже сэра Самюэль.

Тут я переключила внимание на него.

Сияя, он объяснил.

— Многих из Совета посвятили в рыцари этой осенью, — он кивнул на мужчину с длинным носом и подбородком, сидящего напротив него. — Включая сэра Исаака.

Исаак Олдвилль склонил голову, приветствуя меня. Он был отвлечен, словно мысленно считал, и это было улучшением, как по мне, ведь во время борьбы со Скаргрейвом он часто был раздражен.

Я не видела безумия ни у него, ни у сэра Самюэля. Я снова засомневалась в словах Ната насчет Совета.

Но у меня были и другие вопросы.

— Почему Ната не сделали рыцарем? — спросила я у сэра Самюэля. — Или Пенебригга? — они были в Совете, они сильнее всех из Невидимого колледжа помогали мне одолеть Скаргрейва.

Сэр Самюэль помрачнел.

— Это неловкий вопрос. Им предлагали это. Но они отказались.

Я хотела узнать причину. Но вопрос застрял в горле, когда я заметила мужчину с песочными волосами, вошедшего в комнату.

Он напоминал фигурой викинга с широкими плечами и холодными, как бледно-голубое зимнее небо, глазами. Я хотела прижаться к полу. Это был граф Рэкхем: лорд-демонстратор, страж границ и главный охотник на Певчих при Скаргрейве.

Король давно простил его. При Скаргрейве все были запуганы и не верили, что что-то изменится. Вот только король был маленьким мальчиком, когда девять лет назад Скаргрейв пришел к власти, а Рэкхему тогда было двадцать три. В темные дни люди мудрее и старше были бессильны перед страшной магией Скаргрейва, и он сильно давил на Рэкхема, у которого был один из старейших титулов в стране.

Если Рэкхем помогал Скаргрейву сильнее других, он тоже был рад, когда Скаргрейва убрали. Он теперь был человеком короля, одним из первых поклялся в верности. Король говорил, что мне не стоит его бояться.

И все же что-то в Рэкхеме заставляло меня ощущать холод. Даже красивая

симметричность его лица — по сравнению с остальными — тревожила меня, может, потому что я боялась того, что скрывалось за ней. За короткие недели при дворе в прошлом году я ощутила, что бледные глаза следят за мной, как следили за другими Певчими. Хуже того, я слышала, как он говорил придворным, что я отравляю разум короля, своей магией и хитростью пытаюсь управлять им. Я была рада уехать подальше от него в Норфолк.

— Что Рэкхем здесь делает? — прошептала я сэру Самюэлю.

— Он же глава Совета, — ответил тот.

Я сжалась. Глава Совета? Конечно, визиты и письма Ната отменили.

— Я... не знала.

Я смотрела, как Рэкхем пересекает комнату, говорит с одним человеком, потом с другими, ждущими своей очереди. У него словно был свой двор внутри двора. Никто не мог сравниться с ним по влиянию здесь. Он был по-королевски одет в серебряный костюм и с украшениями из камней, он был на голову выше остальных, и его огромные руки были полны колец.

— Он был очевидным выбором после сэра Барнаби, — и очень тихо сэр Самюэль добавил. — Конечно, предлагали и другие кандидатуры. Но сэр Исаак хочет уехать во Францию, а сэр Кристофер Линнет согласился служить послом в Испании. И когда Рэкхем вернулся после победы над мятежниками, было ясно, кто будет вместо сэра Барнаби.

— Мятеж? — что я пропустила?

— Вы и об этом не знаете? — сэр Самюэль был слегка удивлен. — Это случилось в начале октября. Мятеж возглавил давний смутьян граф Бервикский. Он не очень хотел клясться в верности королю, так что мы не удивились, когда он попытался отделиться от Англии.

— Это было из-за голода?

— Отчасти. Там пшеница пострадала не так сильно, и Бервик думал, что пора ему использовать шанс, пока мы слабы. Он хотел устроить свое королевство на севере и стать союзником шотландцев. И он бы сделал это, если бы Рэкхем не привел туда армию. Король вместе с ним отправился в бой против Бервика, и они победили. Так что теперь Рэкхем — глава Совета.

Вот так. Мне было не по себе.

— А еще он дальний кузен короля, — добавил сэр Самюэль. — Говорят, он и его люди спасли королю жизнь на поле боя, — он замолчал, потому что Рэкхем пошел к нам, его волосы сияли золотом, как корона, а шея была толстой, как ствол дерева.

Он остановился передо мной. Нас разделял стол, хоть он был и не таким широким. Я приготовилась к оскорблениям.

Но случившееся дальше потрясло меня еще сильнее: он улыбнулся, его зубы сверкнули, как у волка.

— Миледи Певчая, — его тусклые голубые глаза, не мигая, смотрели на меня. — Как хорошо, что вы с нами.

Я не могла отвести взгляда, но не могла и улыбнуться. Король говорил, что его не нужно бояться. Но мое сердце колотилось.

Рэкхем рухнул на место напротив меня.

— Король! — закричал лакей.

Мы все поднялись, вошел сам король Генрих, его рыже-золотые волосы сияли над строгой черной одеждой. Он был не намного старше меня, но уже не был робким, как

раньше. Хотя он не мог сравниться по внушительности с Рэкхемом, он все равно шел с уверенностью истинного короля. Он выглядел как человек, прошедший бой и победивший, но не только на поле боя. Но я заметила старую тревогу в его глазах, когда он сел.

Он переживал из-за Рэкхема? Нет, это была моя тревога. У Генриха точно были другие проблемы, включая опасность, заставившую его призвать меня сюда.

Указав нам сесть, он повернулся ко мне с серьезной вежливостью.

— Приветствую, миледи Певчая. Простите, что не смог встретить, но, думаю, вас приняли должным образом?

— Да, Ваше величество, — ответила я, как и требовалось. Я не собиралась объяснять, что важнее для меня была встреча с Натом.

— Очень хорошо, — стражи заперли двери, король громко обратился ко всем. — Приветствую, милорды и джентльмены. Я созвал вас, потому что дела достигли критического пика. Но, по меньшей мере, один из нас, — он кивнул мне, — ничего не знает о происходящем. Милорд Рэкхем, может, расскажете ей вкратце?

И Рэкхем заговорил резко, как и ожидалось от него.

— Видите ли, Певчая, кто-то сбежал с Золотым тигелем, и вам лучше вернуть его нам.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ ЗОЛОТОЙ ТИГЕЛЬ

Холодок в глазах Рэкхема тревожил меня, но сильнее я ощущала смятение. Король вызвал меня в Гринвич из-за простой кражи?

— Отмечу, что я хотел преподнести новость мягче, — сказал король Генрих, повернувшись ко мне. — Но Рэкхем прав. Мы понесли большую потерю, нам нужна ваша помощь.

— Я помогу, если смогу, — сказала я, стараясь не смотреть на Рэкхема. — Но я не понимаю. Если дело в обычной краже, зачем вы вызвали меня?

— Потому что больше ничего не сработало, — сказал король. — И потому что от этого зависит будущее всего королевства.

— От... тигеля? — я старалась прогнать потрясение из голоса.

— Да, — сказал король. — Если мы хотим пополнить королевскую казну, нужно его вернуть.

Я все еще не понимала.

— Может, я объясню подробнее, Ваше величество? — Исаак Олдвилль, сэр Исаак, уже не выглядел растерянно.

— Конечно, — взмахнул рукой король. — Об этом вы знаете больше всех.

О чем? Я все еще не понимала.

Сэр Исаак склонился, чтобы просветить меня.

— Как вы понимаете, королевство сильно пострадало за прошедшие полгода. Урожай пшеницы испорчен, это привело к голоду, а голод — к волнениям.

— Волнениям? — фыркнул Рэкхем. — Называйте вещи своими именами. К мятежам.

Сэр Исаак не обратил на него внимания.

— Некоторые сомневаются в правлении короля, — сказал он мне. — Говорят, что при правлении Скаргрейва они не голодали. Мятежники призывают к бунту, бедняки их слушают. Некоторые части страны стали почти неуправляемыми. Большая часть Саффолка, например...

— Я бы его таким не назвал, — перебил Пенебригг со своего места дальше за столом. — Боудикка неплохо справляется.

— Боудикка? — я вспомнила слова с дороги. — Кто это?

— Никто точно не знает, — сказал сэр Самюэль. — И это настораживает. Говорят, ее настоящее имя — Гуди Бут, а Боудикка — второе имя. Говорят, что она крадет у богачей и отдает бедным. И у нее много последователей.

— Иногда богатство выдают добровольно, — сказал Пенебригг. — Таких мало. Говорят, что Боудикка все направляет, чтобы прокормить голодных.

— Горсть проклятых Уравнителей, — скривив недовольно губы, Рэкхем протянул руку к королю. — В королевстве не будет порядка, пока мы не сокрушим их. Если бы вы нашли причину, Ваше величество, и послали меня туда...

— Смелое предложение, — сказал король, — но посмотрим, как Боудикка объяснится перед нами. Она показала верность короне, не перечила моим призывам. Так что она должна уже двигаться к Гринвичу.

— С толпой последователей, — отметил Рэкхем. — Пятьсот, не меньше. Зачем они здесь, если не для мятежа?

— Там не только мужчины, — возразил король. — В отчете говорится, что женщины и дети тоже там идут. Значит, она ведет не только армию. Насколько мы знаем, они идут за ней по своим причинам. Голод толкает людей на странные поступки.

— Только больше поводов остановить глупую женщину, — сказал Рэкхем. — Пока она не навредила. Если мы не сделаем из нее и ее последователей пример, начнется восстание. А что потом? Испания и Франция могут воспользоваться нашей слабостью.

Многие за столом согласно шептались.

— Да, времена опасные, — согласился король, — но мы это уже обсуждали, и я останусь при своем мнении: если мы нападём на Боудикку раньше, чем встретим ее, то спровоцируем восстание, которого боимся.

Гнев вспыхнул в бледных глазах Рэкхема, но король этого не заметил. Он говорил со мной.

— Вместо этого нужно разобраться с настоящей проблемой: голодом. Как только мы получим больше еды, проблемы минуют. К счастью, континент не пострадал, и они готовы прислать нам зерно.

— Это было бы хорошей новостью, — сухо сказал сэр Исаак, — если бы у нас были деньги купить его.

Гнев все еще пылал в глазах Рэкхема.

— А я предупреждал, что компенсации нас разорят.

— Да, но мы должны были это сделать, — не сдавался король. — Скаргрейв забрал многое и зря. Эти деньги не должны были находиться в нашей казне изначально.

— Не время сейчас думать о принципах, — сказал Рэкхем. — Возвращение денег ослабило нас. Сокровищница опустела.

— Не совсем, — возразил Пенебригг. — Но ваша программа усиления опустошает остатки, лорд Рэкхем...

— Защита важнее всего, — прорычал Рэкхем. — Правитель сначала должен защитить свой народ. Все это знают.

— Я бы поставил еду на первое место.

— Потому что вы никогда не подавляли восстание, — Рэкхем посмотрел с презрением

на Пеннебригга. — Философы понятия не имеют об управлении страной.

— Мы кое-что знаем, — сказал Пеннебригг, поправив очки. — И мы видели, как страна может быть без управления.

— Что вы имеете в виду? — прорычал Рэкхем.

— Довольно, — прервал их король. — Мне нужны и воины, и философы за столом. И я бы предпочел их мирное сотрудничество.

Спор прекратился, но напряжение за столом не пропало.

— Я не понимаю, при чем тут тигель, — сказала я.

— Все просто, — сказал сэр Исаак. — Нам нужны деньги. И мы повернулись к алхимии. Я вжалась в спинку стула. Алхимия? Об этом безумии говорил Нат?

Я быстро взглянула на него, но его лицо было спокойным, даже слишком, словно он думал о другом. Вряд ли алхимия тревожила его, если подумать. В прошлом году он легко упоминал, что сэр Барнаби баловался алхимией.

Но в словах сэра Исаака легкости не было. Он звучал очень серьезно, значит, и дело таким было.

— Вы знаете принципы алхимии? — спросил он.

— Я почти ничего не знаю, — алхимию называли тайным искусством, сложным для понимания новичка. Я знала, что не стоит притворяться, что у меня есть такие знания.

— Начнем тогда с основ, — сказал сэр Исаак. — Мы хотим создать философский камень.

— Который и не камень вовсе, — перебил король Генрих. — Это красный порошок. Или порой жидкость.

Я уже запуталась. Камень — жидкость?

— Я думала, что алхимики делают золото.

— Для этого и нужен камень, — сказал сэр Исаак. — Он превращает основные металлы в чистое золото, короля элементов.

— Некоторые говорят, что камень еще и исцеляет больных, — добавил король. — Некоторые верят, что он может даровать бессмертие.

Сэр Исаак покачал головой.

— При всем уважении, Ваше величество, нам не стоит думать о бессмертии. Как я и говорил, в документах Фламелья это ясно описано. Долгая здоровая жизнь — да. Бессмертие — нет. Такие мечты из сказок, а не науки. А нас сейчас интересует наука.

— У вас есть документы? — спросила я.

— Да, — сказал сэр Исаак. — От Николаса Фламелья, французского алхимика. Он узнал, как создать камень, три века назад. Но он хорошо скрывал свои тайны, — его глаза сияли. — Пока я не наткнулся на них.

— Вы нашли их?

— Да. Когда я был во Франции прошлой осенью по делу короля, я решил последовать записи Парацельса...

— Еще один алхимик, — шепнул мне сэр Самюэль. — Писал книги.

— ...и после хитрых поворотов я нашел бумаги Фламелья о камне, — прежний беспокойный дух вернулся во взгляд сэра Исаака. — Всего семь страниц, но на них важная информация, способная объяснить оставшиеся загадки.

— Он месяц над этим работал, — прошептал сэр Самюэль. — Не ел и не спал.

— И вы думаете, что сможете сделать это? — спросила я у сэра Исаака. —

Философский камень? Золото?

— Если соблюсти правильные условия, то да. Без сомнений.

Скажи это кто-то другой, я не поверила бы, но сэр Исаак был самым талантливым в Невидимом колледже. Его можно было назвать величайшим умом в истории Англии. Он ничему не верил без доказательств.

— Но это прекрасно! — я подумала о голодных детях на дороге. Если медь можно превратить в золото, то мы сможем накормить их всех, тысячи тысяч. Мы сможем спасти Англию от голода и разрухи.

— Прекрасно, да, — согласился сэр Исаак. — Но мы не справимся без нужного оборудования. А самый важный предмет украли.

Я начала складывать кусочки вместе.

— Золотой тигель?

— Он самый. Инструмент, который использовал в работе сам Фламелъ, редкий сосуд, созданный в Египте четыре тысячи лет назад великим Гермесом Трисмегистусом, создателем алхимического искусства. Документы Фламеля позволили найти его и привезти в Англию. И теперь он пропал, и все наши усилия ни к чему не привели.

— А вы собирались сделать камень? — спросила я.

— Можно и так сказать, — ответил сэр Исаак. — Все было готово, но мы не можем совершить Великое творение — создание камня — пока не выстроятся правильно небесные тела.

— А когда это будет?

Сэр Исаак посмотрел на карманные часы.

— Шестьдесят два часа и тридцать пять минут, на рассвете шестнадцатого февраля. Судя по бумагам Фламеля и моим расчетам, только тогда можно сделать камень. Другого шанса в этом веке не будет. Так что нам нужно успеть найти Золотой тигель.

— Так скоро? — опешила я. Оставалось меньше трех дней. — И вы не знаете, кто его украл?

— Не знаем, — заговорил король Генрих. — С нашего прибытия в Гринвич в декабре тигель хранился в Сокровищнице дворца. Там был вооруженный страж, стены толщиной в шесть футов, мы думали это место самое безопасное. Каждую ночь мы с сэром Исааком ходили проверять его.

— Когда его забрали?

— Рано утром двадцать девятого января, где-то между двумя и тремя часами. До этого один из стражей увидел дым из коридора. Боясь, что это пожар, он пошел проверить, и кто-то напал на него сзади и прижал к лицу вонючую тряпку. Когда он пришел в себя, Золотой тигель пропал, его товарищ-страж лежал в луже крови у двери Сокровищницы.

Мертвый?

— Так там произошло еще и убийство? — спросила я.

— Да, — сказал король. — Мы тут же пошли искать злодея. Стражи поклялись, что никто не выходил через ворота, не перелезал стены. Так что мы должны были поймать его.

— Я вызвал гончих, — сжал кулаки Рэкхем. — Мы обыскали каждый дюйм. Всех во дворце.

Его голос трепетал от воспоминания о преследовании. Я старалась не дрожать. Он не охотился сейчас на Певчих, он искал убийцу...

— К счастью, мне помог лорд Роксбург, — Рэкхем указал на человека справа от себя в

светло-зеленом костюме. Тот посмотрел на меня.

— Мы вытащили каждого человека из постели.

— Лорд Ффоулкс тоже помогал, — Рэкхем кивнул на крупного аристократа с пухлыми щеками дальше за столом.

— Многие сначала были оскорблены, — признался сэр Самюэль. — Неприятно проснуться посреди ночи и попасть на допрос. Но, конечно, дело было срочным. И у некоторых из нас было алиби.

— Потому мы вызвали вас, — сказал мне король. — Наши попытки провалились. Но мы надеемся, что с вашей магией все получится, и мы найдем злодея.

Если бы он попросил туман, я бы это сделала. Но найти тигель? Он просил то, что было вне моих сил.

Мне не хотелось этого говорить, ведь напротив сидел Рэкхем.

Я осторожно подбирала слова.

— Ваше величество, я не уверена, что в этом случае может помочь моя магия. Можно мне немного времени это обдумать?

— Госпожа Певчая, — с ноткой нетерпения сказал король, — вы очень скромны. Я обсуждал это дело с верными советниками и вспомнил, что у вас есть магия, которая нам нужна.

Король резко замолчал, словно не хотел продолжать. Я вспомнила, что Нат говорил об опасности, и мои страхи стали сильнее. Что знал о моей магии Совет? Мало. Но что они успели пообещать за меня Генриху?

Я нарушила тишину.

— Что вы ожидаете от меня, Ваше величество?

Король настороженно посмотрел на меня большими голубыми глазами.

— Мне говорили, что вы можете читать разум.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

БЕЗУМИЕ ЛУННОГО ШИПОВНИКА

Я уставилась на короля. Это просто безумие.

— У нас есть немного семян лунного шиповника, — сказал мне король. — Вы ведь слышите их песню? Как только вы ее споете, сможете читать мысли. Так мне говорили.

— Да, так это работало, когда она делала это для Невидимого колледжа, — сказал оживленно сэр Самюэль. — Я там был и никогда этого не забуду. Потрясающее умение.

— Именно так, — сказал король. — И беспокоящее, ведь в разум могут войти без спросу.

Так он узнал, что я попала в его мысли в дни правления Скаргрейва. Это объясняло тревогу в его глазах. Это рассказал ему сэр Исаак или сэр Самюэль? Это мог быть кто угодно из Невидимого колледжа. Они все знали.

— Это было давно, Ваше величество, — начала я, — и произошло случайно...

— Мы забудем об этом, — сказал он, — если теперь вы будете использовать этот навык по моему приказу.

— Нет.

Сначала я подумала, что сама сказала это, ведь хотела так сделать. Но встал со стула Нат, он перечил королю, стоял перед нами с пылающими глазами.

— Вы не можете просить ее делать это.

Слова едва успели вылететь, и Рэкхем закричал поверх них.

— Не смейте так говорить с королем, юноша. Певчая послушается короля, и точка.

Не слушая его, Нат смотрел только на короля Генриха.

— Ваше величество, это опасно для нее. Может, вам не сказали, но это так.

Король посмотрел на меня.

— Да?

Мне не хотелось говорить о слабости при дворе, при Рэкхеме. Но Нат хотел как лучше, и я не могла поступить иначе.

— Да, Ваше величество, это так.

— Могу это подтвердить, — Пенебригг был спокойнее Ната, но такой же решительный. Он коснулся рукава Ната, что-то пробормотал, и юноша опустился на стул.

— Можете рассказать подробнее? — спросил у меня король.

Я пыталась подобрать слова. Я не хотела раскрывать тонкости своей магии перед такими людьми, как Рэкхем, и было сложно ответить. Но ответ нужен был сильный. Посмею ли я рассказать им, как просто мне было затеряться внутри другого человека? Или какими могли быть последствия, если человек — враг? Из всех присутствующих только Нат и Пенебригг сами видели, как близко я была к смерти таким путем.

Словно ощутив мои страхи и сомнения, король упростил задание:

— Миледи Певчая, вижу, мы поставили вас в неловкое положение. Вы должны, конечно, сами принять решение.

Я с облегчением посмотрела на него, но снова напряглась, когда он добавил:

— Хотя я нахожу проблематичным то, что вы не расскажете мне о возможной опасности.

— Вы не понимаете, что просите, — упрямо сказал Нат.

Пенебригг снова коснулся Ната, словно предупреждая. Не только Рэкхем теперь недовольно смотрел на Ната. За столом слышался шепот.

— От юноши проблемы, — сказал лорд Роксбург, глаза его сияли.

— А она? — пробормотал Ффоулкс, глядя на меня.

Лучше любой ответ, чем молчание. Я понимала это. Я повернулась к королю.

— Правда, что чтение разума опасно, Ваше величество, и не все я могу легко вам описать. Но это опасно не только для меня.

Король смутился.

— О чем вы?

— Возможно, не все при дворе хотят, чтобы я узнала их истинные мысли. Все мысли... порой именно так работает магия.

Это сработало, судя по лицам вокруг меня. Может, я еще смогу выиграть в споре.

Рэкхем ударил кулаком по столу.

— Проясните, Певчая! У вас не должно быть секретов от совета и короля. Если человек не врал, ему нечего бояться, но предатели пусть опасаются. Все, у кого нет алиби, будут проверены. Можете обыскать все в их головах пока не найдете вора.

— Не уверена, что это так просто... — начала я.

— Певчая, это очень просто, — Рэкхем склонился над столом со зловещим видом. — Я вел людей в бой, они боролись с ужасными опасностями ради страны. Почему должно быть что-то иначе с вашей силой?

Я усталилась на него, щеки пылали. Он говорил, что я — трусиха?

— Миледи Певчая, мы знаем, что у вас львиное сердце, — король говорил очень вежливо, но он не укорял Рэкхема, в его взгляде смешались разочарование и уважение. — Потому нам сложно принять ваш отказ. Неужели вы никак не можете нам помочь? Нам — не только мне или совету. Я говорю за всех в королевстве, кто голодает, за детей, страдающих на улицах, за каждую душу в этом королевстве, которые нуждаются в том, что можно им дать.

От его слов мне стало стыдно. Это было так: я думала только о себе. Может, я преувеличивала опасность. Все же я читала много раз разумы, а потом заблудилась в одном, но после этого я узнала о магии и себе больше. Если я почувствую опасность, я смогу вернуться раньше, чем наврежу себе. И кем была я, если столько людей страдало?

— Спрашиваю в последний раз, — сказал король. — Вы используете песнь лунного шиповника для нас?

Я замешкалась. Был ли другой вариант? Другая магия? Я не видела.

— Я сделаю, как вы просите, Ваше величество.

Нат вздрогнул.

— Нет! — в этот раз он обращался ко мне.

Я ценила его желание защитить меня, но не могла его слушать. Не ради него, не ради себя. Это мой бой, мой риск.

— Да, — сказала я. — Я должна.

Было больно видеть его отчаяние. Мы смотрели друг на друга. А потом он с болью опустил голову. Я, похоже, победила. Но какой ценой?

Все можно решить позже. Если мы дойдем до этого.

Я отодвинула стул и встала.

— Вы сказали, что у вас есть семена, Ваше величество?

— Их сейчас принесут, — сказал король.

Сэр Исаак и Рэкхем встали из-за стола и покинули комнату. Когда они вернулись, они принесли запертую позолоченную шкатулку, которую они поставили перед королем. Каждый достал по ключу — медный у сэра Исаака, серебряный у Рэкхема, золотой у короля — и вставил в подходящий замок. Три щелчка, и шкатулка открылась.

Король вытащил оттуда закупоренный стеклянный флакон.

— Вот они, — он поднял флакон к свету, озаряя крошечные семена в нем. — Все, что осталось от лунного шиповника в мире. Остальное было уничтожено. Уверен, вы знаете.

Я кивнула. Я слышала, что совет принял такое решение, и одобряла его. Я бы не хотела, чтобы семена лунного шиповника были всюду.

Король смотрел на семена. А потом он опустил флакон и спросил у меня:

— Вы готовы?

— Вы не сказали мне, чьи разумы читать.

— Тех, у кого нет алиби, — сказал король. — Я думал, это ясно.

— Да, но откуда я начну?

— Отсюда, — Рэкхем не мешкал. — С Совета. Если здесь есть гадюки, мы тут же зажарим их.

— Сложно поверить, что тут есть тот, кто предал бы нас, но лучше проверить, — сказал король. — Кто первый? У Рэкхема есть алиби, у остальных — нет.

Ответом была недовольная тишина. Все, кроме Рэкхема, опустили головы.

Встал Нат.

— Пусть это буду я.

Я смотрела на него. Он был против использования семян, я знала, что он терпеть не мог, когда его разум читали. Почему тогда он вызвался? Это был блеф?

Когда он подошел ко мне, я увидела отчаяние и тревогу в его глазах и поняла, что блефа не было. Нат просто пытался защитить меня так, как умел, единственным возможным вариантом. Его взгляд говорил: «Если тебе нужно читать чей-то разум, пусть это будет мой. Я тебе не наврежу».

Я не могла поблагодарить его, коснуться. Слишком много людей смотрело на нас. Боясь, что они прочитают мои эмоции по лицу, я опустила голову.

— Ну-ну, — сказал Рэкхем. — Я удивлен, юный Уолбрук. И Певчую ты тоже удивил.

— Отлично, — сказал Нату король. — Скажите, Певчая, что дальше?

— Мы подготовимся, — я отодвинула стул и повернулась к Нату, все еще не решаясь трогать его или смотреть на него. Я отошла от стола и указала на место на расстоянии вытянутой руки. — Можешь встать здесь?

А королю я объяснила:

— Когда я спою, мне нужно будет коснуться человека, чей разум хочу прочесть. Или коснуться хотя бы его вещи. Но если человек рядом, это еще лучше.

Остальные члены Совета вышли из-за стола и окружили нас. Король отдал мне флакон с семенами.

— Теперь вы споете?

— Да, — я старалась унять дрожь в руках. Лунный шиповник был полон магии, его музыка была особо сильной, порой обманчивой. Смогу ли я ее покорить? Или она покорит меня?

Я чуть приподняла пробку, слушая первые ноты песни лунного шиповника. Но я слышала только приглушенное пение Темзы, но и оно было очень тихим, хоть река была рядом. Наверное, стены были очень толстыми.

Не слушая Темзу, я вытащила пробку. В этот раз едкий запах и тихая мелодия направились ко мне.

Я приблизила флакон. Да, там была песня, но верная ли? Я не помнила, чтобы она так закручивалась.

— Что-то не так с музыкой, — сказала я Совету.

— Если звучит неправильно, не пой ее, — сказал Нат.

Король одарил меня тяжелым взглядом.

— Хотите сказать, что у вас не выйдет?

— Я говорю, что это опасно, Ваше величество.

Рэкхем прорычал:

— Мы готовы, Певчая.

Я не хотела этого признавать, но что-то в его словах было. И я не могла понять, было ли с песней что-то не так. С чаропеснями на память полагаться смысла не было. Потому мне нужны были семена. А эти семена были старше и суше тех, кто я использовала раньше. Это могло изменить песню. Хотелось бы, чтобы мелодия была четче и проще, чтобы я могла понимать ее лучше.

Может, я пойму лучше, когда запою. Порой это работало. Я склонила флакон, и песня полилась в меня.

Нат не пытался остановить меня. Может, он чувствовал, что назад уже не повернуть.

Удерживая замысловатый мотив, я озвучила первую трель. Меня окружали кривые линии, я пела их и расслабилась, убаюканная плавным звучанием. Я зря переживала: песня все еще была для меня загадкой, но ничего плохого не произошло...

Семена зашипели.

Я в тревоге замолчала.

Флакон вспыхнул.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ОБВИНЕНИЯ

Огненные щупальца вылетели из стекла, расширяясь и извиваясь, как пылающая лоза. Я от потрясения выронила флакон, но он не разбился о ковер, а лоза стала расти быстрее. Чудовищное растение появилось перед нами: куст лунного шиповника из огня. Цветы распустились на ветках, обжигая мое лицо и платье.

Король отпрянул. Члены Совета вопили и кричали.

— Осторожно! — Нат прыгнул к огню и бросил на флакон свой кожаный плащ. Огонь потух. Остался только дым, пахнувший гнилым лунным шиповником. Король и Совет в ужасе смотрели на меня сквозь этот дым.

— Что это было? — на побелевшем лице короля веснушки теперь казались яркими созвездиями.

— Я... не знаю, — сказала я. — Такого не было раньше.

— Ты это сделала, — обвинил меня Рэкхем. Его рука легла на украшенную рукоять кинжала. Я встревожилась.

— Я не хотела, — сказала я. — Клянусь.

Сэр Исаак, сэр Самюэль и Нат опустились у обгоревшего плаща и флакона под ним.

— Семян нет, — вскрикнул сэр Самюэль. — Огонь их поглотил!

Крики заполнили комнату, Рэкхем ударил рукой по столу.

— Певчая! Ты играешь с нами?

Я сжала кулаки.

— Конечно, нет, лорд Рэкхем.

— Ты так говоришь. Но ты сразу была против чтения разума... а тут вдруг пропадают семена лунного шиповника. Вот так везение.

В комнате снова стало тихо. Все ждали моего ответа. Я взглянула на короля, а тот с тревогой смотрел на меня. Почему он позволял Рэкхему срываться на меня? Он тоже считал, что я виновата?

— Я говорила вам, что песня звучала странно, — напомнила я. — Сразу говорила.

Король задумчиво кивнул.

— Да, вы нас предупреждали, что что-то не так, — теперь он уже был сильнее уверен во мне. — Скажите, Певчая, мог ли кто-то испортить семена магией или как-то иначе? Это изменило бы их песню?

— Возможно, — у меня не было опыта в этом, но что-то точно вмешалось в песню лунного шиповника.

Сэр Исаак обхватил флакон платком и поставил на стол. Стекло треснуло и искривилось от жара.

— Вы не заметили, что еще было с ними не так, Певчая? Внешний вид? Запах?

— Они странно пахли, — вспомнила я. — Будто уксусом, но еще кислее.

— Ах! — сэр Исаак был заинтригован. — Необычно. Значит, их мог кто-то испортить.

Не знаю лишь, виновата в этом химия или магия.

— Кто бы такое сделал? — осведомился Рэкхем, приближаясь ко мне.

— Понятия не имею, — сказала я и невольно посмотрела на Ната — не чтобы обвинить, а глупо пытаюсь отыскать помощь в беде.

Остальные проследили за моим взглядом.

— Ясно, — сказал король. — Он не был рад существованию лунного шиповника, да? И он был готов почти на все, чтобы защитить вас, — он говорил так, словно ему было больно от такой мысли, но при этом становился все увереннее.

— Он не делал этого, — быстро сказала я, повысив голос, видя, что многие начинают верить в это. — Нет. Он не такой.

— Конечно, не делал, — заявил Нат. — Мне не жаль, что семена пропали. Но я бы не пошел вот так за спинами у всех.

Зря он сказал, что ему не жаль. Но это был Нат, ужасно прямолинейный. Ему было сложно следовать собственному совету молчать и не привлекать внимания.

Хотя и мне было сложно. Я не могла не защитить его.

— Он был против использования семян мной, — заявила я. — Почему бы он переживал, если бы знал, что семена сгорят?

— Певчая права, — голос Пенебригга был спокойным, но так он дергал за бороду, когда нервничал.

Лорд Роксбург пожал плечами.

— Может, Уолбрук хотел сбить нас со следа.

— Но как я мог что-то сделать с семенами? — возмутился Нат. — У меня нет ни одного ключа, а иначе шкатулку не открыть.

— Да, — сказал Рэкхем. — Но вору это не нужно.

Глаза Ната вспыхнули.

— Я не вор.

— Ты ведь воровал у Скаргрейва? — сказал Рэкхем.

— Чтобы одолеть его. Но это не делает меня вором.

Другие члены Невидимого колледжа и я заступились на него.

— Он был шпионом, — сказала я. — Это совсем другое.

— Верно, — согласился сэр Исаак. — Нат крал по указаниям Невидимого колледжа, чтобы помочь сопротивлению.

— Более благородного юноши не найти, — сказал Пенебригг.

— Мы бы без него не справились, — кивнул сэр Сэмюэль.

Рэкхем не слушал нас.

— Вор остается таким навеки, — сказал он, все заглушили крики.

— Тишина, — крикнул король. — Тишина! — в комнате стало тихо, и он утомленно сказал. — Вот потому я и не созываю так часто полный Совет. Вернемся на места и попытаемся обсудить все без лишнего шума.

Члены Совета пошли к толу. Нат двигался медленнее остальных. Я тоже села. Как только мы устроились, король указал другую сторону стола.

— Сэр Исаак, вы хотите что-то рассказать?

— Только то, что на шкатулке самые необычные и сложные замки, — сказал сэр Исаак. — Если бы Нат смог взломать их, в чем я сомневаюсь, даже если у него и хорошие навыки, от этого остались бы царапины, повредился бы механизм. Таких следов нет. Так что обвинять его нет смысла.

Рэкхем собирался вмешаться, но сэр Исаак не закончил:

— Более того, Нат не мог добраться до шкатулки. Кроме этой встречи, ее все время держат в сокровищнице под охраной.

— С тигелем? — спросила я.

— Да, — король посмотрел на сэра Исаака. — Хотите сказать...

— Да, — сэр Исаак стукнул пальцами друг о друга. — Тот, кто украл тигель, мог попытаться забрать семена, чтобы не дать нам найти вора.

— Но ключи, — сказал король. — У него не было ключей.

— Копий нет? — спросила я.

— Нет, — сказал король.

— Может, и есть, — медленно сказал сэр Исаак. — Это знает точно только тот, кто делал шкатулку. Сэр Барнаби Гэддинг.

Король встревожился.

— Тогда нужно немедленно послать кого-то к нему.

— Это будет непросто, — предупредил сэр Исаак. — Вы помните, Ваше величество, что после болезни прошлой осенью сэр Барнаби удалился в свой особняк в Девоне, надеясь, что здоровье улучшится. К сожалению, позавчера вечером я получил письмо от леди Гэддинг, где говорилось, что его состояние ухудшилось. Он живет, но не может говорить и не понимает большую часть вопросов.

— Мы все равно должны кого-то послать к нему, — сказал король. — Если он не может нам помочь, может, леди Гэддинг поможет или кто-то из его слуг.

— Это все звучит смутно, Ваше величество, — отметил Рэкхем. — Виновный где-то здесь, не в Девоне. Лучше действовать здесь и сейчас.

— Мы не можем действовать без доказательств, — король, что меня обрадовало, не слышался Рэкхему, хоть и позволял ему больше, чем мне нравилось. — Мы можем лишь не выпускать никого из замка, пока не найдут тигель, пока не будет разрешена тайна, — он повернулся ко мне. — Певчая, вам придется пока что побыть здесь.

— Я понимаю, — сказала я, но это было ударом. Я надеялась скорее вернуться к Норри в Норфолк. А теперь я оставалась среди вора, убийцы и Совета, не верящего мне.

— Магия лунного шиповника подвела нас, — сказал король, — но у вас могут быть другие чары, способные помочь нам. Например, вы ведь можете песней сделать себя невидимой?

Когда-то могла. Но это давала мне Проверенная магия, а не Дикая, так что это я потеряла, когда треснул рубин. Я хотела объяснить. Провал с лунным шиповником делал меня слабой в их глазах.

— Это не самый лучший ход, Ваше величество, — ответила я. — Проблема сложная, и я хотела бы немного обдумать, как ее решить.

Король нахмурился.

— Хорошо. Мы поговорим об этом, когда вы отдохнете от пути. Если придумаете, как помочь нам, тут же отыщите меня, невзирая на время, — он кашлянул. — О другом мы тоже можем поговорить.

В комнате все притихли.

— Но это может подождать, — сказал король. — Лорды, джентльмены, миледи Певчая, спасибо, что пришли. Пока что мы закончили.

† † †

Но все было не закончено. Рэкхем точно так не думал. Я одной из последних покинула зал, и он поймал меня в коридоре.

— Не думай так легко убежать, Певчая.

— Я не убегаяю, — я попыталась обойти его. — Я иду в свою комнату.

Но я не могла уйти, пока он преграждал путь. Он напоминал гору, он был вооружен. Обойти его не удавалось.

Мне не нравилось быть в ловушке, и это его радовало. Я это видела. Он почти улыбался, пока преграждал мне путь. А потом на его глаза упал свет, и я увидела в них гнев.

— Предупреждаю, Певчая.

Уставшая после пути, после стычек по прибытию, я попыталась остановить его.

— Слушайте, я знаю, что вы не хотите, чтобы я была здесь.

— О, вот и нет. Певчая. Я хочу, чтобы ты была здесь. Я хочу, чтобы я мог следить за тобой. Не на пляже Норфолка, вдали от глаз. Хотя я и там мог заставить кого-то следить за тобой. Но Гринвич удобнее.

— Вы следили за мной? — от этого мне стало не по себе.

— За тобой следили, да. После твоей победы над Скаргрейвом. И я многое узнал.

Я не хотела позволять ему подавлять меня.

— Например?

— Например, что рубин, который ты прячешь под платьем, треснул... и я знаю, что это означает.

Я заставляла себя стоять ровно, будто перед диким зверем, что мог напасть. Если Рэкхем знал о моем рубине, что еще за секреты он выведал?

Бледные глаза Рэкхема сверлили мое лицо.

— И я знаю, что у тебя еще есть сила. Огромная сила. Ты можешь вызывать туман, дождь. Ты сама сдержала стражу короля, — он скривил губы в ярости. — Как ты посмела сказать королю, что не можешь сейчас ему помочь? Как посмела заставить его ждать?

Я сжалась.

— Признайся, — прошипел он. — Ты врешь. Ты покрываешь вора. Уолбрука.

— Нет, — сказала я. — Нет, я... — как объяснить, не навредив Нату и не раскрыв то, чего Рэкхем не знал о моей магии? — Я никого не покрываю. Но найти тигель не так просто, как вы думаете. Мне нужна верная песня. У меня пока что ее нет.

— Так найди ее! — он придвинулся еще ближе, перекрывая свет. — Нам нужен этот тигель, Певчая. Найди песню и спой, — его рука сжалась на рукояти кинжала, кольца от этого казались больше. — И не думай использовать свою магию против меня. Я умею защищаться, поверь. Я уже расправлялся с твоим видом, помни это.

Как я могла забыть? Я заставила себя стоять ровно. Я не дам ему видеть, как он напугал меня. Ни за что. Ни за что.

— А еще помни, — его голос стал ниже, полон яда, — что у меня есть глаза в Норфолке, но еще больше глаз и ушей здесь, при дворе. Я слежу за каждой минутой, каждым часом, каждым днем. Так что не выводите меня.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ТАЙНАЯ КОМНАТА

Озвучив угрозы. Рэкхем ушел, все еще сжимая кинжал.

Я прижалась к стене. Мне хотелось показать ему, что и меня лучше не выводить. Но если я использую против него магию, что будет? Рэкхем был человеком короля, а злить короля не стоило. А любая магия привела бы ко мне. Лучше пока ничего не делать.

И все же было приятно помнить, что сила у меня есть, даже если я решила пока ее не использовать.

Но что Рэкхем говорил о защите? Я пыталась вспомнить его слова. Я никогда не слышала о способе закрыться от магии Певчей, кроме убийства самой Певчей или лишения ее возможности петь, как делал Скаргрейв. Это имел в виду Рэкхем?

Возможно. Но я многого не знала о магии Певчих, многие знания были утеряны или украдены. После стольких лет охоты на Певчих Рэкхем мог знать мой вид лучше меня.

Может, он и мог защититься от моей магии. Нужно запомнить, что такое возможно.

И помнить, что он везде следит за мной.

† † †

После стычки с Рэкхемом я хотела пойти сразу в свою комнату, но его угрозы вывели меня из себя, и я ошибалась с поворотами по пути. Я не успела понять и потерялась в части замка, где еще не была.

Я завернула за угол и оказалась в холодной комнате с каменными колоннами, тускло озаренной двумя трепещущими канделябрами. Когда моей руки коснулась ладонь, я резко развернулась.

— Прости! — прошептал Нат и отпустил меня. — Я не хотел пугать тебя.

Я чуть не рассказала ему все, что мне сказал Рэкхем. Но потом подумала, как вспылит на встрече Совета Нат, как его импульсивность привела к проблеме. Если я расскажу ему об угрозах Рэкхема, он бросится бороться с человеком короля? Это только разозлит Рэкхема, хуже будет и мне, и Нату. Я решила пока оставить угрозы при себе.

— Я искал тебя, — сказал Нат. — Я не мог подойти после встречи. Все следили.

— Знаю, — потому и я держалась от него в стороне. — Я видела, как Пенебриг выталкивал тебя за дверь.

— Он хотел рассказать мне об осторожности. Не зря, — отметил Нат. — Хорошее шоу я устроил перед Советом после своих же слов о тишине. Но лунный шиповник! Этого я не ожидал.

— Как и я.

— А потом огонь... — он с тревогой взглянул на комнату. — Слушай, тут не лучшее место для разговора, я знаю другое. Пойдем?

— Конечно.

Он взял свечу из канделябра и повел меня мимо колонн в лабиринт комнат. Эти комнаты были не такими воздушными и изящными, как те, что я видела по пути сюда. Они были ниже, с темными стенами и арками дверей, из камня были вырезаны статуи гончей, зайца, женское лицо, покрытое листьями.

В последней комнате Нат замер и прислушался. Было тихо. Мне казалось, что мы попали в древнее сердце замка, в центр лабиринта.

Нат подошел к панели и что-то сделал с украшением. С приглушенным стуком панель

открылась вовнутрь, показывая скрытую комнатку.

— Как ты ее нашел? — удивилась я. Хотя ответ мне не требовался. Я впервые увидела Ната выходящим из тайной двери. Это любопытство сделало его ученым, но и шпионом.

— О, это место полно укрытий, — сказал Нат. — И у меня было время, ведь мы заперты здесь.

Его ладонь коснулась моей спины, подгоняя. Он отвернулся, чтобы закрыть дверь за нами, а мою спину еще покалывало.

— Все же лучше говорить тихо, — предупредил он меня. — Стены толстые, людей здесь ходит мало, но всегда есть шанс, что кто-то подслушает.

Я кивнула и огляделась в свете свечи, которую он опустил на потертую подставку. Комнатка была без окон, почти пустой, здесь был лишь трехногий стул и сундук.

— Что там? — я указала на сундук.

— Толком ничего, — Нат открыл крышку. — Еще свеча и огниво. Они были тут, когда я нашел это место.

Я склонилась посмотреть, мой рукав задел его. Я посмотрела на него, затерялась в больших ореховых глазах. Он был так близко, что я чувствовала его дыхание на своей щеке.

Я была уверена, что он поцелует меня, но он отвернулся и закрыл сундук.

— Как нам увести тебя отсюда?

Я не ожидала такой резкой перемены настроения.

— Отсюда?

— Прочь от двора и опасностей. Тот огонь мог тебя убить, — он пронзил меня взглядом. — Или ты намеренно его вызвала? Чтобы разрушить семена?

— Нет, — сказала я. — Я тоже была ему удивлена, как и ты. Что-то было не так с теми семенами. Я хотела бы знать, кто, как и зачем испортил их.

— Я был тоже хотел знать. Но огонь — лишь часть этого. Тебе опасно быть здесь, ведь двор заражен безумием алхимии.

Я удивленно посмотрела на него.

— Думаешь, это безумие?

— Конечно!

— Ты не говорил так на встрече.

— Потому что уже много раз говорил это раньше, — от разочарования его глаза потемнели. — Внутренний Совет решил отстранить меня, если я снова скажу это, так что теперь я молчу. Нет выбора.

— Мне можешь рассказывать.

Он улыбнулся, хотя его тело оставалось напряженным.

— Надеюсь. Это радует в этой катастрофе, — он вздохнул. — Я скучал, Люси.

Слышать это было приятно, но я заметила, что он не подошел ближе. Смущался? Это я могла понять. Я тоже смущалась. Хотя было радостно, было и волнительно. Может, разговор поможет.

Я села на стул.

— Так что не так с алхимией? Ты не думаешь, что это сработает?

Нат пожал плечами.

— Кто знает? Исаак Олдвилль — гений, он убедил нас, что у него есть ответы. Но это не значит, что он прав, — он говорил тихо, устроившись на сундуке. — Люди тысячи лет пытались сделать философский камень, но пока еще нет доказательств, что хоть кому-то

удалось.

— Даже... о, как его звали? Фламель?

— У нас есть лишь его слова. И легенды. Сказки. Но это не доказательство, как бы ни считал сэр Исаак. Алхимия как азартная игра, но король и Совет решили в нее сыграть, — он замолчал. — А тут еще Рэкхем с замками.

— Ты про укрепления, о которых говорил Пенебригт?

— Да. Рэкхем говорит, что времена опасные, нам нужно укрепить старые замки против мятежа. Усилить его крепости, — с отвращением сказал Нат. — Почти все деньги уходят его землям. И с каждым разом все больше.

— И король позволяет это? — спросила я.

— Некоторые говорят, что он отплачивает Рэкхему за подавление мятежа в Бервике, — сказал Нат. — И за спасение своей жизни.

— Так Рэкхем правда спас его?

— Да. Он бесстрашный воин, тут не спору. Когда у короля вылетело седло в бою, Рэкхем и его люди сдержали врагов и отвели его в безопасность.

— И король из благодарности дает ему все, что тот захочет?

— Видимо, да, — сказал Нат. — Может, король и не в силах отказать. Крепости Рэкхема тянутся от границы Уэльса по северу Англии, ни у одного лорда нет столько земель. Он может разбить Англию пополам.

Я не понимала до этого, как силен Рэкхем. Это проясняло многое.

— Так все и происходит, — Нат провел рукой по темным волосам. — Мы тратим все деньги из сокровищницы на нужны Рэкхема и алхимию сэра Исаака, а на другое не остается ни копейки.

— Алхимия дорого стоит?

— Можно и так сказать. Ингредиенты Фламеля не так и сложны. Но мы построили новую лабораторию и обсерваторию, как захотел сэр Исаак. И, конечно, у нас дополнительные солдаты и стражи защищают все то место.

— А на что бы ты потратил деньги? — спросила я.

— На что-то настоящее. Практичное.

— Например... — начала я.

— Картофель.

Я этого не ожидала. Я слышала о картофеле — новой еде из Америки — но я не пробовала его.

— Почему...?

— Посевы гибнут, — объяснил Нат. — Нам нужны новые, чтобы бороться. В Голландии я находил европейские варианты пшеницы, что могли выжить здесь, но картофель лучше, его проще растить, он лучше приносит урожай. Но все при дворе одержимы алхимией и не думают ни о чем достойном. Они говорят ждать, пока появится золото.

— Даже Пенебригт?

— Он соглашается, что мои слова не лишены логики. Но алхимия ослепила его. Я не вижу его нынче. Он все время в лаборатории сэра Исаака, — Нат был опечален. — Как и все, он думает, что философский камень положит конец нашим бедам.

Было сложно понять, что сказать ему. Может, он не зря так относился к алхимии. Но мог ли он быть прав, а все остальные ошибаться?

Я заерзала на стуле.

— Может, все будет не так плохо, как ты думаешь, — сказала я. — Сэр Исаак может быть прав. Если мы найдем тигель, может, золота хватит на все. И на твой картофель.

Нат опустил голову на ладони.

— Только ты не начинай.

— Я ни на чьей стороне, Нат. Но, думаю, мы должны надеяться ради всех, что алхимия сэра Исаака сработает. Даже если ты посадишь картофель сейчас, ты будешь ждать урожай месяцами. А люди голодают сейчас.

— Да, — Нат поднял голову. — Но позавчера, когда я еще был в Голландии, я встречал торговцев, готовых продать нам картофель хоть сейчас. Не только семена, но и сам картофель, тоннами, дешевле пшеницы. Это настоящая еда, Люси. Не выдуманная алхимия. Но мы должны заплатить за это, а король и Совет не могут выделить на это и монетки.

— Тебе нужны деньги?

— Как можно скорее, — Нат стиснул зубы. — Если мы не заплатим им, это сделает кто-то другой. А так мы сможем спасти людей от голода.

Деньги. Я привыкла быть без них, так что не сразу вспомнила, что обстоятельства для меня были другими. Я жила отдаленно в Норфолке, король отдал мне наследство, что принадлежало моей крестной до того, как Скаргрейв забрал его. Это было существенно.

— Почему бы не одолжить у меня?

Нат покачал головой.

— Вряд ли у тебя есть столько денег, да и Совет не позволит тебе их отдать. Они держат твои деньги отдельно, как я слышал. К тому же, есть и другие, кто мог бы одолжить их мне.

— Кто?

— Король Генрих, например. У него больше дворцов, чем он посещает за год, и в половине из них сокровища, на которые он никогда не смотрит.

— И он их не отдает?

— Может, сам и отдал бы. Но у его уха всегда Рэкхем, говорящий, что это будет выглядеть как слабость, что это плохой пример. Конечно, для Рэкхема это будет плохой пример. Он собирает поместья и драгоценные камни так же, как некоторые люди собирают простые камешки, и он не один. Но если бы он и его друзья немного отдали, нам бы хватило.

— Так звучит, будто алхимия и не нужна, — сказала я.

— Она и не нужна, — заявил Нат. — Даже если она сработает, в чем я сомневаюсь, от этого будет лишь больше проблем.

— Каких?

— Никто не знает, какими силами обладает камень.

— Сэр Исаак говорит...

— Он думает, что знает, — сказал Нат. — Но откуда? Все о камне подернуто тайной. Если окажется, что он может делать человека бессмертным, что тогда? Кому мы ему отдадим? Чьим он станет?

— Короля? — предположила я.

— Поначалу. Но как долго это продлится? Даже если камень может делать только золото, все в Европе бросятся за ним, да и остальной мир тоже. И когда камень попадет в злые руки, где мы будем? — он покачал головой. — Это кажется выходом, но лучше обойтись без этого.

Я нежно сказала:

— По-моему, ты слишком сильно беспокоишься заранее.

— Кто-то же должен.

— Но почему ты?

Его голос стал печальным.

— Потому что я такой.

Точно. Нат никогда не мирился с идеей. Он должен был обдумать ее со всех сторон, и он любил задавать неловкие вопросы. Иначе он не был бы Натом. Но я боялась, что в этот раз он навлечет беду, в первую очередь, на себя.

— А еще я переживаю за тебя, — продолжил он. — Эта одержимость алхимией мешает Совету нормально думать. Как они могли просить тебя исполнить песнь лунного шиповника так, будто никаких последствий не было? А что потом они попросят?

— Из-за этого и я переживаю, — призналась я.

Он склонился ко мне, сидя на сундуке, все еще тело напряглось.

— Клянусь, я сделаю все, что в моих силах, чтобы уберечь тебя. Люси.

От его яростной тревоги я не могла дышать. Я склонилась к нему, но он встал без слов, сжимая кулаки.

— Нет? — я тоже встала, но не рассчитала тесное пространство. Мое плечо врезалось в его, он поймал меня рукой. Я успела на миг подумать, что было в его глазах, а потом его руки обвили меня, и мы целовались так, словно не могли остановиться.

О, эти поцелуи! Головокружительные, горькие и сладкие. Я ощущала в них каждый день, что мы провели порознь, каждое письмо, что оказалось непрочитанным.

Но теперь он был здесь. Его руки запутались в моих волосах. Его теплые губы были на моих. Мое сердце заколотилось, наши поцелуи стали глубже.

Я попыталась притянуть его ближе, но он отпрянул.

— Я... не могу, — сказал он с ошеломленным видом. — Не должен. Не когда...

Я сама была ошеломлена и ждала, пока он закончит, но он не стал этого делать.

— Когда что? — спросила я.

— Нужно вернуть тебя, — он зазвучал решительно. — Тебя будут искать.

— Но мы...

— Я покажу путь, — он отошел от меня, выглянул в дырочку в панели и, открыв дверь, вышел.

Я могла лишь последовать за ним.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ СИВИЛЛА

Мы миновали огромные колонны быстро и прошли через дверь, которую я не видела раньше. Мы прошли по лестницам и галереям, где звуки отдавались эхом. Я вспомнила наши вылазки в доме Гэддинга, когда Нат учил меня быть шпионом. Тогда он тоже держался от меня на расстоянии.

Но почему он так делал сейчас? Этот вопрос не давал мне покоя.

Мы остановились в тених тихой комнаты, я с трудом узнала в ней ту, что рядом со мной.

— Мне стоит оставить тебя здесь, — прошептал Нат. — Нельзя, чтобы нас видели вместе. Особенно, после Совета. Дойдешь дальше сама?

— Наверное, да. Но, Нат...

— Что?

Почему ты прервал поцелуй? Этот вопрос был слишком смелым, я не могла задавать его, когда его глаза были так далеко. Вместо этого я спросила:

— Ты так и не сказал, почему Совет против наших встреч.

— Завтра, — тихо сказал он. — Обещаю, я все объясню завтра.

Я подумала на миг, что он коснется меня, но он отошел.

— Но где я тебя найду?

— Я найду тебя. Так безопаснее, — он уже отошел так, что шепота не было слышно, но я видела двигающиеся губы. — Будь осторожна.

— Ты тоже.

Я сохраняла храбрый вид, но, как только он ушел, мои страхи насчет Рэкхема и его шпионов нахлынули на меня. А если они видели Ната, ведущего меня сюда?

Не должны были. И если они сейчас заметят меня, нужно хотя бы сделать вид, что я не смотрю ему вслед.

Собравшись с силами, я пошла к комнатам. Я была почти там, когда услышала кого-то сзади.

— Люси? Это ты? — юный и мелодичный голос был самым красивым в мире.

Я удивленно обернулась и увидела высокую девушку моего возраста, идущую ко мне. Румяная, с ямочками на щеках, с золотистыми волосами, уложенными красивыми локонами, она была такой же милой, как и ее голос.

— О, Люси! Это ты, — ее сопрано был полон радости. — Ты меня помнишь?

Помню ли? Я смотрела на нее, а она улыбнулась.

— О, видимо, нет. Я — Сивилла Дэшвуд. Ты оставалась со мной на все лето, когда тебе было семь, в доме Дэшвудов. Ты, твоя мама и Норри.

Я ее не помнила. Но это не имело значения. Чтобы защитить меня, мама исполнила чаропесню забвения. Она сработала хорошо, уничтожила много моих детских воспоминаний, особенно, тех, где была моя мама.

Но могла ли я забыть целое лето своей жизни? Может, эта красавица мне врала. Нужно действовать осторожно.

— О, прости, — сказала я. — Я тебя не узнала. Это было давно. И... ты выросла.

— Как и ты, — сказала она, смеясь.

— Не так, как ты, — хотя я говорила себе, что внешность — не главное, я ощутила укол зависти. Высокая и сияющая, Сивилла была в розово-золотом платье, что идеально облегалo ее соблазнительную фигуру.

— Это все перышки, — она отмахнулась от шелковой одежды с улыбкой. — Но внутри я все еще та девушка, которую ты знала. Могу три раза поклясться.

Глупое высказывание напомнило о детстве. Оно было нашим? Я улыбнулась ей на всякий случай.

— Не помню, почему мы были у тебя...

— Дела Певчих, наверное, — спокойно сказала Сивилла.

Я потрясенно посмотрела на нее.

— Ты тоже Певчая?

Слова вырвались раньше, чем я успела их обдумать. Может, я должна была это знать, и Сивилла ждала, что я это помню. Но, к счастью, мой вопрос ее не огорчил.

— О, нет, — Сивилла покачала головой так, что ее золотые локоны подпрыгнули. — Знаю, они надеялись на меня, когда мы в последний раз виделись с тобой, но магия, похоже,

умерла вместе с моей бабушкой.

— Твоя бабушка была Певчей... а ты — нет?

Сивилла кивнула.

— Бабуля была очень мудрой, но не сильной Певчей. Ни одна из ее дочерей не получила дар. Мама надеялась, что у меня получится, но во мне нет ни капли магии.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Она улыбнулась, но за ее очарованием я видела печаль.

— Мне жаль, — сказала я.

— О, не думай, что я расстроена! Наоборот. Магия — ужасная ответственность. Так что мне повезло избежать этого, — она прижала ладонь ко рту. — Ой. Не нужно было этого говорить, да? Тебе.

Она была так испугана, но я невольно рассмеялась. И она присоединилась.

— Моя вечная проблема, — призналась она. — Я не умею молчать.

Было сложно поверить, что она могла врать мне.

— Ничего, — сказала я. — Ты права: магия — ужасная ответственность.

— Но ты справляешься хорошо, — ее лицо в форме сердечка было полно восхищения. — Если бы мне нужно было побороть Скаргрейва, я все еще дрожала бы где-то в углу. Или пропала в его Вороньей яме, — она поежилась. — Хорошо, что мы с мамой переехали во Францию до его правления. За то, что у меня бабушка была Певчей, меня могли легко убить. И его не волновало бы, есть магия в семье или уже нет.

— Ты нашла во Франции убежище?

— В какой-то степени. У Скаргрейва было большое влияние. Даже во Франции нам приходилось скрывать свое происхождение. Мне было ужасно сложно, — она скривила губы, я увидела печаль в ее глазах. — У меня есть привычка говорить то, что не нужно, кому не нужно, нам приходилось переезжать. Это расстраивало маму.

— Твоя мама здесь с тобой? — спросила я.

Печаль в глазах леди Сивиллы стала сильнее.

— Боюсь, мама умерла прошлой весной в Париже.

Теперь уже я сказала то, чего не стоило. Я знала, как ужасно терять мать.

— Прости, — неловко сказала я.

Сивилла тепло кивнула.

— Ты очень добра. Она болела какое-то время, так что это было ожидаемо, но я ужасно скучаю. И, конечно, возвращаться сюда было сложно.

— Ты живешь с отцом?

— Нет. Он умер раньше, чем мы с мамой отправились во Францию. Меня забрала его сестра. И ее муж, конечно, но тетя Горинг принимала решение. Она была немного старше моего отца, ее дети уже выросли, — Сивилла говорила открыто, это меня всегда удивляло в людях. Она добавила. — Думаю, она надеется, что я найду себе пару, стану полезной для семьи. Потому я и в Гринвиче. Тетя Горинг хотела, чтобы меня представили двору. Мы хотели быть тут лишь пару дней, но теперь, когда тигель украли, нам приказали остаться. Я тут уже довольно давно из-за этого. Конечно, сейчас уже безумно скучно.

Ее лицо было таким смешным, что я снова невольно рассмеялась. Как же приятно было делать это после страшных событий дня.

Я импульсивно сказала:

— Почему бы тебе не прийти ко мне в комнату? Можно поужинать вместе.

— О, нет. Это будет неправильно. Видно же, что ты едва на ногах стоишь от усталости. Конечно, ты ведь проделала такой долгий путь. И тетя Горинг будет меня искать.

— Тогда увидимся завтра.

— Да, — сказала Сивилла. — Буду очень рада. А пока отдохни, — она улыбнулась. — И не забудь положить на подушку немного лавровых листьев для Валентинова дня.

— Валентинов день?

— Завтра. Говорят, если прицепить к подушке листья, то приснится истинная любовь.

Я о таком не слышала, но я и о празднике этом едва знала.

— А если у меня нет лавровых листьев?

— О, не переживай, — сказала Сивилла, смеясь. — Это лишь старая сказка. Говорят еще, что первый мужчина, которого встретишь в этот день, будет тебе парой, а это уж вряд ли правда, — она быстро, как птичка, поцеловала меня в щеку. — Сладких снов, милая Люси! Я рада, что мы снова встретились.

Она ушла, а я, вдали от ее чар, задумалась, могла ли так дружелюбно вести себя с ней. Рэкхем говорил, что его шпионы всюду. Может, Сивилла — одна из них.

Или я уже вижу шпионов всюду?

Мне нужно отдохнуть... и поесть.

Завернув за угол, я с радостью увидела позолоченных львов, отмечавших вход в мои покои. Я и не спросила, легко ли было попасть в эти комнаты. На первой двери было полно замков, но все они казались давно не использовавшимися. Мне не давали для них ключей, так что их оставили открытыми. Я остановилась на миг в крохотной прихожей, чтобы осмотреть вторую дверь. Там замков не было.

Я открыла ее и застыла. В комнате кто-то был.

Разрываясь между паникой и злостью, я окинула ее взглядом. Девушка была в сером, на пару лет старше меня. Хотя она была низкой, ее худое тело, особенно, мускулистые руки, источало силу. Ее лицо, холодное, как Северное море, ничего не выдавало.

— Кто вы? — осведомилась я.

На миг я испугалась, что она нападет. А потом, отряхнув тусклые юбки, она присела передо мной в низком реверансе.

— Я Марджери, миледи. Ваша новая служанка.

— Служанка? — испуганно повторила я. А потом с подозрением. — Кто вас сюда прислал?

Она посмотрела мне в глаза, я увидела в ее взгляде дерзость.

— Граф Рэкхем, миледи.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ СЛУШАТЬ

Состояние моей комнаты доказывало, что Марджери, хотя бы отчасти, была служанкой, да еще и способной. Пепел из очага был выметен, огонь ярко пылал, моя одежда была вытащена из сумок. Она даже принесла мне ужин: миску устричного супа и корзинку мягких белых булочек.

От запаха масла я сглотнула, но ела неохотно. Служанка или нет, но Марджери прислал Рэкхем. Она точно была одной из его шпионов.

Играя с едой, я расспрашивала Марджери. Она работала в комнате и отвечала кратко.

Она с детства работала на семью Рэкхема. Потом была служанкой его жены, графини, пока она не умерла недавно. Рэкхем посоветовал сделать ее моей служанкой.

— Не стоило, — сказала я. — Мне не нужна служанка. Я могу о себе позаботиться.

— Такая леди как вы делает свою работу? Во дворце так не принято, лорд Рэкхем этого не позволил бы.

Конечно. Теперь его шпион был в моей комнате.

— И тут есть работа на двоих, начиная с вашего гардероба, — Марджери холодно посмотрела на мое платье. — Это вам едва подходит. А вы с собой почти ничего не привезли. Нужно завтра сразу же позвать портниху.

— Я не собиралась задерживаться, — сказала я.

— Завтра сразу же, — повторила она, глядя темно-красный шелк.

Мне было не по себе видеть, как шпионка Рэкхема держит мою одежду. Она и одевать меня будет? И следить, пока я сплю?

О, как бы я хотела, чтобы со мной была Норри! А лучше было бы никогда не покидать Норфолк.

Но этого не было, и я надеялась, что Норри скоро прибудет. Если она быстро выздоровеет, о чем я молилась ради нас обеих, она через пару дней прибудет в Гринвич.

Радуюсь этому, я по-новому посмотрела на ситуацию. У Рэкхема были шпионы, но я не была бессильной, у меня была магия. Хотя я и устала, стоило обдумать, что я могу сделать.

Плюсом Марджери было ее тихое поведение. Она беззвучно двигала шторы и расстилала постель. Я погрузилась в музыку комнаты. Во время пути сюда мне было плохо, я устала так, что не могла слушать, лишь пару раз улавливала Дикую магию перед сном. Но мне было не по себе столько времени проводить без чаропесен. Пора было вернуться к себе, к тому, что делало меня Певчей.

Я стояла у огня и слышала сначала только обычные звуки комнаты: тиканье часов, треск углей в камине, дыхание огня. Но так всегда все и начиналось. За этим пряталась Дикая магия, вплетенная в эти звуки. Нужно было просто медленно дышать, сохранять спокойствие, и музыка приходила ко мне.

Но не в этот раз.

Шли минуты. В конце я услышала хотя бы тихие ноты от реки Темзы, но не более.

Конечно, так было и в Алой комнате. Возможно, дело было в стенах, что мешали магии. Ведь кирпичам и раствору было нечего поведать мне. Когда я пыталась овладеть Дикой магией, я отметила, что они приглушают ее.

И все же тревога не ушла. Я подошла к окну.

— Вы ведь не будете его открывать, миледи? — сказала Марджери.

— Буду, — я потянула за ручку. — Здесь душно.

— Но снаружи холодно, миледи.

— Не страшно, — я могла услышать песни реки, открыв окно.

Я распахнула его и склонилась к ночи. Подо мной были кости садов, надо мной — звезды. Ледяной воздух окружил меня. Я закрыла глаза, слушая.

Через миг мои глаза открылись. Я слышала лишь Темзу, могучую Темзу, текущую мимо дворца, и в ее шуме были слабые отголоски мелодий.

Что-то было не так.

Я заставляла себя сохранять спокойствие и склонилась дальше в окно. На миг одна строка напомнила чаропесню, но я не успела даже подумать о ее значении, она снова

превратилась в хаос.

Моя ладонь коснулась ожерелья, что оставила мне мама. Когда-то рубин блокировал Дикую магию, но заглушал музыку, а не искажал. И сила давно покинула треснувший камень. И все же я сняла его на всякий случай.

Чаропесен не было. Только странные рычащие ноты, но и они угасали.

Мою грудь сдавило, я отпрянула от окна. Сперва песнь лунного шиповника, теперь это. С моей магией что-то было не так.

— Я предупреждала, миледи, — сказал бесцветный голос позади меня.

Я развернулась, Марджери смотрела на меня.

— Предупреждали? О чем?

— Об окне, миледи. Ночью слишком холодно, — Марджери прошла мимо меня, закрыла окно, а потом пронзила меня взглядом. — А вы о чем подумали?

— Я... даже не знаю, — моя ладонь сжалась на кулоне, служанка разглядывала меня. Как мне защититься, если я не могу петь?

— Вы в порядке, миледи?

— Да.

Марджери все разглядывала меня.

— Вы побелели, миледи. Очень бледная.

— Я просто устала, — я отвернулась от нее. — Думаю, мне пора спать.

Я легла в кровать.

Но сон ко мне не шел.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ ПОДСНЕЖНИК

Я много часов лежала, слушая музыку, но не находя ее. Даже письмо мамы, которое я умудрилась спрятать от Марджери, подвело меня. Я слышала только призрак нежного голоса. Хуже того, я знала письмо наизусть, и там не было ничего, объясняющего происходящее со мной. Я чувствовала себя ужасно одинокой.

Усталость все же одолела меня, и я провалилась в беспокойный сон. Когда я проснулась снова, я услышала щелчок двери, закрывшейся в темноте.

Я лежала смирно пару мгновений, боясь, что нарушитель вошел в комнату. Но мои глаза привыкли к тусклому свету почти погасшего огня, и я поняла, что щелчок мог означать, что кто-то не пришел, а вышел. Марджери.

Я выскользнула из-под одеял и раздвинула полог, а потом прошла в комнатку, примыкающую к моей, где спала Марджери. Ее там не было. У нее были другие дела? Или в это время она отчитывалась своему господину.

Пользуясь ее отсутствием, я подбежала к окну, раздвинула шторы. На востоке небо светлело, а в остальных местах оно оставалось иссиня-черным. Никого не было видно. Я открыла окно и высунулась на улицу.

Холодный утренний воздух коснулся моих ушей, а я слышала лишь пение малиновки вдали, зовущей зимний рассвет. Это или немного хаотичного звука от Темзы.

Было даже хуже, чем вчера. В чем дело?

Сердце колотилось, я пыталась что-нибудь уловить. Я пойду к реке. Может, возле нее я услышу четче.

Понимая, что сбежать нужно раньше, чем вернется Марджери, я схватила первую попавшуюся одежду: темно-красное шелковое платье, которое сложила Норри и выгладила Марджери вчера. Как и у синего, юбки были короткими, а корсет — тесным. Но оно было здесь, и мне большего не требовалось.

Застегнув последнюю пуговицу, я вышла. Дверь щелкнула, и я поняла, что забыла взять свечу. Было так темно, что я едва видела свою ладонь на ручке двери.

— Люси?

Я развернулась с колотящимся сердцем.

— Нат?

Я видела только движение в темноте, тень среди теней. Но рука обхватила мою, и это точно был Нат.

— Так это ты, — выдохнула я. — Что ты здесь делаешь?

— Могу спросить это и у тебя.

Я говорила едва слышно, боясь, что Рэкхем или его шпионы услышат.

— Мне нужно спуститься к реке.

— К реке? — он звучал удивленно. — Они перекрыли проход к ней. Не хотят, чтобы кто-то сбежал по ней.

— Тогда окно как можно ближе.

— Идем со мной.

Его хватка была теплой, но уверенной, но замок еще сильнее напоминал лабиринт. Мы остановились в длинной комнате, темной, кроме серебряного бледного света, падающего между штор. Когда Нат отдернул их, я увидела Темзу.

Но только увидела. Я не слышала музыки.

Сердце заколотилось снова.

— Какое-то время мы здесь будем в безопасности, — сказал Нат.

— Можно открыть окно? — спросила я.

— Наверное. Зачем?

Я не хотела говорить этого вслух, но это нужно было сделать.

— Что-то не так с моей магией, — я быстро пересказала события прошлой ночи.

В тусклом свете из окна я увидела, как напряглась его челюсть. Я еще не договорила, а он уже открывал окно.

— Попробуй.

Я склонилась на улицу. В пятнадцати футах от меня текла широкая река Темза, темная и глубокая, загадочная в грядущем рассвете. Я закрыла глаза и прислушалась к волнам, бурлящим у кирпичных стен замка.

Тут музыка реки должна была накрыть меня. Я напрягалась, но не могла услышать ничего, кроме пары приглушенных расстроенных нот.

— Бесполезно, — сказала я, но тут из хаоса появилась слабая мелодия, высокая и дрожащая.

Я застыла. Песня не угасла, а разлилась передо мной. Дикая магия, истинная чаропесня. А еще я знала ее, это была чаропесня тумана. Она напоминала ту чаропесню, которую я спела, когда пришли люди короля, хотя эта немного отличалась. Это ведь была Темза, а не океан, песни не должны были совпадать.

— Ты что-то слышишь? — прошептал позади меня Нат.

— Песню тумана. Тише... — я едва выдыхала слова, боясь потерять музыку.

Закрыв глаза, чтобы сосредоточиться, я манила песню к себе. А потом я повторила ее, губы и язык наслаждались каждой нотой.

Даже не открывая глаза, я знала, что магия сработала. Сам воздух изменился, я чувствовала, как он сгустился вокруг меня. Вскоре туман появился вокруг моих голых рук и лица, от него стали влажными волосы. Я пела, радуясь, следуя строчкам песни, хоть она и странно извивалась, меняла ритм. Казалось, что я сама поднимаюсь с туманом, становлюсь частью реки, воздуха...

— Люси! — Нат отдернул меня от окна.

Злясь, что он прервал мою прекрасную песню, я открыла глаза. Но через миг я смотрела на себя в ужасе.

Изменился не воздух вокруг меня. Изменилась я. Почти рассеялась, напоминала привидение, а не девушку. Я попыталась сложить ладони, но они прошли сквозь друг друга, как пар.

Не паниковать. Не паниковать.

Я прижала ладони к щекам и ничего не ощутила.

Нат закрыл окно, обрывая музыку.

— Мое лицо, — даже мой голос казался тонким и далеким. — Его нет?

— Ты почти пропала, — Нат был вне себя. — Была там, а через миг стала испаряться. Если бы я не схватил тебя...

— Мое лицо? — спросила я снова. — Нат, лицо осталось?

Нат попытался взять себя в руки.

— Да, — сказал он. — У тебя есть лицо. Призрачное, но есть. И цвет возвращается.

Может, магия была временной? Я посмотрела на свои руки из пара. Они уже выглядели плотнее, у них была правильная форма. Я коснулась пальцами пальцев. В этот раз они прижались друг к другу, я это почувствовала.

— Так лучше, — мой голос почти стал нормальным. Я надеялась, что и вся я тоже.

— О чем ты пела? — сказал Нат.

— Песня звала туман из реки, — я посмотрела через стекло на воду внизу. Что со мной было? Мир сошел с ума? Или я?

Мое лицо, видимо, вернулось достаточно, чтобы отразить мои мысли, потому что Нат отвел меня от окна и усадил на низкий стул. Я поняла, что мы были в библиотеке. Стены были наполнены книгами. Было слишком темно, чтобы читать названия, чтобы хотя бы понять, как много здесь книг.

— Хорошо, — Нат опустил на колено рядом со мной. — Обдумаем это, — он спокойно перечислил все, что пошло не так с моей магией. Песнь лунного шиповника. Странная музыка прошлой ночью. Песнь реки, которую я только что спела. — Этому должно быть простое объяснение.

Я пыталась звучать так же собранно, как он.

— Может, это от усталости. Или болезни. Порой это меня ослабляет.

— Так сильно?

— После победы над Скаргрейвом я так устала, что неделями не слышала магию. Не помнишь?

— Помню. Но тогда ты не слышала никакой магии, а сейчас слышишь не ту. И ты не сражалась недавно. И не болела, так ведь? — он с тревогой смотрел на меня.

— Да.

— Так почему? — спросил Нат. — Почему твоя магия не работает правильно?

— Не знаю, — я в отчаянии подошла к окну.

Я смотрела на темную реку внизу, а Нат встал позади, я ощущала его тепло сквозь шелк своего платья.

— Люси, кто-то может использовать магию против тебя?

— Я думала, что смогу ощутить это.

— Может, ты уже не умеешь этого, — сказал Нат. — Как не можешь петь Проверенную магию.

Это было ужасно. Я подумала о Рэкхеме и его угрозах, о его уверенности, что он знал, как расправляться с Певчими, и я почти рассказала Нату о том, что он сказал мне. Но я слишком сильно боялась того, что может сделать Нат.

— Я никогда не слышала о способе остановить магию Певчей, — сказала я, выдавив это из себя. — Если бы он был, Скаргрейв бы его использовал, да?

— Точно, — согласился Нат. — Он использовал все.

— Может, дело не в магии. Может, проблема во мне. Может, я что-то сделала, что-то спела, что-то съела или выпила, потому и стала такой.

В моем голосе теперь слышалась паника. Даже я это слышала.

Нат опустил свои сильные ладони на мои плечи и осторожно повернул меня к себе.

— Это точно не твоя вина.

Я прижала руки к его, пытаюсь напиться силой из них. Это не работало. Я чувствовала себя маленькой и холодной.

— Мы не знаем этого, — сказала я. — И пока что я в ловушке. Они хотят, чтобы я творила здесь магию, но как я могу делать это, когда не могу доверять тому, что слышу? — я закрыла глаза. Крестная говорила, что Дикая магия предает, когда этого ожидаешь меньше всего. Может, она имела в виду это. Мир во мне будто перевернулся. — О, я хотела бы не покидать Норфолк!

— И я бы этого хотел, — сказал Нат. — Но мы узнаем причину, обещаю.

— А что делать сейчас?

— Сейчас мы скажем, что ты плохо себя чувствуешь, и ты будешь в безопасности в своей комнате.

Не буду, ведь там Марджери. Но я не могла объяснить Нату, не говоря ему о Рэкхеме...

— Впускай только тех, кого знаешь, — говорил Нат. — Если тебе нужно выйти, сторонись незнакомцев. Двор полон людей, у которых нет алиби, кому я бы не доверился ни за что.

— Например?

— Например, лорд Габриэль. Он провел время правления Скаргрейва в Швеции, изучая алхимию, и как-то он втерся сэру Исааку в доверие. А еще Сивилла Дэшвуд. Ее отцом был лорд Викто́мб, но она и ее мать жили на континенте, пока тут был Скаргрейв, а теперь она вернулась. О ней толком ничего не знают.

— Я видела ее вечером, — сказала я. — И мы не только встретились. Мы вроде были знакомы в детстве.

— Вроде?

— Я не помню ее. Но я не помню многого, и ты это знаешь. Она сказала, что я провела с ней лето, когда мне было семь.

— И ты никак не можешь проверить? — Нат покачал головой. — Это плохо.

— Это может быть правдой. Она сказала, что она из семьи Певчей. Потому моя мама могла привести меня туда. Но у них больше нет магии.

— Так она говорит. Но кто знает, где правда, — тревога Ната за меня была видна в его глазах. — Подумай, Люси. Она могла знать о магии Певчих больше всех, не считая тебя. Может, она знает достаточно, чтобы как-то вмешаться. Не дай ей одурачить тебя, никому из них не давай. Держи это в себе. Я не смогу приходить к тебе днем, но по ночам я буду пытаться следить за твоей дверью.

Я вспомнила, как он стоял в темноте у моей комнаты.

— Ты следил и этой ночью?

Он растерялся.

— Я не мог спать и спустился, — признался он. — А еще вот.

Уже светлело, их было достаточно света, чтобы я увидела подснежник, что он протягивал мне, цветок, похожий на маленького голубя, покачивался на тонком зеленом стебельке.

— Это тебе, — сказал он. — На Валентинов день.

Я забыла о страхах от внезапной радости. Первый, кого встретишь в этот день, будет твоим возлюбленным. Так говорила Сивилла, но я вспомнила только сейчас.

— О, Нат. Это прекрасно.

Я хотела забрать цветок, но замерла. Что-то не так было с выражением его лица, там была боль. У него были глаза того, кто хотел то, что не мог получить.

— Нат?

Он вложил подснежник в мою ладонь.

— Письма. Визит. Я сказал, что объясню.

Почему из-за этого он так выглядел? Я крепче сжала цветок.

— Это началось, когда ты уехала прошлым летом, — сказал Нат. — Рэкхем и его сторонники при дворе хотели знать, куда ты уехала. Сначала король не говорил, но они убедили его, что твое местоположение — дало важное, и он согласился, что они смогут высказывать свои мнения по поводу его решений о тебе. В то время сэр Барнаби заболел и уехал. Меня тогда не было, я неделями исследовал проблему с пшеницей, но, когда я вернулся, я оказался перед Рэкхемом и его комитетом, меня допрашивали о письмах и визите в Норфолк и... о другом, — он покраснел.

— Они не имели права, — я злилась за него. За меня.

— Но так было, — сказал Нат. — Король решил, что у них есть право. Право решать, кто может посещать тебя, кто может присылать тебе письма, кто может общаться с тобой хоть как-то. И более того...

— Это не все?

— Более того, — румянец на его щеках уже напоминал лихорадку. — Люси, они могут даже решить, за кого ты выйдешь замуж.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ СЕРДЦА И ЦВЕТЫ

Я была так потрясена, что чуть не выронила подснежник. Да, мне было семнадцать, но я представляла, что до замужества еще несколько лет. И я думала, что выйду за того, кого выберу сама.

Нат не смотрел мне в глаза.

— Они сказали, что это важно для всего королевства. Люси, они четко сказали мне, что я в список кандидатов не вхожу.

Я потрясенно смотрела на него. Нат сказал Совету, что хотел жениться на мне? Или они сказали ему из-за писем? Я не могла спросить. Если мы и будем говорить о браке, то не так, не сейчас.

Щеки Ната все еще были красными от злости.

— Они сказали, что у меня не то происхождение. Они не хотят, чтобы я был возле тебя. Сначала я подумал, что это из-за того, что я отказался стать рыцарем в прошлом году, когда мы победили Скаргрейва, — он посмотрел на меня, словно просил прощения. — Боюсь, я никак не мог быть таким, все эти поклоны и обращение «сэр». Я инженер и ученый, а не придворный.

— Понимаю, — его независимый дух был частью того, что тянуло меня к нему. Я не могла просить от него другого.

— Но оказалось, что проблема не в отсутствии титула. Дело в том, по словам Совета, я ничего не знаю о своей семье, о своем происхождении.

Я мысленно ругала их. Нат осиротел рано, его продали, и он не помнил о своих родителях. Ему нужна была смелость и сила, чтобы выжить в детстве, но некоторые смотрели на него свысока из-за того, что он когда-то был слугой.

— Разве это важно? Ты — это ты, и это важно. Твое достоинство не связано с родословной.

— Это не... — он прошел к окну. — О, Аид, как же сложно об этом говорить

— Нат, расскажи, — чего я не понимала?

— Дело в размножении.

Я не сразу поняла.

— Размножении?

Он не смотрел на меня.

— Если ты можешь родить других Певчих, тебе нужен муж из родословной Певчих.

— Это из-за детей?

— Да.

Я попыталась собраться с мыслями.

— Но это глупо. Зачем Совету, чтобы я выходила за мужчину из рода Певчих? Мужчины не наследуют силы.

— Они этого не проявляют, — голос Ната был ровным, но я слышала, что он напряжен. — Но сыновья Певчих несут в себе что-то от крови их матери. Если их свести с Певчей, то магия в семье станет сильнее. Если Певчая выходит за кого-то со стороны, она ослабляет кровь, магия семьи со временем теряется.

Мое тело стало холодным, а потом горячим.

— Почему это тревожит Совет? Они думают, что я буду рожать для них Певчих?

Он отвернулся от окна, я увидела на его лице отражение собственного гнева и разочарования.

— Совет пока не принял решение, — он выдавливал слова. — Многие хотят, чтобы ты вышла за мужчину из родословной Певчих, чтобы было больше Певчих. Другие хотят, чтобы мужчина был обычным, потому что они не доверяют силе Певчей, — он тихо добавил. — Я не подхожу, ведь ничего не знаю о своей родословной.

Я не могла этого вынести. Это слишком.

— Я должна пойти к королю, — сжимая подснежник, я повернулась к двери. — Я должна пойти к нему сейчас и сказать, чтобы это остановили.

— Он не слушает, Люси.

— Должен. Это мое дело — за кого я выйду замуж и когда. Не Совета.

— Думаешь, он согласится с этим? — глаза Ната были погасшими. — Король Генрих, чей брак тоже будет на благо государства? Совет получил его поддержку, тут нет дела жалости.

Я застыла.

— Он это принял?

— Да, как долг. И он не обрадуется, если ты поступишь иначе.

Я сдавила, ломая, нежный стебелек подснежника.

— Думаешь, это я должна сделать? Согласиться с тем, кого мне предложит Совет? — я старалась не дать голосу дрожать.

— Нет! — он приблизился. — Я так не думал.

— Тогда что?

Он не успел ответить, вдали послышались голоса. Я вздрогнула. Все просыпались.

— Есть идея, — Нат говорил тихо и быстро. — Но на это уйдет время.

— Я могу помочь?

— Лучше не надо. Пока просто не попадайся на глаза. Совет все еще спорит насчет кандидата, так что вряд ли они быстро решат этот вопрос. Может, они даже на время забудут об этом, особенно, если тебя не будут видеть со мной.

Я тревожно посмотрела на дверь. Голоса приближались.

— Если мы не будем осторожны, нас сейчас увидят вместе.

Он кивнул на дверь с другой стороны комнаты.

— Нет, если я уйду туда. Ты будешь в порядке?

Я кивнула.

— Иди, пока тебя не поймали! И береги себя.

Он быстро поцеловал меня в щеку и побежал к двери. Как только она закрылась за ним, другая дверь открылась.

— Может, она здесь, — сказал голос со смехом, юноша прошел в комнату. Свет озарил его лицо, и я увидела лорда Габриэля. — Ах, миледи Певчая! — он поклонился.

За ним показался сэр Сэмюэль Дипс, его кружевной воротник растрепался под пухлыми щеками.

— Миледи!

За ними прошел еще один человек.

— Леди Певчая...

— О, нет уж, — лорд Габриэль прогнал их локтями и протянул мне украшенный букет роз. — Вам, Певчая.

Я посмотрела на букет, словно в нем были змеи. Он ухаживал за мной?

— Я первый, да? — лорд Габриэль протянул цветы ближе. Я не ответила, и он пояснил. — Первый, кто увидел вас утром. Ваш валентин.

Я не выдала Ната. Я сжала в ладони его подснежник, пряча от его глаз в своем рукаве. Я приняла розы.

— Это мило с вашей стороны.

У остальных тоже были подарки. Пока они вручали их, еще больше придворных приносило цветы и сладости. Для некоторых, похоже, это было игрой, но их жадные лица смущали меня. Они все жаждали брака и шанса управлять маленькими Певчими?

Получать их внимание мне не нравилось. Они ждали, что я буду заигрывать с ними, но мне было сложно говорить. Когда я сбежала в комнату, сославшись на усталость, я бросила их букеты на пол.

Комната была убрана, поднос с завтраком был здесь, но Марджери снова ушла. Я быстро проверила комнату и убедилась, что осталась одна. Я осторожно вытащила подснежник Ната из рукава, но его стебелек был сломан, а сам цветок лежал, раздавленный, на моей ладони.

При виде него что-то во мне порвалось. Я сунула подснежник в корсет и вышла в коридор.

Не важно, что сказал Нат. Я иду к королю. Эту идею с браком нужно остановить.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ АУДИЕНЦИЯ У КОРОЛЯ

Было не так просто увидеть короля, как я думала. Чтобы меня приняли, нужно было пройти множество стражей и секретарей. Но я все же попала в прихожую его зала.

— Ждите здесь, — сказал мне управляющий. — Король встречается с Внутренним Советом, но я сообщу ему, что вы хотите его увидеть.

Он прошел через высокую дверь в следующий зал. Дверь не закрылась до конца. В щель я увидела небольшую группу советников, сидящих за столом, и слышала немного из того, что они говорили.

— Пора разобраться с Боудиккой, — говорил недовольно Рэкхем. — Мои люди сказали, что гадина набрала тысячу последователей, они идут к Лондону.

— Там все еще есть женщины и дети? — спросил король.

— Да, Ваше величество, — я узнала голос Роуэна Кноллиса. Он был одним из людей Рэкхема? — Может, половина из них — женщины и дети. Но некоторые мужчины, да и женщины, вооружены.

— Она отвечала нашим агентам? — задал вопрос король.

— Да, Ваше величество, — сказал Кноллис. — Она сказала, что не приказывала людям идти с ней, но она не может помешать им идти по своей воле. Она не может прогнать их, ведь у них ничего нет. Она все еще заявляет, что идет в Гринвич, слушаясь вас, Ваше величество. Когда мы предложили ей пойти одной, она отказалась. Она сказала, что мы, видимо, не поняли ваши указания, ведь король не стал бы бояться своих людей.

— Тени Ват Тайлера, — сказал лорд Роксбург.

— Нет, — возразил сэр Сэмюэль. — Это было триста лет назад.

— Какая разница? — прорычал Рэкхем. — Его имя живет, как и истории, как Ват Тайлер захватил Лондон со своими простыми последователями, как они убивали и крали по пути. Нужно остановить Боудикку, пока она не сделала это.

— Я не уверен... — король замолчал, я слышала шепот. И король заговорил снова. — Милорды и джентльмены, со мной хочет поговорить Певчая, я должен ненадолго оставить вас. Конечно, не принимайте без меня решений.

Позже король и управляющий подошли к двери. По слову короля управляющий ушел, а

король прошел ко мне.

— Миледи Певчая. Рад вас видеть!

— И я, Ваше величество, — хотя я долго шла к нему, я была рада, что настояла на этом. Вблизи король выглядел напряженно, под его глазами были тени, на бледной челюсти — щетина, но он был искренне рад меня видеть.

— Какие новости вы принесли? — он провел меня в другую дверь, мы попали в небольшой кабинет. Стены были украшены резьбой, а большой стол украшали жемчужины.

— Новости?

— Насчет тигеля, — он смотрел на меня. — Вы ведь потому пришли? Вы придумали, какой магией его спасти.

Я покачала головой.

— Нет, Ваше величество, — я не посмела сказать ему, что моя магия была опасно сломана. Я не была уверена, что он поверит мне, да и он мог плохо отреагировать. — След холоден, — сказала я вместо этого. — Я думала много об этом, но пока не вижу, что можно сделать.

Король помрачнел.

— Вы не можете нам помочь?

— Я бы помогла, если бы могла, Ваше величество. Мне жаль.

Король скрестил руки на груди.

— Надежды нет? Вам больше нечего сказать?

Этот разговор был сложнее, чем я думала. Но не было смысла медлить. Он прервал ради меня встречу, это не могло длиться долго.

— Да, мне есть, что сказать, Ваше величество. Не о тигеле, но про другое важное дело. Про брак.

— Да? — он все еще слушал, но уже выглядел хмуро.

— Вы не можете сделать этого, — сказала я. — Не можете позволить вашему Совету выдать меня.

— Не могу, Певчая?

Несмотря на предупреждение в его голосе, я не сдержалась.

— Я имею право выбрать...

— Нет, — сказал король.

Такой отказ приковал меня к месту.

— Нет?

— По закону у вас нет права, — сказал король. — При всем уважении, вы — женщина на пороге взросления...

— Я Певчая. Это все меняет.

Король нахмурился.

— Да, потому и важно, чтобы Совет помог определить ваше будущее.

Я не могла поверить, что он так изменился.

— Когда я был при дворе раньше, мое мнение было важнее слов Совета.

Король не моргнул.

— Конечно, ваше мнение для меня все еще важно.

— Но не так, как слова Совета?

— Вы выбрали уйти, а они остались рядом, как иначе?

Я смотрела на него. Так он меня видел? Беглянкой?

— Уверен, у вас были причины, — сказал он без злобы. — Но правда такова. Вы ушли, а страна страдала, и мне нужно было опереться на помощь Совета. Даже если они не лучший вариант, я не могу сохранить королевство без них.

Я помнила, что Нат говорил, что Рэкхем может разделить Англию пополам.

— Править — значит принимать сложные решения, — сказал король. — Я должен всегда думать о стране. Для этого нужно просить всех идти на компромисс. Попробуем найти что-то общее, — продолжал он. — Вы верны мне, я знаю. Вы клялись в этом. И я знаю, что вы тоже любите страну. Ваша магия должна усиливать нас, а не ослаблять.

— Согласна, — он говорил о компромиссе, так что надежда оставалась. — Но я не понимаю, почему тогда Совет должен выбирать мне мужа.

— Нет? Подумайте, что будет, если вы влюбитесь в заговорщика, Певчая? Вы не понимаете, что рисковать будет вся страна? Потому нам нужно найти того, кто позаботится о вас, у кого хорошее сердце.

Позаботится обо мне?

— Разве не хватит того, что у меня хорошее сердце? Я вернула вам королевство.

Я зашла слишком далеко.

Взгляд короля был стальным.

— Да, так и было. И я благодарен. Но потому мы и должны быть осторожны. Вашей огромной силой нужно распоряжаться мудро.

Мир боялся женщин с силой...

— Я не вижу... — начала я, но король прервал меня.

— Хватит. Я спрашиваю с вас столько же, сколько с себя. Мой брак — дело страны, как и ваш. Моя жена будет выбрана Советом. Это удел каждого с силой, груз которой мы несем, — его глаза были темнее обычного. — Я сожалею, что вам больно от этого. Но наши жизни нам не принадлежат.

Я заговорила, но он уже шел к двери.

— Надеюсь, в следующий раз, Певчая, новости будут лучше.

Он ушел на встречу, а рядом со мной появился управляющий. Он вежливо предложил проводить меня, и я поняла, что меня прогнали.

Мне это не нравилось, я повернулась к двери, куда ушел король, и застыла, услышав крики Рэкхема:

— Певчая отказалась помочь? Как она посмела! — стук и шум отодвинутого кресла. — Она еще там?

Король начал что-то говорить, но я не мешкала. Я побежала за управляющим и покинула эту часть замка как можно быстрее.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ В ЛОВУШКЕ

Сбежав из покоев короля, я хотела запереться в комнате. Но я знала, что там меня ждет Марджери, так что я пошла туда, где было тихо. Поражение ранило меня. Нат был прав: король не стал меня слушать. Он видел силу для королевства в Совете. Его правой рукой был Рэкхем.

Что мне делать?

Впереди стояла группа молодых людей. Боясь, что они начнут приставать, я побежала к

узким дверям и столкнулась с Пеннебриггом.

— Дорогуша! — он поправил шляпу, что чуть не сбила его очки. — Боюсь, я тебя чуть не сбил, — он поправил очки. — Дорогая Люси, ты в порядке?

Вокруг было тихо, никто не слушал.

— Нет, — сказала я. — Не в порядке, — и я рассказала ему про аудиенцию с королем.

Бедный Пеннебригг! Он с сочувствием морщил лоб, пока я говорила.

— ...надежды нет, — закончила я.

— Не стоит так, дорогуша. Ситуация плоха, соглашусь. Но надежда, конечно, есть. Пока Совет еще не выбрал тебе мужа. Этот вопрос еще обсуждается. Граф Рэкхем, например, предлагал своего сына...

— Его сына!

— Не стоит шуметь, дорогуша, — Пеннебригг настороженно огляделся. Никого не увидев, он тихо продолжил. — Это не должно тебя удивлять. Рэкхем хочет власти, и он бы хотел получить тебя в свою семью. Но есть проблемы. Его сыну еще нет пятнадцати, он еще юн для брака.

— И для меня, — отметила я.

— Да. А еще он пошел в мать, он хрупкий. Рэкхем отрицает это, конечно, но мы все заметили, что он еще не приводил мальчика ко двору.

Похоже, брака с сыном Рэкхема все же не будет. Я немного взбодрилась.

— И, конечно, — сказал Пеннебригг, — другие в Совете хотят выдвинуть своих кандидатов, а некоторые... себя.

— Я так и думала, — куча букетов это подтверждала.

— Из-за такого количества кандидатов Совет в тупике. Они примут решение через пару месяцев. Может, ты сможешь до этого сама положить конец обсуждению.

— Как, если король меня даже не слушает?

Пеннебригг подвинул шляпу.

— Он выслушает тебя, если ты найдешь для него тигель.

Да, если я его найду, король сразу меня послушает. Может, не только выслушает. Я вспомнила, как он наградил меня, когда я помогла ему в прошлый раз.

— Но я не знаю чаропесен для его поиска, — сказала я Пеннебриггу.

Все было намного хуже, но я этого не рассказала. Пеннебригг был хорошим другом, но, чем меньше людей знают о моей слабости, тем лучше.

— Жаль, — сказал Пеннебригг. — Но вряд ли все потеряно. Что-то может прийти к тебе. Может, ты направишь нас на след и без магии. Ты умеешь не только петь. У тебя хорошая голова на плечах. Может, ты увидишь то, что мы упустили.

— Прошло ведь столько времени...

— Время часто помогает правде, — сказал он. — И, конечно, я помогу, как могу, — он опустил очки. — Может, тебе будет полезно узнать об алхимии больше, как и о тигеле. Сэр Исаак рассказывал вчера, но узнать можно больше, если хочешь.

В логичном подходе Пеннебригга всегда было что-то приятное, даже если обстоятельства были плохими. Он хотя бы помог мне понять, что сдаваться рано.

— Хорошо, — сказала я. — Я хочу узнать больше о тигеле. И про алхимию, — что бы ни говорил о философском камне Нат, Пеннебригг явно верил алхимии. И он был опытнее Ната, как и сэр Исаак. Я должна была узнать от них как можно больше. Может, так я буду видеть ситуацию четче.

Глаза Пенебригга сияли.

— Это очень интересно, дорогуша...

Он замолчал, лакей бежал к нам.

— Доктор Пенебригг! — он поклонился, задыхаясь. — Внутренний совет вызывает вас в Алую комнату. У них есть вопросы об алхимической печи. И ваши расчеты насчет топлива.

— Ах, — поправив шляпу, Пенебригг виновато улыбнулся мне. — Боюсь, Внутренний совет не любит ждать, особенно, когда дело касается алхимии. Я должен идти. Но мы ведь скоро поговорим?

— Да, — сказала я.

Он ушел за лакеем, а я пошла дальше, впервые чувствуя уверенность после того, как пропала моя магия. Пенебригг был прав. У меня могло не быть магии, но это не значило, что найти тигель невозможно. Я могла смотреть и слушать, найти при этом подсказки к тому, почему моя магия пропала.

Это будет нескоро, но это было лучше, чем сидеть в комнате с Марджери.

Я могла сначала посетить сокровищницу, поговорить со стражами. Или пойти самой в алхимическую лабораторию...

Сзади раздались шаги. Я развернулась.

— Вот ты где! — Сивилла подбежала ко мне, ее красные юбки раскачивались, как лепестки в бурю. Ее волосы были в очаровательном беспорядке. — Ты, наверное, идешь ко мне. Я всюду тебя ищу.

— Да? — я выдавила улыбку, но это было сложно. Визит к Сивилле в мои планы не входил.

— Да. Твоя служанка, кстати, не рада твоему исчезновению. Но не страшно, — Сивилла обхватила мою руку. — Я нашла тебя первой, так что я тебя забираю. Идем ко мне в комнаты.

Она потянула меня за руку, но я вспомнила предупреждение Ната и отпрянула.

— Не уверена, что я могу. Мне нужно... — правду говорить ей не стоило, — увидеть портниху.

— О, отлично. Твоя служанка говорила, что ты пойдешь туда днем. Но еще пару часов, так что ты можешь зайти ко мне, — она посмотрела на меня. — Ты точно в порядке? Может, мне стоит позвать Марджери?

Она знала имя служанки. Это вряд ли было плохим знаком, но мое внимание привлекло. Они точно не были союзницами?

— Нет, — быстро сказала я. — Нет, я в порядке. Я не позавтракала, но...

— Не позавтракала? Тогда точно идем ко мне, — Сивилла снова взяла меня за руку. — У меня много еды, — я все еще мешкала, и она пошутила. — Если не пойдешь, я скажу Марджери, что ты вот-вот упадешь в обморок. И тогда тебе конец.

Ее голос был веселым и добрым, но она загнала меня в ловушку. Выхода не было, и я согласилась пойти с ней.

С радостным воплем Сивилла повела меня за собой, а я могла лишь догадываться, что меня ждало.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ ПЕРСПЕКТИВЫ

Комнаты Сивиллы, в отличие от моих, были заперты. Открывались они тонким ключом, она впустила меня. Главная комната была меньше моей, но украшена такими же красивыми гобеленами с богиней луны Дианой, и здесь было так же тепло.

И здесь тоже было много букетов.

Сивилла поймала мой взгляд на них.

— Так много цветов! — она склонилась и понюхала фиалки, а потом посмотрела на меня со смеющимися глазами. — Хотя это вполтину меньше того, сколько ты получила.

Я все еще разглядывала ее комнату, успокаиваясь из-за сходства с моей. Может, меня все же не выделяли. По крайней мере, не так сильно, как я боялась.

— Похоже, у тебя тоже было много посетителей, — сказала я. — И твои были умными и принесли вазы.

— О, они не думали о вазах. Моя служанка Джоан все сделала, — голос Сивиллы прозвенел как колокольчик. — Джоан?

Морщинистая, как сушеное яблоко, голова появилась из-за дверцы.

— Ах, вот ты где, — Сивилла обняла рукой крохотную женщину. — Знакомься с леди Певчей. Помните, как она приезжала к нам? О, нет, в то лето вы ведь были с тетей Горинг, да?

Джоан не могла подтвердить историю Сивиллы. Жаль. Я хотела бы, чтобы Норри была здесь, она бы знала правду. Сивилла ведь говорила, что и она приезжала.

И это был смелый ход от Сивиллы. Почему бы она так говорила, если бы Норри могла опровергнуть ее слова? Я немного расслабилась.

— Рада встрече, миледи, — морщины стали глубже, она подошла ближе. Джоан присела в реверансе.

Я покраснела. В прошлом году люди при дворе так делали после победы над Скаргрейвом, но я все еще не привыкла. Я повернулась к Сивилле, чувствуя себя неловко и не в своей тарелке, еще и плохо одетой. В свете дня было прекрасно видно, что я выросла из своего платья. Сивилла в платье из сатина выглядела куда более изящной.

Сивилла будто не замечала разницы между нами.

— Поешь что-нибудь, — позвала она меня. — Здесь пирожные и булочки со смородиной, корзинка фруктов. Любишь виноград? А персики?

Ее столик у кровати был полон угощений, он соблазнил бы даже того, кто не был так голоден, как я.

— Это ананас? — фрукт был таким редким, что я пробовала его только один раз, когда была гостем короля Генриха в прошлом году.

— Да, — щеки Сивиллы порозовели, она рассмеялась. — Король Генрих прислал, наверное, извиняясь за то, что мы задержались здесь. Жаль, у меня нет ножа для него. Вот. Может, лучше возьмешь яблоко? — она протянула мне красное и идеальное яблоко.

Это было почти слишком хорошо для правды. Но, несмотря на тепло Сивиллы, я не могла забыть предупреждение Ната. Мне нужно оставаться настороже.

— Лучше я возьму апельсин, — он еще был в кожуре, я взяла его наугад из миски, так что это было безопаснее яблока, что она давала мне.

Но мои страхи, похоже, были напрасными, Сивилла бодро приняла мой выбор.

— Бери, что хочешь, — она дала мне блюдце и повернулась к Джоан. — Прости, но у тети Горинг, похоже, закончился красный шелк для вышивки. Она хотела бы, чтобы ты нашла ей еще.

Джоан порылась в корзинке с предметами для вышивки.

— Я же говорила, что нужно больше, — она поклонилась мне и ушла.

Я взяла из корзинки булочку — Сивилла, судя по крошкам, уже несколько съела — и добавила на свое блюдо. Сев в вышитое кресло, я улыбнулась Сивилле. Пока я здесь, я могу узнать о ней как можно больше.

— Не помню, встречалась ли я с твоей тетей, — сказала я.

— Она в соседней комнате. Но сейчас ее нет. Работает над вечной вышивкой и ищет при этом мне пару, это точно, — впервые Сивилла рассмеялась сдержанно.

— Ты не думаешь о перспективах для себя?

— Думаю, конечно. Просто сложно выносить ее поведение, когда она относится ко мне как к трофею, — Сивилла принялась изображать голосом аукционера. — Лучшая корова в здешних краях, отличное потомство и удача, а к ней еще и ее золотая уздечка...

Она поймала мой взгляд и улыбнулась.

— Думаю, тетя Горинг все же рассказывает не так... Просто стыдно, что она расписывает меня каждому, кто слушает, — она покачала головой. — Но зачем я жалуюсь тебе? Про меня хоть Совет не рассуждает так, будто я племенная кобыла.

Мои ладони застыли на шкурке апельсина.

Сивилла прижала ладонь к губам.

— Ой, неправильно прозвучала. И теперь я тебя обидела.

— Я не обиделась, — я продолжила чистить апельсин. Она ведь сказала правду. — Просто я... удивлена. Я не знала, что планы Совета насчет меня известны всем.

— Об этом сплетничают при дворе, — она бодро добавила. — Не думаю, что об этом уже говорят в Лондоне. Так сказала тетя Горинг. Ей виднее, она — худшая сплетница из них.

Я скривилась. Я и не думала, что такое могут обсуждать в Лондоне.

— Не принимай близко к сердцу, — сказала Сивилла. — Это ведь просто разговоры.

— Просто разговоры?

Сивилла кивнула.

— Нам повезло. Многим девушкам выбирают мужей за них. Но тебе, как и мне, можно не выходить замуж, если не хочется.

Все было не так просто, но я сказала:

— Да?

— Да. У меня осталось немного денег от мамы, а больше их будет, когда мне исполнится двадцать один, так хотел отец. Мне не нужно спешить замуж.

Сивилла была богатой. Можно было догадаться по ее красивой одежде и уверенному поведению.

— Но твоя тетя все равно ищет тебе жениха?

— О, тете Горинг просто скучно. Они с дядей хотят, чтобы я удачно вышла замуж и добавила блеска фамилии, — Сивилла закатила глаза. — То, как она это делает, выводит меня из себя. Но что я могу? Мне всего семнадцать. Если я уйду, будет скандал. Да и тетя Горинг больше лает, чем кусает. Она считает себя сводницей, но еще ни разу не пыталась выдать меня за кого-то. И она толком за мной не следит, ей не до этого. Так что, если бы я хотела, я бы сбежала с возлюбленным без проблем.

Я перестала есть апельсин.

— А ты хотела? Сбежать?

— Нет, конечно! Я ни к кому так не привязана, — Сивилла покраснела. — Мужчины

вокруг меня — охотники за удачей. Я лучше буду независимой, — она посмотрела на меня. — А с тобой иначе, да?

Я осторожно освободила еще кусочек апельсина.

— Это тоже есть в сплетнях?

— Что-то есть между тобой и Натом Уолбруком, да? Он так опасен, как выглядит?

— Опасен?

— Такой наблюдательный, увереннодвигающийся. А его глаза и плечи, — она игриво поежилась. — Я сразу его заметила, и не только я, поверь. Но с ним не поиграешь. Это я быстро поняла. А потом узнала про вас, вашу любовь, и все стало ясно, — она вздохнула. — Это так романтично.

Я покачала головой.

— Совет так не думает.

— Что же, — сказала Сивилла, — для них он — неподходящая пара, признай.

— Что?

— У него ведь нет денег? Никто не знает, откуда он. И он не спешит делать себе репутацию при дворе. Его чуть не выгнали из Совета.

Я нахмурилась. Сивилла заметила.

— Я говорю не от себя. Я объясняю, как это видит Совет. А еще вопрос о детях и магии. Это для Совета тоже очень важно, — она посмотрела на меня. — А для тебя — нет?

— Я... никогда не думала об этом.

— Да? — Сивилла улыбнулась. — Повезло. Я половину жизни слушала про детей, магию и родословные. Мама все время об этом говорила.

Разве? Я склонилась к ней. Может, не стоило показывать свое незнание, но как я могу что-то узнать, не рискуя? Пора было мне задавать вопросы, а не отвечать на них.

— Сивилла, они говорят правду? — спросила я. — Певчая может передать магию, только если она выйдет за мужчину с кровью Певчей?

Сивилла растеряно посмотрела на меня.

— А ты не знаешь? Тебе не объясняли?

— Нет, — в коротком письме мамы не было ничего о браке Певчей. И крестная не говорила. Хотя, если подумать, леди Илейн интересовалась предками и родословными. Может, причина была в этом.

Я понизила голос.

— Расскажи мне все, что можешь, прошу. Мне нужно понять, как это работает.

Сивилла была рада объяснить мне.

— Многое зависит от магии Певчей. Если она сильная, как было раньше, что и ее дочери получают магию, даже если отец из обычной семьи. В них магия будет не так сильна, и в этом проблема. Кровь со временем ослабеет, а с этим будет утрачена магия.

— Так случилось в твоей семье?

— Да. У бабушки было немного магии, и когда она вышла замуж, все закончилось. Ее дочери — моя мама и ее сестра — были без магии.

— Так магия покинула твою семью навеки?

Она кивнула.

— Мама пыталась это исправить. Она вышла за моего отца отчасти из-за его родословной Певчих, и когда я родилась, она была уверена, что я буду Певчей. Но магия ушла из нашей семьи, даже если мама долго не могла этого принять, — она взяла пирожное

и с любопытством спросила. — А ты? Твоя мама выходила замуж?

— Не знаю. Я ничего не знаю. Мой отец умер до моего рождения, — можно ли это рассказывать ей? Я не была уверена. Но я не так и много раскрыла.

— Кем он был?

— Его звали Джон, — я знала это из письма матери. — Он был учителем музыки. Так сказала мама.

Глаза Сивиллы расширились.

— Учителем музыки? А твою маму растила леди Илейн Оделин? Смело.

— Она была смелой женщиной, — я снова пожелала знать ее лучше.

— Она любила его?

— Да, — это было видно в тех словах, что она написала о нем.

— Это должно было помочь. И музыкант тоже. У них бывает тоже кровь Певчей, кстати, — она посмотрела на меня. — Может, потому ты так сильна.

— Возможно, — я всегда думала, что моя магия передана мне от матери. Было странно думать, что и отец был с этим связан.

— В общем, теперь ты видишь, почему Совет ищет тебе правильного мужа. Если ты выйдешь не за того, у твоих дочерей тоже будет половина силы, а то и не будет силы. Для них это будет ужасно.

— А если у меня будут только сыновья? Совет об этом подумал?

— Думаю, они будут ждать от тебя дочери, как от королевы ждут сына. Но, да, порой у Певчих есть только сыновья, а то и нет детей. Это расстроит Совет, — она задумчиво добавила. — Бывало, правда, что Певчая без дочерей могла передать силу мужчине с кровью Певчей. Мама рассказывала, что иногда Певчие так передавали силу своим сыновьям. Но больше такого не случается. Видимо, это тоже было утеряно.

— Певчие-мужчины? — я покачала головой, не зная, верить ли этому. — Никогда о таком не слышала.

— Потому что они не существуют, — сказала Сивилла. — У мужчин сила проявлялась иначе. Они не чаруют песнями, а становятся магами. Очень сильными магами. Так мама говорила, — она вздохнула. — Но не всем ее словам можно верить. Часть подслушана, а остальное... у нее были странные друзья, если можно так сказать.

— О? Кем они были? — я пыталась звучать так, словно мне было все равно, но я помнила слова Ната, шепчущие в моей голове: она с мамой жила на континенте... никто толком о ней не знает...

— Какими они были? — Сивилла скривилась. — Гадалки, читатели карт, пророки и даже пара алхимиков. Если они говорили, что у них есть магия, мама уделяла им время. Но, когда вопрос касался Певчих, мама сама была экспертом. Не только из-за связи семьи, но и потому, что изучала их.

Сивилла придвинула ко мне пирожные, я уцепилась за слово:

— А какие эти алхимики?

Она улыбнулась.

— Нудные. Все время говорят о своих металлах и преобразованиях, всем прочем. И постоянно тянули из мамы деньги на эксперименты. Они бы убили, чтобы добраться до тигеля сэра Исаака. Я была очень рада уехать оттуда.

— И теперь ты снова окружена алхимиками.

Она издала смешок.

— Точно. Похоже, это моя судьба. Хотя алхимики здесь куда интереснее, чем те, что преследовали маму. Жаль, что они потеряли тигель, — она коснулась рукава. — Ты правда будешь искать его за них? Так говорила тетя Горинг.

— Этого от меня ждут, да, — я осторожно подбирала слова, стараясь не показывать слабость. — Они надеялись, что я быстро найду его, но мои песни... они не так работают.

Сивилл сочувственно кивнула.

— Помню, бабушка говорила мне, что лучшие песни для поиска были утеряны. Люди-то думают, что Певчие умеют все. Они не понимают, что у нашей магии есть пределы, — она замолчала. — Я про магию Певчих, конечно.

— Совет точно не понимает, — сказала я.

— Ты пыталась только песнями? — спросила Сивилла. — Ничем другим?

Я села ровнее. Станный вопрос.

— А что еще можно сделать? — медленно спросила я.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ ВИЗИТ ВАЛЕНТИНА

— У некоторых Певчих была и другая магия, — сказала Сивилла. — Ты не знала?

Нет. Но это меня взбодрило. Если чаропесни не удавались, может, я могу найти другую магию.

— Ты пробовала что-то, кроме пения? — спросила Сивилла.

— Нет. Никогда.

Она просияла.

— Ты новичок, да? О, это чудесно. Мы можем поэкспериментировать и посмотреть, выйдет ли что-нибудь.

— Как поэкспериментировать? — хотя я хотела услышать больше, я держала голос ровным. Я не хотела, чтобы Сивилла поняла, как важен ее ответ.

— О, я знаю разные трюки. Многие друзья мамы были шарлатанами, но были и хорошие, они многому меня научили. Я сама не все могу делать, жаль. Но я знаю, как научить тебя, — она огляделась, словно искала, с чего начать. — Почему бы нам не...

Стук в дверь прервал ее.

— Ой, — Сивилла недовольно поднялась. — Наверное, Джоан. Пока остановимся.

— Ты не хочешь, чтобы она знала?

Сивилла покачала головой.

— Она это не одобряет. Думает, что опасно в это лезть.

— Это опасно?

— О, она преувеличивает. Это не так и опасно. Чаще всего.

— Чаще всего? — с тревогой повторила я.

Сивилла уже вышла и не ответила. Я не видела со своего места ни ее, ни дверь.

— О, впустите меня, — услышала я мужчину.

— Сейчас не лучшее время, — пробормотала Сивилла.

— Самое лучшее. Вы ведь мой валентин, да?

— Разве? — Сивилла отчаялась. — О, заходите. От вас явно не избавиться.

— Как мило, — юноша прошел в комнату, ведь в бархате и с улыбкой. Лорд Габриэль.

Увидев меня, он тут же перестал улыбаться.

— О, эм... Я не знал, что вы были здесь...

— Конечно, не знали, — сказала я. — Иначе не говорили бы о валентинах, — я говорила без злобы, ведь была рада получить доказательство, что утром он был не серьезен.

Сивилла вскинула брови.

— Ты от него тоже получила? — сказала она, я кивнула, и она рассмеялась.

Лорд Габриэль с досадой посмотрел на нас, а потом, к моему удивлению, тоже рассмеялся.

— Поймали на горячем, — признал он. — Но разве меня можно винить? Кто бы не хотел получить вас обеих, если бы мог?

Он робко, но восхищенно улыбнулся нам. Я невольно улыбнулась в ответ. У него были большие амбиции, но он все равно мог смеяться над собой, и мне это нравилось.

— Скажите, о чем вы тут беседовали? — он прошел глубже в комнату. — Не о валентинах, надеюсь.

— Ни за что, — сказала я, мы с Сивиллой сели у огня.

— Значит, о красоте и танцах?

— Вообще-то, — сказала Сивилла, — мы обсуждали алхимиков.

— Да? — он посмотрел на нас по очереди. — И что вы говорили о них? Точнее, о нас?

— О, мы не говорили о вас, — сказала я. — Я просто спрашивала у Сивиллы про алхимию.

Лорд Габриэль отодвинул стул.

— Что вы хотите знать?

— О, все, что можно. Я почти ничего не знаю, только то, что упоминалось на собрании Совета, — я хотела узнать больше от Пенебригга, но решила использовать шанс здесь, ведь так можно было и узнать немного больше о лорде Габриэле.

— Осторожнее с желаниями, — предупредила Сивилла. — Габриэль может говорить об этом, пока звезды не попадают с неба. Его сложно остановить.

— Леди, вы режете мне сердце, — лорд Габриэль улыбнулся Сивилле, радуясь перепалке. — Я девять лет изучал алхимию, а теперь вы запрещаете мне говорить об этом?

— Это самозащита, — сказала Сивилла.

— Девять лет? — я была удивлена. — Сколько вам было, когда вы начали, лорд Габриэль?

— О, прошу, не зовите меня лордом, Певчая. Можно и Габриэлем, — все еще улыбаясь, он вернулся к теме. — Посмотрим... мне еще и десяти не было.

— И ваши родители не были против?

— Их там не было. Когда к власти пришел Скаргрейв, они отослали меня в семью друзей в Швецию, надеясь, что там безопаснее. Жизнь там была странной. Первый учитель, нанятый для меня, оказался алхимиком. Я несколько месяцев пытался узнать, что он делает, а когда узнал, он согласился поделиться секретами.

— Насколько я помню, это не все, — сказала Сивилла.

— Было немного шантажа, если вы об этом, — сказал Габриэль. — Он бы не рассказал мне, если бы не боялся, что его раскроют.

— Вы шантажировали людей в девять? — сказала я.

— Тогда уже в десять, — Габриэль не смутился. — И с того времени я заинтересовался этим. Я не хотел больше ничего делать.

— Но вас заставляли учить и другие предметы?

— Да. Но они не были и вполнину так интересны, как алхимия. На изучении математики ведь не разбогатеешь? Или латинского, логики, астрономии и прочих предметов, что учителя запихивали в меня. Только алхимия может дать богатство и силу.

— Если повезет, — сказала я.

— Но мне везет, — Габриэль вытянул ноги в сапогах уверенным движением. — Я во дворце Гринвич, сэр Исаак выбрал меня помогать ему в создании философского камня. Это везение, — он улыбнулся. — Хотя я не сразу проникся сэром Исааком. Он слишком неуклюжий.

— Неуклюжий? — я впервые слышала об этом.

— Не в повседневных делах, нет. Но в нем гениален мозг, а не тело. Попросите его дистиллировать воду, и он обожжет пальцы или сломает перегонный куб, — он самодовольно скрестил руки. — И тут помогаю я со своими уверенными руками и ясным зрением. Он не может работать один.

— Звучит так, словно вы все делаете один, — отметила Сивилла.

— Не совсем. Но я среди приближенных.

— Приближенных? — Сивилла обмахивала себя. — Ничего себе!

Боясь, что из-за ее шуток разговор оборвется раньше, чем я смогу все узнать, я сказала Габриэлю:

— Есть вопрос. Что такое перегонный куб?

Сивилла была права, он напоминал поток. Он отвечал на вопрос подробно, говорил о сосудах, трубках и паре, рисовал силуэты руками в воздухе. Если у меня и были сомнения насчет его любви к алхимии, они рассеялись.

Вот только я не очень понимала его слова.

— И все же куб...?

— Это часть аппарата, — сказал он. — Его используют в дистилляции, — видя мое смятение, он встал со стула. — Почему бы нам не сходить в лабораторию? Я бы все показал.

Я хотела согласиться. В лаборатории можно было бы понять, как и зачем был украден тигель. Но я не знала, можно ли идти с одним Габриэлем.

— Ты тоже пойдешь? — спросила я Сивиллу.

— Конечно, — она хмуро посмотрела на Габриэля. — Если я приглашена. Раньше вы мне не предлагали.

— Вы не показывали интерес.

— Вот вам и благодарность. В вечер, когда я вас встретила, я слушала вас часами.

И снова эта широкая дьявольская улыбка.

— Часами? Не помню.

— Я помню, — с силой сказала Сивилла.

— Если я не приглашал вас, то потому, что лаборатория обычно доступна только алхимикам. Но этим утром там может быть только старый Пенебригг. А он против не будет.

Поход в закрытую лабораторию и шанс увидеть Пенебригга?

— Идемте? — сказала я.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

— Уверена? — пробормотала Сивилла, мы вышли из ее комнаты.

— Да, — меня тревожило лишь, что подумает Нат. Идти в алхимическую лабораторию с Сивиллой и Габриэлем было далеко от просьбы сидеть в комнате. Но если я найду что-нибудь полезное, это будет не зря.

— Не говори, что я не предупредила, — прошептала Сивилла.

С быстрым поклоном Габриэль придержал дверь и протянул нам руки.

— По одной для каждой из моих валентинов.

Мы с Сивиллой переглянулись и рассмеялись.

— А какие руки для других? — спросила я.

— Кто сказал, что были другие? — возмутился Габриэль, но руки опустил.

— Втроем в ряд мы все равно не пройдем, — сказала Сивилла. — Даже вдвоем вряд ли пройдем.

— Откуда вы знаете? — спросил Габриэль.

— Ходят слухи, — сказала Сивилла.

Она была права: лестница, ведущая вниз в лабораторию, была узкой и спиральной. Пришлось идти по одному. Габриэль вел нас, все время рассказывая.

— Это не было изначально лабораторией. Это была личная кухня короля. До того, как дворец стал в три раза больше, — он оглянулся, чтобы убедиться, что мы идем. — Никто не знал, что делать после этого с комнатой, пока не пришел сэр Исаак. Он увидел, что это хорошая комната для алхимии, с большими старыми каминами, печью, рядом окон и вентиляцией. И прямо у Темзы, что и хорошо, ведь огонь может выйти из-под контроля.

Я подумала про огонь лунного шиповника и скривилась.

Мы дошли до двери в стене. Габриэль вытащил ключ и открыл ее, за ней была еще одна дверь, но перед ней стоял страж.

— Я просто привел гостей, Поттс, — сказал ему Габриэль.

Поттс засомневался.

— Я ничего об этом не слышал, милорд.

— Нет? — бодро сказал Габриэль. — Это леди Певчая. И ее подруга.

— Вы не сказали, — Поттс ошеломленно смотрел на меня.

— Она хочет применить магию, чтобы поискать наш тигель, — сказал Габриэль. — Но сначала ей нужно увидеть комнату, так что просто откройте дверь... Да, отлично.

Габриэль был в своей стихии, он сказал это так, словно я собиралась в любой миг спеть чаропесню. Но я сглотнула желание возразить. Впрочем, он был близок к правде, и мы смогли миновать стража.

Дверь закрылась, мы остались в лаборатории, просторном месте с высокими окнами и стенами из камня. Окна были закрыты, пахло металлом.

Сивилла скривилась.

— Пахнет как на кожевенном заводе. Или как краской.

Габриэля запах не расстраивал.

— Похоже, Пенебрига тут нет, — сказал он и пошел вдоль стены. Он указывал на разные огни и печи, потом подвел нас к стеклянным трубками и бутылкам, используемых для дистилляции.

А потом он подвел нас к персиково-коричневым глиняным горшкам с треугольными краями. Самый маленький был размером с кружку, а самый большой — с котел.

— Все это — тигели, конечно.

— А что такое тигель? — я уже привыкла к запаху и могла говорить без желания

кашлять. — То есть... для чего он?

— Вы не знаете? — спросил он.

— Сжальтесь, — сказала Сивилла. — Она — новичок в алхимии.

— Точно, — Габриэль покровительственно улыбнулся мне. — Тигель, дорогая Певчая, это открытый сосуд, без крышки, который можно нагревать до очень высоких температур.

— Насколько высоких? — спросила я.

— Порой намного выше температуры кипения. Некоторые тигели можно ставить в открытый огонь, но они не тают и не трескаются. Как эти, — он указал на горшки. — Эти тигели из Гессе в Европе. Они лучшие, не считая золотого тигеля, конечно.

— Какого размера золотой тигель? — этот важный факт Совет не упомянул.

— Примерно такого, — Габриэль указал на горшок посередине. — Золотой тигель очень похож на это, но он красновато-золотой, у него шире горлышко.

— Вы его видели? — спросила Сивилла.

— Конечно. Я ходил в сокровищницу с сэром Исааком по его просьбе.

Я коснулась горшка.

— Можно подержать?

— Если хотите. Но осторожно: если уроните, он разобьется так же легко, как любой другой горшок. Он силен только в огне.

Я подняла тигель, взвешивая его.

— Чтобы оценить, вам стоит увидеть его в действии, — Габриэль открыл шкафчик и вытащил стеклянный флакон, что был будто полон воды. Он потянул за пробку.

— Габриэль, — в голосе Сивиллы было предупреждение. — Вы уверены...?

Бам!

Пробка выскочила. Быстрым движением, которое я едва уловила, Габриэль бросил пенни в тигель, что я держала, и налил туда немного жидкости.

— Фу, — Сивилла прижала ладонь к лицу. — Люси, опусти его!

Я поставила тигель на ближайший стол, жидкость внутри зашипела, пенясь, и стала зеленой. Даже Габриэль был встревожен.

— Назад! — махнул он рукой.

Красно-коричневый дым полетел из тигеля.

Я закрыла рукавом лицо, чтобы отогнать едкий воздух. Легкие горели, глаза слезились. Сивилла кашляла.

— Сюда! — Габриэль отвел нас в маленькую примыкающую комнату, где воздух еще был свежим. Он закрыл дверь, Сивилла выдохнула:

— Зачем было так делать?

— Я... показывал... что тигель хорошо... удерживает кислоту, — сказал Габриэль, задыхаясь.

— Это была кислота? — выдавила я.

— *Аква фортис*, — сказал Габриэль. — Сильная вещь.

— Очень, — Сивилла перевела дыхание и повернулась к Габриэлю. — Это было неправильно. Люси могла обжечься. Мы все могли пострадать...

— Вы преувеличиваете, — возразил Габриэль. — Я делал так десятки раз.

— Десятки? — сказала я.

— Ну, чуть меньше, — исправился Габриэль. — Хотя обычно с медью, и окна были открыты.

— А сегодня они закрыты, — сказала Сивилла.

Габриэль выглянул через скважину в другую комнату.

— Дым, похоже, рассеивается. Через пару минут можно вернуться.

Сивилла была в ярости, но теперь мы были вдали от дыма, и мне становилось любопытно.

— Что такое аква фортис? — спросила я.

Габриэль обрадовался вопросу.

— «Сильная вода» с латинского, может растворить любой металл, кроме золота. И с ее помощью можно сделать *аква регис* — королевскую воду — что растворит золото. Очень полезная вещь.

— И она нужна для создания философского камня? — спросила я.

— Верно. Видели, как изменился цвет от реакции с пенни?

— Стало зеленым?

— Да. Это важно, потому что... — Габриэль остановил себя. — Думаю, столько деталей вам не нужно.

— Мне точно, — сказала Сивилла. — Я уже знаю о Зеленом льве, Черной вороне и остальном зверинце.

Габриэль вскинул брови.

— Вы меня удивляете.

— Хорошо, — польщено ответила Сивилла.

— Но что это значит? — спросила я. — Алхимики не делают ведь животных?

Габриэль замешкался, но Сивилла воспользовалась моментом.

— Это цвета, которые видишь, пока делаешь камень, — объяснила она. — Первая стадия черная, следующая белая, и так, пока не получится камень, Огненный феникс.

Габриэль посмотрел на нее с опаской.

— Откуда вы все это знаете?

— Не переживайте. Зеленый лев — это аква фортис, а может, что-то другое, тут я не знаю, — призналась Сивилла. — Я не видела, как алхимики делают цвета, так что не знаю, как их создать.

Все еще растерянный Габриэль подошел к двери и приоткрыл ее.

— Дым ушел.

Мы вернулись в комнату и окружили тигель. Большая часть дыма ушла, но запах в воздухе еще был.

— Фу, — Сивилла прикрыла нос.

Габриэль что-то покрутил на стене, высокие окна открылись.

Сивилла посмотрела на туман.

— Он не уходит.

— Ветра нет, — Габриэль улыбнулся мне. — Может, вы призовете нам один магией, Певчая?

Я встревожено вздрогнула. Он серьезно?

Надеюсь, что нет.

— Магией, когда время само может все сделать? — улыбнулась я. — Я не могу так тратить силы.

Улыбка Габриэля стала шире.

— Магия не может быть тратой. Давайте. Спойте.

— О, давай, Люси, — глаза Сивиллы засияли. — Я не видела магию Певчих после смерти бабушки. А воздух нужно очистить.

Они с ожиданием смотрели на меня.

Я смотрела на них в панике. Что делать? Я слышала лишь слабый шепот реки, доносящийся из открытой окон, смесь неясный нот, что угасала и вела в никуда. Даже если я найду там чаропесню, к чему она меня приведет? Кости станут водой? Тело испарится?

Словно прочитав мои мысли, Сивилла опустила голову и покраснела. Она выглядела почти виноватой. Мою кожу покалывало. Почему она так себя вела? Она знала правду о моей ситуации? Она стала ее причиной?

Или я не так все понимала?

Раздался шум, мы обернулись. Дверь открылась. Сэр Исаак стоял с металлическим ящиком в руках.

— Что вы здесь делаете? — прогремыхал он. — И что это за запах?

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ СЕКРЕТЫ ФЛАМЕЛЯ

От яростного взгляда главного алхимика мы с Сивиллой застыли.

Габриэль заметно поник.

— Эм... Я просто показывал Певчей лабораторию.

— Да? — тон сэра Исаака был опасным. — Тур для друзей с парой взрывов?

Щеки Габриэля покраснели.

— Не совсем, сэр Исаак.

Я ценила, что он не пытался обвинить меня. Но честно заявила, что моя роль в этом была.

— Я попросила его помочь мне, — сказала я сэру Исааку. — Простите. Я думала, если узнаю больше об алхимии, смогу помочь в поисках тигеля.

Строгое лицо сэра Исаака немного смягчилось.

— Почетное рвение, Певчая, но у нас здесь правила не просто так, — он посмотрел с отвращением на потемневший тигель. — Лорд Габриэль, что привело к такому беспорядку?

— Я... показывал, как работает тигель.

Сэр Исаак нахмурился сильнее.

— Вы знаете, что это запрещено. Мы поговорим позже. Закройте окна, пока все не замерзло, а потом проводите мисс Дэшвуд наверх.

Габриэль подчинился, закрыл окна и протянул Сивилле руку. Она покорно приняла ее.

— Мне тоже нужно идти, — я не знала, хочу ли расспросить Сивиллу или избегать ее, но мне точно нужно было на свежий воздух. Голова болела и кружилась. Запах этого места влиял на меня.

— Нет, Певчая, — сэр Исаак опустил металлический ящик, который принес. — Прошу, останьтесь. Я хочу поговорить.

Это хорошо или плохо? Я не знала, но осталась, а остальные ушли.

— Певчая, я понимаю, что вы хотели как лучше, — сказал сэр Исаак. — Но если хотите больше узнать об алхимии, лучше спросите меня, а не лорда Габриэля. Если бы я знал, что вы хотите знаний, я бы освободился. Все, что угодно, лишь бы вернуть тигель... — он посмотрел на карманные часы. — Сейчас я свободен. У вас есть вопросы?

Неплохое предложение. Никто не знал об алхимии больше сэра Исаака, даже Пенебригг. Но что спросить? Что поможет найти тигель? На это сложно было ответить, даже сложнее, ведь меня все еще беспокоило выражение лица Сивиллы. Это была вина? Из-за чего?

Сэр Исаак нетерпеливо постукивал по металлической коробке.

Я заставила себя сосредоточиться. Стоит хотя бы проверить слова Габриэля. Я указала на пострадавший тигель перед собой.

— Золотой тигель примерно такого размера?

— Грубо говоря. Я могу дать точные размеры, если нужно, — он написал их на листке. — Вот. Что еще вы хотите знать?

— Из чего он?

— Из определенного глиноземного соединения. Простите, точнее сказать не могу, мы не осмелились экспериментировать. Это могло его разрушить.

— Фламель не говорил, из чего он сделан?

Длинные пальцы сэра Исаака стучали по столу.

— Нет. Но, как я упоминал вчера, он был уверен, что его создал Гермес Трисмегистус, великий родоначальник алхимии.

Я пыталась вспомнить, что еще он рассказывал вчера.

— Вы сказали, что нашли его во Франции? Где именно?

Глаза сэра Исаака сузились.

— Это важно?

— Возможно, — хотя я понятия не имела, так ли это.

— Если нужно, я нашел его на кладбище маленького городка у Парижа. В бумагах Фламеля был шифр, — он посмотрел на металлический ящик, — и там я узнал местоположение.

— Они там? — я указала я коробку. — Бумаги?

— Эм... да. Я постоянно сверяюсь с ними. Но Испания и Франция все бы за них отдали как и многие другие. Так я их храню от воров.

— Можно посмотреть?

Сэр Исаак указал на край ящика. Там был сложный замок, я видела такой, пока Нат учил меня в прошлом году, но такие встречались редко.

— Можете, наверное, — неохотно сказал он. — Вряд ли они будут понятными. Шифр Фламеля разобрать сложно.

Он открыл ящик, показывая потрепанную стопку бумаг, перевязанную черной лентой и пахнущую затхло. Как он и говорил, они были покрыты странными символами, которые я не понимала.

Я переворачивала страницы с трепетом и восторгом, думая о том, какая музыка или магия может в них скрываться. Но я ничего не слышала. Бумага была шершавой и тихой под моими пальцами.

Я не возражала, когда сэр Исаак забрал бумаги и закрыл ящик.

— Вы хотите знать что-то еще? — спросил он.

Я не сразу вспомнила, на чем мы остановились.

— Вы сказали, что нашли тигель на кладбище.

— Да, — сказал сэр Исаак. — Не в могиле, уточню. Но под стеной, как и указал Фламель.

— Кто-то видел, как вы его забирали? Кто-то, кто мог последовать за вами в Англию?

— Сомневаюсь, — сказал сэр Исаак. — Я копал в темноте в ноябре. Никого вокруг не было, и я не видел, чтобы меня преследовали. Как только я добрался до короля, тигель отправился в сокровищницу.

— Его оттуда забирали?

— Никогда, — сказал сэр Исаак. — Пока не украли.

— И видели его только вы с королем?

— Большей частью, да. За неделю до его пропажи я приводил туда своих помощников: доктора Пенебригга, сэра Сэмюэля и лорда Габриэля. Я хотел, чтобы они ощутили его вес. Но мы оставили тигель там.

Это никак не помогало.

Сэр Исаак тоже был встревожен.

— Певчая, ваши вопросы кажутся обычными.

Мое сердце колотилось. Без магии мне приходилось выведывать детали простым разговором. Но сэр Исаак был прав, не так работала Певчая. Если я не хочу себя выдать, нужно менять тактику.

— Вы удивитесь, но часто магия зависит от простых деталей, сэр Исаак, — я старалась звучать мудро.

Он все еще сомневался.

Думай как Певчая. Если бы я могла колдовать, что бы я спрашивала?

— Может, я могу попасть в сокровищницу? Если вор был с магией, я могу услышать там что-то полезное.

Он просиял.

— Конечно! Если думаете, что это поможет, я с радостью отведу вас туда.

Все было быстро организовано: получено разрешение короля, хотя он сожалел, что не может встретить нас из-за других дел. Я была рада и пошла с сэром Исааком в сокровищницу.

Было приятно покинуть спертый воздух лаборатории. Когда мы добрались до двери сокровищницы, которую теперь охраняли четверо стражей, а не два, у меня прошла головная боль. Нас тут же пропустили, и я была потрясена богатством, что увидела там: сияющие слитки, сундуки камней, сияющие канделябры с жемчугами, висящими, как виноград. Полка была отведена для большой серебряной миски, где можно было купаться. С другой стороны длинный ряд золотых кувшинов отражал мое искаженное лицо.

Я замерла у сундука, усеянного изумрудами, рубинами и бриллиантами. Нат был прав: богатств тут было больше, чем я представляла.

Сэр Исаак тоже остановился.

— Что такое, Певчая? Вы что-то уловили? Ощутили?

Вспомнив, зачем мы пришли, я закрыла глаза, отчасти боясь того, что услышу. Но было тихо, как в гробнице.

— Нет. Тут ничего нет.

— Думаете, это была не магия?

— Я бы не спешила с выводами, — сказала я, стараясь не подставлять себя. — Скажите: вы не слышали или не видели чего-то необычного в ночь, когда тигель пропал?

— Когда я пошел проверять его? Или позже, когда мне сказали о краже, и я пришел посмотреть, что случилось?

— В оба раза.

— Нет, ничего необычного, — он сморщил высокий лоб. — Может, кроме одного...

— Чего именно?

— Дым в комнатах у сокровищницы, — сказал он. — Когда я пришел, он уже почти рассеялся, но виднелся в воздухе. И пах он не как обычный дым. Так мне показалось.

— Как он пах?

— Сложно сказать, — он заговорил с уколom меланхолии. — В вашем возрасте я мог бы сказать точно. Но я провел слишком много времени с алхимическим дымом, так что плохо ощущаю запахи. Но я знаю, когда пахнет плохо, а когда правильно, не более того. Вкус я тоже не ощущаю, — он вытянул руки, они подрагивали. — И испарения навредили моим рукам. Алхимия жестока в этом плане, — он опустил руки. — Но я могу лишь сказать, что в ту ночь дым пах неправильно.

Магия? Или что-то еще?

— Знаю, это мало, но это все, — сказал сэр Исаак. — Это поможет?

Я бы хотела вести себя как Певчая. Я знала, что было опасно притворяться, что я знаю больше, чем могу.

— Не уверена, — призналась я.

Сэр Исаак посмотрел на меня. На миг его холодная маска пропала, и я заметила на его лице безумную тревогу.

— Времени мало, — сказал он. — Планеты выстроятся через сорок два часа. Мы должны найти тигель. Должны.

Даже в худшие дни при Скаргрейве сэр Исаак так не выглядел. Но, конечно, тогда он был ученым, хоть и гениальным, в Невидимом колледже. А теперь он был главным алхимиком, спасающим королевство от голода. Ответственность сокрушала.

— Прошу, — это было признаком отчаяния у гордого сэра Исаака. — Что угодно, Певчая...

— Я понимаю, — сказала я.

Но я не знала, как помочь ему.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ПОДОЗРЕНИЯ

Сэр Исаак хотел проводить меня к комнате, но я отказалась. Мне нужно было оставаться вдали от Марджери подольше. Найти тигель за сорок два часа! Этого времени было мало. Я все утро потратила на вопросы, но я ни на йоту не приблизилась к возвращению тигеля или своей магии.

Я слышала смех придворных впереди, шепот слуг позади. Пытаясь избежать их, я спустилась по лестнице в узкий проход. Окна выходили на зеленый двор, окруженный грубыми голыми лозами.

Я остановилась у одного из окон, решив замедлиться, убедив себя, что никто меня не преследует. Но я смотрела на двор и чувствовала, что за мной охотятся. Если я не найду тигель, меня опозорят, а если камень не сделают, королевство будет голодать. А еще был Рэкхем и его шпионы, и было сложно не думать, что монстры преследуют меня отовсюду.

И тут что-то вылетело ко мне: высокая темная фигура подошла сзади. Я обернулась, надеясь, что это Нат.

Это был Габриэль.

Он поклонился мне и чарующе улыбнулся.

— Чудо, что мы встретились здесь. Боюсь, я спешу. Сэр Исаак ждет меня в лаборатории, но я хотел извиниться. Не по его просьбе, а по своей воле.

Его улыбка теперь была раскаивающейся, но становилась от этого привлекательнее.

— Честно говоря, я пытался вас впечатлить, — признался он. — Но я не хотел навредить, миледи Певчая. Я бы так никогда не сделал. Поверьте, — он говорил тихо и искренне, его взгляд был покорным. — Прошу, скажите, что вы нас простили.

Как я могла противостоять?

— Конечно, я вас прощаю.

Его карие глаза засияли.

— Вы так добры.

Я не успела понять, что он делает, а он обхватил мою ладонь и поцеловал.

Я застыла. Не короткий ответ, а это. Он задержался слишком долго, его губы были теплыми на моей коже. И когда он поднял голову, он улыбнулся ослепительно.

Мои щеки пылали. Я хотела сказать, что не обижена, но не хотела провоцировать его.

Его улыбка стала шире.

— Мне пора, Певчая. Надеюсь, вечером увидимся.

Он ушел, не дожидаясь ответа. А у меня был ответ.

Габриэль мне нравился. Ната заставляли держаться в стороне, вопрос брака не давал покоя. Намерения Габриэля были усложнением. Еще хуже становилось из-за моих реакций: я не ожидала этого поцелуя, сердце невольно колотилось. Становилось все больше причин избегать его.

Мне было не по себе, я шла по коридору, пока не добралась до двери, ведущей во двор. Я открыла ее с легкостью и вышла на траву. После пребывания взаперти было приятно оказаться на свежем воздухе.

Лишь на миг. Я сразу начала прислушиваться к магии, надеясь, что тут будет слышно лучше. Но нет, все оставалось неясным, а после случая утром от этого кожу покалывало. Я стояла на месте еще минуту, но страх лишь рос, а потом я поняла, как я открыта. Слишком много окон выходило сюда. Все могли следить за мной.

Я прошла в другой проход. Мне нужно было найти укрытие, защищенное место, где можно подумать, что делать дальше. Но я снова заблудилась. Я выбирала путь наугад, убегая ото всех, кто попадался, я бежала все быстрее и быстрее. Я вскоре попала в место, которое знала: библиотеку, где мы с Натом виделись утром.

Я стояла там и тяжело дышала, а потом услышала сзади ожесточенный шепот:

— Я думал, ты будешь сидеть в комнате.

Я развернулась. Нат стоял там и выглядел так же опасно, как описала его Сивилла. Он подошел, и я увидела тревогу в его глазах.

— Я всюду тебя искал, — сказал он. — Все говорят, что утром ты была с Сивиллой Дэшвуд и Габриэлем, о которых я говорил тебе. Правда?

— Все хорошо, — поспешила успокоить его я. — Мне не навредили.

Он не был рад.

— Можно пострадать, продолжая дальше с ними общаться, с двумя самыми нежелательными людьми во дворце! Чем ты думала?

— Я надеялась узнать что-то полезное, — я передала слова Пенебригга о тигеле и шансе заставить короля передумать.

Нат встревожился все больше.

— Ты еще и к королю ходила?

— Да, хотя толку не было. Но если я найду тигель...

— Ты серьезно? Люси, так нельзя. Не когда... — он замолчал и понизил голос, хотя двери библиотеки были закрыты. — Не когда с тобой все это происходит.

— Я не могу сидеть и ничего не делать, — возмутилась я. — И ты не смог бы на моем месте. Потому что я знаю тебя, ты бы тоже ходил всюду, пытаюсь понять, что происходит.

Я любила, что Нат был честен и относился ко мне, как к равной. Я видела борьбу на его лице. А потом он посмотрел на меня.

— Согласен, — он вздохнул. — Ты права, нечестно просить кого-то о том, чего сам не смог бы сделать. Просто... — он сжал кулаки. — Сложно думать, что ты ходишь среди людей, что могут тебе навредить. Могут уже вредить.

— Я буду осторожна, — сказала я. — И я узнаю разное. Полезное.

Его руки были напряжены, но я видела, что он заинтригован.

— Например?

— Сивилла много знает о Певчих. А еще она знает многое об алхимии.

— Алхимии? — Нат задумался. — Интересно.

— Удивляет, да? И это еще не все.

— А что еще?

— Сложно описать, — чем больше я думала об этом, тем больше сомневалась, что ее вид в лаборатории что-то значили. У нее было легко читаемое лицо, но я не знала ее достаточно хорошо, чтобы читать идеально.

— Думаешь, она вор? — сказал Нат.

Я замешкалась.

— Она? Нет. Тот, кто украл тигель, хорошо хранит секреты. А Сивилла... этого не умеет. Она всегда выпаливает то, что думает.

— Или играет, — сказал Нат.

— Возможно. Но она рассказала о делах ее мамы с алхимиками. И она уже потрясла Габриэля своими познаниями о Зеленом льве, Черной вороне и прочем. Если она что-то знает, она бы это скрывала. Так ведь?

— Как ты узнала, что Габриэль был потрясен? — спросил Нат.

— Я следила за ним.

— Ясно.

Нат сказал только это, но мои щеки стали теплыми. Он знал, что Габриэль назвался моим валентином?

— Я... не доверяю ему, — сказала я.

Я не видела Сивиллу как вора и убийцу, но Габриэль... мог быть таким. Он годами изучал алхимию. А если он хотел камень себе? Тогда он мог украсть тигель.

Но, конечно, не только он в Гринвиче был одержим алхимией. У многих из них не было свидетелей насчет того, где они были в ту ночь. Если действовала магия, но и те, у кого было алиби, могли быть причастными...

Прими это. Ты не знаешь, кто украл тигель. Ты ходишь кругами. А время уходит...

— Уверен, он опасен, — мрачно сказал Нат, и я поняла, что он все еще про Габриэля.

— Почему ты так говоришь?

— Я сам следил за ним неделю, он приходил в лабораторию посреди ночи один. И он

много времени проводит у комнат сэра Исаака, хотя его комнаты на другой стороне замка.

— Странно. Может, сэр Исаак держит его при себе.

— Он там, даже когда сэра Исаака нет, — сказал Нат. — Что-то не так. Не знаю, что. Звучало сомнительно. Может, Нату просто не нравился Габриэль. Я не хотела ухудшать все, защищая Габриэля. Тем более, у меня были свои подозрения насчет него.

— Я могу следить за ним дальше, — предложила я.

— Нет, — заявил Нат. — Знаю, ты не хочешь сидеть в своей комнате, я понимаю, почему. Но что-то очень опасное рядом, кто-то уже много напасть на тебя. Возможно, это Габриэль. Я не хочу, чтобы ты была рядом с ним, если нет надобности.

Он был так близко, что я видела дымчатые зеленые искорки в его теплых ореховых глазах. Он нежно коснулся большим пальцем моей щеки, а голос его был хриплым.

— Я не врал, когда говорил, что сделаю все, чтобы уберечь тебя, Люси. Если бы я только мог тебя отсюда забрать...

Я застыла. Кто-то звал меня.

— Певчая?

Марджери. Я отпрянула в панике от Ната.

— Тебе нужно идти, — прошептала я. Я не могла вечно избегать шпионку Рэкхема, но будет плохо, если она обнаружит нас вместе.

Но Нат вместо этого притянул меня к себе и поцеловал. На миг радость затмила страх. Нат, мой Нат обнимал меня...

— Миледи Певчая? Вы здесь? — Марджери была все ближе.

Страх обхватил меня, и я отпрянула.

— Иди! — прошептала я.

Нат бросился к двери за нами. Я поспешила в другую сторону, надеясь, что жара на щеках и губах не видно.

Я пересеклась с Марджери у комнаты.

— Вы звали? — сказала я.

Марджери холодно посмотрела на меня, но я видела гнев в уголках ее рта.

— Где вы были, миледи? Вы опаздываете на примерку.

— Примерку?

— К портным. Я пригласила их на утро, и они прибыли в вашу комнату четверть часа назад. Конечно, я не думала, что вы будете полдня пропадать. Надеюсь, они вас дождутся, иначе вам будет нечего надеть на банкет вечером.

— Банкет?

— Валентинов день. Вы забыли?

Я о банкете и не слышала. Об этом говорил Габриэль, заявив, что мы увидимся вечером?

— Мне необходимо идти?

Марджери была потрясена, словно я оскорбила бога.

— Это королевское приглашение, миледи. Вы не можете отказаться. Этим вы оскорбите короля. И будет оскорблением, если вы не будете достойно одеты.

Ясно. Я не могла оскорбить короля. Мне придется идти с Марджери. И на банкет.

А время при этом уходило.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

БАНКЕТ

За час я поняла, что не могу двигаться, тем более, сбежать, когда вокруг портнихи, пристегивающие к тебе булавки. Я в отчаянии сказала, что мне плохо, но это не спасло. Марджери просто заставляла меня пить воду, пока портнихи прикладывали ткани и закрепляли. Мне хотелось кричать.

Четыре часа спустя я стояла в прихожей большого зала, украшенная как рождественский гусь. Портнихи старались, но за такой короткий срок сделать новый костюм было невозможно. К моему смущению, я была в чужом платье. Услышав о моих сложностях, явно через Джоан, дружащую с портнихами, Сивилла прислала мне свои платья с запиской, что их можно менять, чтобы они подошли, они ей уже не были нужны.

Щедро, но Сивилла была выше меня, фигура ее была лучше, и пришлось распарывать швы и менять их, чтобы платье не сваливалось с меня. Юбки тоже пришлось укорачивать. И все равно ткань собиралась там, где не нужно.

Мои пальцы скользнули к булавкам на плече. Я боялась, что шелковые складки развернутся посреди банкета. Может, стоит уйти... хотя как, если Марджери за мной? Она следила за мной, стоя у двери. Пока я была в этом платье и в туфлях на каблуках, подходивших к одежде, ей можно было не переживать. Я раскачивалась и не могла идти.

Я хотела пройти в главный зал, но Сивилла подбежала ко мне в клубнично-красном сатине. Ее корсет подчеркивал каждый изгиб, жемчуг блестел на ее коже. Ее лицо сияло от радости при виде меня, и я засомневалась, что видела на ее лице вину раньше.

Она обхватила мою руку.

— Люси, выглядишь чудесно.

Я выглядела глупо, но это было ее платье, и я решила, что это прозвучит грубо. Мое лицо меня явно выдавало, она рассмеялась и сказала:

— Правда, чудесно выглядишь. Тебе идет морской цвет. Он подходит тебе больше, чем мне. И не переживай, я не носила это платье давно. Не знаю, зачем Джоан привезла его, но теперь рада, что так вышло.

Было сложно не поддаваться ее доброте.

— Ты так щедра...

Она прервала меня улыбкой.

— Ерунда. Я рада помочь. Особенно после оплошности днем.

— Оплошности? — я ее не поняла.

— Просить тебя применить магию, — она снова выглядела виновато, немного покраснела. — Магия Певчей — не игрушка, так всегда говорила бабушка. Не нужно было просить тебя использовать ее из-за пустяка. Это неправильно.

Я верно все поняла, Сивилла была виновата. Но не из-за того, что я думала. И, если она больше не будет просить применить магию, мне будет проще. Я немного расслабилась, несмотря на булавки на плече.

— Не будем об этом. Я рада, что ты поняла.

— О, я понимаю, поверь, — она понизила голос. — Надеюсь, остальным я тебя не обидела.

— Чем?

— О других видах магии. Я хотела помочь.

— Это звучало неплохо...

— Ты бы хотела попробовать? — Сивилла подпрыгнула на носочках. — О, я бы этого

хотела. Я была бы рада помочь.

Сивилла мне нравилась, но я не была готова пробовать странную магию с ней.

— Это очень мило, но...

— О, нет, — перебила Сивилла. — Веди себя смирно. К тебе идет Габриэль.

— К нам.

— Нет, к тебе, — сказала Сивилла. — Я ему нравлюсь, но не так. Он смотрит на тебя иначе. Он одержим, — она увидела мое лицо и рассмеялась. — Не пугайся, Люси. Я знаю о твоих чувствах к Нату, но Габриэль тоже хороший. Многие девушки были бы рады, если бы завоевали его интерес.

Может. Но не я.

Но встреча была не такой неловкой, как я боялась. Габриэль шел впереди армии придворных. С воплями они окружили нас с Сивиллой и увели на банкет.

† † †

Банкет был чудом! Главный зал был украшен цветами, был просторным, но людей было столько, что даже он казался тесным. В каждом углу были толпы придворных и членов Совета, хотя Ната я не видела.

А потом я оказалась за дальним концом королевского стола между лордом Габриэлем и лордом Ффолксом, союзником Рэкхема, который тоже приносил мне букет. Не лучшие спутники для ужина — Габриэль отодвинул для меня стул раньше, чем я поняла, что происходит — но это было неважно. Шум толпы был таким, что говорить не удавалось.

Стол был роскошным. Фарфор и серебро сияли на чистой скатерти, свечи блестели на хрустале ваз и бокала в моей руке. Но меня потрясла еда. Появлялись тарелка за тарелкой, и всюду были разные блюда.

За лордом Ффоулксом Сивилла брала устриц из золотой миски. Тетя Горинг с глазами гусыни, с которой я все-таки познакомилась, сидела напротив нее и наполняла тарелку жареным лебедем и спаржей. Лорд Ффоулкс справа от меня ел ветчину и ростбиф. Слева Габриэль передал мне большую тарелку клубники. А всего блюд было около шестидесяти, как сказал мне Ффоулкс.

Я обрадовалась клубнике, это было необычно для середины февраля. Я взяла себе немного, а еще сметану и несколько устриц, а потом взял ложку. Я не могла дождаться, когда попробую это. Я почти ничего не ела сегодня, я была голодна.

Голодна...

Я подумала о детях, которых видела в дороге. Вот кто голодал. Я опустила ложку.

— Ешьте, миледи, ешьте! — лорд Ффоулкс был рядом, но кричал, чтобы его было слышно. — Не скромничайте. Запасов хватит на две такие толпы.

Я повысила голос в ответ.

— Лорд Ффоулкс, откуда эта еда?

— Откуда? Не морочьте этим милую головку, Певчая. Ешьте и наслаждайтесь, — он попытался добавить мне клубнику на тарелку.

Я вскинула руку.

— Нет, спасибо, — милую головку? Он думал, это меня порадует?

Видимо, да. Он обиженно вытер салфеткой рот.

— Может, вы не ощутили дух события, миледи. Банкет — это праздник.

— Не уверена, что можно праздновать, — сказала я, но лорд Ффоулкс уже повернулся к Сивилле. Габриэль склонился ко мне и сказал:

— Хотите знать, откуда еда?

— Да, — я склонилась к нему, надеясь, что он ответит мне. — Еды много, она разная. Из Англии? Или ее закупают?

— Я сам не знаю. Но спрошу у Рэкхема. Он знает. Он все знает, — он осушил бокал. — Рэкхем в каждой бочке затычка, — он издал смешок, глядя вдаль.

Я проследила за его взглядом и увидела Рэкхема справа от короля, он выглядел как полубог в сиянии свеч. На его тарелке были все деликатесы, он резал оленину. Он точно не думал о голодающих за стенами дворца.

С ножом в воздухе Рэкхем поднял голову и прищурился, поймав мой взгляд. Враждебность на его лице прогнала остатки моего аппетита.

Я отодвинула тарелку.

— Он — чудовище, — сказал Габриэль мне на ухо.

Я была потрясена его ядом и тем, как наши чувства совпадали.

— Говорят, его отец еще хуже, — продолжил Габриэль. — Но в это сложно поверить. Хотя он говорит, что он ломает всех, кто перечит ему, даже своего сына. Он чуть не убил Рэкхема как-то раз, — он добавил мстительно. — Я бы хотел это увидеть.

Я не знала, как ответить, и сказала:

— Вы хорошо знаете семью?

— Знаю ли? Да, — сказал Габриэль. — Я подопечный Рэкхема.

Он уже не был веселым, а выглядел напряженным. Я осторожно задала вопрос:

— А что это значит?

— Когда мой отец умер в прошлом году, придворные назначили Рэкхема моим опекуном, и у него все состояние, что я унаследую. За плату.

Я была достаточно долго при дворе, чтобы слышать о таком.

— Он подкупил их?

— Конечно, — Габриэль скользнул ножом по тарелке. — Так все и делают. Опека им выгодна, ведь можно зарабатывать на землях, пока подопечный не повзрослеет. Вряд ли что-то останется от моего наследия, когда мне исполнится двадцать один.

Конечно, он хотел философский камень. И я с тревогой задумалась, не хотел ли он жениться на мне ради решения проблем с деньгами?

Словно ощутив мои чувства, Габриэль лениво улыбнулся.

— Почему мы говорим о таком мраке? — он склонился ближе. — Поговорим о вас.

— Я бы лучше послушала о Рэкхеме, — сказала я. — Что он сделал с вашими деньгами? Вы знаете?

— Сделал себя богаче, — Габриэль осушил еще один бока вина и налил себе еще. Карие глаза его были рассеянными, он прошептал мне. — Он правит пограничными землями как король. Но он не король. Нет. Пока что.

Я удивленно ответила:

— Пока что?

— У него огромные амбиции, — тихо сказал Габриэль, глядя на Рэкхема зло и со страхом. — Но он третий в очереди на трон, перед ним два кузена Генриха. И его положение ухудшится, если у Генриха будут сыновья. Он надеется лишь забрать корону силой.

Хоть я ненавидела Рэкхема, в это верилось плохо.

— Он спас королю жизнь в бою, — возразила я.

— И сделал себя героем, верным человеком короля, силой за троном, — сказал мне на

ухо Габриэль. — Идеальное место для ножа в спину. Он хочет смерти короля, говорю вам. Он это и замышляет.

Я покачала головой, не веря.

— Есть доказательства?

Габриэль стукнул пальцем по бокалу и с опаской огляделся.

— Я не могу об этом говорить. Опасно, — он сделал глоток вина и прошептал. — Но это правда.

Я не успела спросить, король вскочил со своего кресла.

— Помогите! Ради неба, помогите!

Мы все в тревоге встали, король повернулся к человеку слева, а тот упал в тарелку. Я успела понять, что в ужасном состоянии сэра Исаак.

— В чем дело? — воскликнул Габриэль.

— Что-то не так, — сказал лорд Ффолкс.

Но ответил Рэкхем:

— Яд! — проревел он, и в комнате стало тихо.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ВОПРОС ДОВЕРИЯ

— Кто-то отравил главного алхимика, — завопил Рэкхем поверх наших голов. — Ведите шеф-повара.

— Позовите королевского лекаря, — в отличие от Рэкхем король не кричал, но голос его было слышно. — Сэр Исаак еще дышит. Может, его удастся спасти.

Габриэль вскочил со стула.

— Ваше величество, у меня есть познания в медицине...

— И у меня!

— И у меня!

Половина десятка людей собралась возле сэра Исаака и шумно обсуждала, что можно сделать. Рэкхем ушел, криком вызывая повара. В шуме крикнул король:

— Может, нам поможет леди Певчая.

— Конечно, Ваше величество, — я подхватила шелковые юбки и тревожно пошла вперед. Что король ожидал от меня? Он думал, что я могу песней исцелить сэра Исаака?

— Сделайте, что можете, Певчая, — сказал мне король.

Я подошла к сэру Исааку, лежащему в тарелке. Его лицо было красным, рот с тонкими губами — открытым, руки дрожали, как листья в ноябре. Что бы ни сделало это — болезнь, яд — он был в плохом состоянии.

Даже в лучшие времена мне было бы сложно ему помочь, ведь у меня не было ничего для исцеления. А сейчас времена были плохими. Но сэр Исаак мог умирать, и я не могла стоять здесь и ничего не делать.

Конечно, я даже не могла подумать о пении после того, что случилось утром. Но не так опасно было слушать. Я знала, что у всего, даже ядов, если особая музыка, своя Дикая магия. Может, в отчаянии мой слух обострится, и я уловлю яд и пойму, что это за вид.

Это же сэр Исаак, мой давний союзник. Я должна попытаться.

Я склонилась к его рту и прислушалась. Да, что-то было... но шума было слишком много, чтобы я могла услышать.

— Прошу, — сказала я королю, — вы можете утихомирить их?

— Тишина, — приказал король. — Тишина. Ради Певчей.

Они притихли, и я поняла, что ошиблась. Теперь все смотрели на меня. Люди ждали чудес. Я напрягалась, но слышала только слабый звук, резкий и бессмысленный, словно гремели булавки.

Я выпрямилась и повернулась к королю.

— Боюсь, магия этого не исцелит, Ваше величество. Нужно довериться медицине.

Я увидела на его лице гнев или тревогу? Толпа загудела за мной.

— Вы ведь послали за лекарем, Ваше величество? — сказала я.

— Да. Да, послал...

— Тут, тут я, — королевский лекарь поспешил вперед и посмотрел на меня свысока. — Заклинания не работают, да? Что ж, женщины с мужской работой никогда не справлялись.

Мои щеки пылали от гнева и смущения, но что я могла сказать? Я не справилась.

Оттолкнув меня локтем, королевский лекарь проверил пульс пациента, поднял веки и понюхал дыхание.

— Яд, почти точно. Может, в вине?

— Нет. Он ничего не пил, — сказал король. — И не ел. Он пришел позже и хотел рассказать что-то о шифре Фламея. Я не успел уловить. Много людей вокруг шумело.

Королевский лекарь нахмурился.

— Если его не отравило вино или еда...

Сэр Исаак закашлялся. Я потянулась, чтобы придержать его, пакетик выпал из его плаща, из него выкатились белые шарики.

— Что это? — я подняла наполовину пустой пакетик.

— Мятные конфеты, — сказал Габриэль. — У него в комнате их много.

— Дайте мне, — королевский лекарь выхватил у меня пакетик. Он разломил зубами конфетку, понюхал и попробовал ее. — Опасная доза белладонны, — сообщил он. — И, может, что-то еще. Странно, что сэр Исаак не уловил.

— Он не ощущает вкус, — сказала я, вспомнив разговор в сокровищнице.

— Да, — согласился Пенебригг. — К сожалению.

Король очень тихо спросил у королевского лекаря:

— Он умрет?

— Не могу сейчас сказать, — королевский лекарь прижал большой палец к запястью сэра Исаака. — Я постараюсь спасти его. Я могу попробовать противоядия и слабительное. Эффекты видно не будет, но они могут помочь. Хотя сначала его нужно унести в другую комнату... с камином и кроватью.

— Конечно, — сказал король. Габриэль и остальные снова поспешили предложить свои услуги. Король и лекарь шли первыми, а они вынесли сэра Исаака из комнаты.

Они ушли, а на банкете воцарился хаос. Хотя яд был в конфетах, многие перестали есть. Они хотели уйти. При этом, уходя, они только и обсуждали отравление, и что оно предвещало. Вокруг меня расходились сплетни.

— Вы выдели его лицо? Белое, как мука. Он не выживет.

— Кто-то пытается помешать ему делать философский камень, это точно.

— Яд — женские штучки.

— Бог мстит за высокую цель.

— Нет, нет. Он делает работу бога, не видите? Пытается спасти королевство.

Я огляделась, пытаюсь понять, кто и что говорил.

Кулак обхватил мою руку.

— Певчая, — Рэкхем притянул меня ближе. — Ты идешь со мной.

Он отвел меня к дальней нише, где мы оказались одни.

— Ты снова подвела нас, — лицо Рэкхема было красным и злым, он не отпускал меня. — Ты все время подводишь нас. Не нашла тигель. Теперь позволила навредить главному алхимику.

— Я бы никогда не хотела навредить...

— Нет? Но он пострадал. И я тут задумался, Певчая, — его узкие глаза над широкими скулами сузились, он крепче сжал мою руку. — На чьей ты стороне?

— На стороне короля, — сказала я как можно увереннее. — Всегда на стороне короля.

— Докажи, — прорычал Рэкхем. — Найди тигель. Охраняй короля и его алхимиков от вреда, — его ладонь тисками сдавливала мою руку, я боялась, что он сломает кость. — Делай, иначе... я сам разберусь с тобой так, как ты этого заслуживаешь.

Он оттолкнул меня раньше, чем моя рука сломалась.

— Как заслуживаешь, — повторил он. С ладонью на кинжале он ушел.

† † †

Он ушел, а я стояла неподвижно в тени ниши и гладила руку. Страх сжимал меня, но я ощущала и ярость.

Как он посмел трогать меня? Как посмел угрожать? Если бы мои силы были при мне, он бы заплатил...

Рука заболела, напоминая, что месть была лишь фантазией. А в реальности я была семнадцатилетней девушкой, которой чуть не сломали руку, у которой было мало друзей, а магия пропала.

Я могла думать, понять все. Я села на скамейку в нише. Почему Рэкхем так вел себя со мной? Он привык использовать жестокость и даже не замечал этого? Или он знал, что я не могу ответить ему, потому что он подавил мою магию?

Я знала, то он мне враг, но я не была уверена в его последнем поступке. Он словно искренне злился из-за того, что я не помогла королю. Если бы он знал, что у меня нет магии, он бы не поступал так. Или он играл хитрее, чем я могла подумать...

Может, Рэкхем умел обманывать. Тогда Габриэль не зря подозревал его, и тогда Рэкхем в тайне целился на трон.

Как мне защититься от него?

О, если бы моя магия вернулась!

Словно по волшебству, призрачные ноты окружили меня, самая четкая музыка, которую я слышала за эти дни.

Магия? Я вскочила на ноги.

Ноты не успели утихнуть, а я поняла, что это музыкант играл на флейте, обеспечивая банкет музыкой. Я опустилась на скамейку.

Какая глупая ошибка. Как я могла подумать хоть на миг, что флейта была магией? Как меня могли так подвести уши? Как я могла потерять так много за эти дни?

Магия, где ты? Ты мне нужна!

— Люси, ты в порядке? — Сивилла подошла ко мне с тревогой на лице. — Я ждала тебя, но ты не выходила. Кто-то сказал, что с тобой был Рэкхем...

— Да, но он ушел, — и пусть не приходит. — Спасибо, что искала меня.

— Пустяки, — просто сказала она. — Я переживала, — она понизила голос. — Он опасный, Люси. Он тебя не ранил?

Тревога на ее лице помогла мне решиться. Пора отогнать сомнения, что были во мне, и довериться ей, попросить о помощи.

— Сивилла?

— Да? — она посмотрела на меня с тревогой.

— Ты говорила о другой магии, — прошептала я. — Можем ее попробовать?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ УЖАСНЫЕ ОБЪЯТИЯ

Сивилла сказала, в полночь. Я должна была встретиться с ней в полночь в маленькой комнатке недалеко от моей, где я попытаюсь применить новую магию без помех.

Казалось, я вечность ждала, пока Марджери уснет. Я плотнее укуталась в ночную рубашку, желая, чтобы под ней было что-то плотнее нижнего платья. Я ждала в холоде и темноте двадцать минут. Стоило ли сдаться и уйти спать?

Дверь скрипнула. Свеча мелькнула в щели, над ней сияли глаза Сивиллы. Заметив меня, она открыла ее. Ее ночная рубашка была изящнее моей, она закрыла дверь за мной.

— Ох! Прости, что я так долго. Я добавила в чай тети Горинг бромид...

— Что?

— Бромид, — спокойно сказала Сивилла. — Снотворное. Я так делала раньше, особенно после восторгов или сильных огорчений. А она расстроилась из-за новости об отравителе в наших рядах.

Я тоже была напряжена, хотя сэр Исаак должен был выжить. Я слышала перед тем, как уйти спать, что слабительное королевского лекаря сработало. Сэр Исаак был еще слишком слаб, чтобы покинуть кровать или хотя бы сидеть, но он держался. Все надеялись, что он спит и исцеляется при этом.

Сивилла еще говорила о тете:

— У нее была истерика, пока не заработал бромид, а потом она уснула. Но Джоан — другая история. Она хотела шить ночью. Пришлось отправить ее спать, а потом ждать, пока она уснет.

— Я тоже долго ждала, пока Марджери уснет.

— Да, у нее острый слух и зрение. У Джоан тоже, к сожалению. Я боялась разбудить ее, особенно, с этим, — она положила на стол наволочку. — Я обернула все этим, чтобы приглушить звук, но это вряд ли сработало.

Я услышала тихое звяканье, когда она опускала сверток.

Я потянулась к ней.

— Что там?

С кривой улыбкой она отмахнулась.

— Секрет, — я не убрала руку, и она нахмурилась и придвинула сверток к себе. — Серьезно, Люси, смотреть нельзя. Это разрушит твою концентрацию. По одному виду магии за раз, лучше делать так.

Она говорила логично, но мне не нравились секреты и в лучшие времена, а в странной комнате в полночь от той, кому я еще не могла доверять, я принимать их не хотела.

— Ты же не заставишь меня призывать духов или читать по звездам? Мне нужно найти

тигель, — может, не только это. Но поиск помог бы улучшить ситуацию.

— Мы будем применять магию только для поиска, обещаю, — наверное, сомнения остались на моем лице, потому что Сивилла склонилась ко мне. — Клянусь трижды, Люси.

Опять эта детская клятва. Она звучала искренне.

— Хорошо. С чего начнем?

— С этого, — из ткани Сивилла вытащила хрустальный кулон на нити.

Я опустила свечу и взяла кулон.

— Что это?

— Маятник. Таким искали воду, но, если есть дар, им можно найти почти все. Я уже закапывала его в землю и проводила по огню, так что он готов для использования.

Я обвила нитью пальцы.

— Не так, — она переместила нить, чтобы я держала ее между большим и указательным пальцами. — Не сжимай сильно крепко. Немного ослабь, чтобы ощущать вибрации.

— Вибрации?

— Больше похоже на натяжение. Ты ходишь, сосредотачиваешься на предмете, который ищешь, и если ты близко, кулон дергается. А если ты очень близко, он может резко опуститься. Я видела такое во Франции, когда человек искал воду. Оказалось, что он стоял над подземной рекой.

Я обошла комнатку, стараясь не спотыкаться о мебель. Стол было видно, но здесь были стулья и высокий изящный шкаф в конце комнаты.

— Ничего не чувствую.

— Ты думаешь о тигеле?

— Из всех сил. Но ничего не чувствую.

— Может, тигеля просто нет рядом, — сказала Сивилла. — Если бы ты была ближе, кулон сработал бы.

Я опустила руку.

— Я не могу так обойти весь дворец, Сивилла. Не в темноте. Да и днем не смогу.

— Точно. Но не переживай, — она забрала маятник и порылась в свертке. — У меня есть другие виды магии.

— Например?

Она нахмурилась.

— Можно было бы попробовать рамку, но не выйдет. Есть карты, но я не слышала, чтобы Певчие умели их хорошо читать. Да и это не лучший способ поиска. Чтение ладони нам тоже не поможет. Я принесла кое-что еще, — она выудила из свертка сияющий стеклянный шар размером с яблоко. — Возьми это.

Я обхватила его ладонями. Он был красивым, но в чем магия?

— Что он делает?

— Можно гадать с ним, — сказала Сивилла.

— Гадать?

— Видеть. Он дает увидеть будущее, прошлое или другое место. Некоторые так даже шпионят за другими...

Шпионить вот так? Интересно.

— И для поиска он годится, — продолжила Сивилла. — Смотришь в кристалл, просишь показать то, что ты ищешь. И стекло показывает, где это. Если есть дар.

— Понадеемся, что есть, — я покатила шар в ладонях. — Как начать?

Она выдвинула стул из-за стола.

— Сядь. Так будет устойчивее.

Мы сели, она поправила меня руки, чтобы они некрепко обхватывали низ шара, а потом подвинула их к свече. — Яркое быть не должно, но свет нужен, чтобы хоть что-то увидеть, — объяснила она.

Шар был холодным и сиял в мерцающем свете.

— Смотри в его глубины, — сказала Сивилла. — Смотри в его сердце. И когда ты зайдешь глубоко, спроси: «Где тигель?».

Я смотрела на кристалл. Глубоко внутри вспыхивали искорки света. Я смотрела на них, видела яркие созвездия. Яркая точка, похожая на Полярную звезду, созвездие, похожее на Плеяды. Свет мерцал, и я словно смотрела на небо, звезды были среди звезд, сколько я могла видеть.

— Спрашивай, — подсказала Сивилла.

Ее голос сбил меня. Что спрашивать? А, да...

— Где тигель? — голос эхом разнесся по темному ночному небу шара.

— Расслабься и очисти разум, — прошептала Сивилла. — Смотри в шар и дыши, видения придут к тебе.

Очисти разум. Дыши. Жди. Знакомые слова, так я слушала чаропесни. Было странно гадать таким же способом, но это успокаивало, я словно переводила то, что знаю, на другой язык.

Я падала все глубже, как падала в песню, и что-то замерцало в шаре. На миг оно расцвело, красно-золотой круг на темном ночном небе.

Мои пальцы сжались, шар дрогнул в руке. Видение пропало.

— О, — разочарованно сказала я.

— Что такое? — Сивилла не скрывала восторг. — Что ты видела?

Я описала красный круг.

— Верх тигеля, — сказала Сивилла. — Это точно он.

— Возможно, — сомневалась я.

— Сделай еще раз, — попросила Сивилла. — Может, увидишь больше.

Я пыталась, но магия не работала. Я следила за поверхностью стекла, огонь мерцал на нем. Я не видела звезд.

— Но что-то случилось, — сказала Сивилла, забрала у меня шар. — Это хороший знак. У тебя есть в этом способность, просто нужно ее вытянуть.

— Как? — я смотрела на сверток. — У тебя есть другой шар?

— Нет, но есть кое-что подходящее. Может, даже лучше, — она поднялась и вернула шар, а потом вытащила плоскую медную миску. — Не все видят в шаре. Некоторым подходят зеркала, некоторые используют воду.

Вода. Во мне вспыхнула надежда. Эту стихию я понимала. Эта магия приходила ко мне проще всего.

Но это была магия Певчей. Гадание было другим. Вода могла и не помочь мне.

Сивилла вручила мне миску и снова полезла в сверток.

— А где... ах, да, вот, — она обрадовалась и вытащила флакон.

Я посмотрела на него.

— Духи?

— Уже нет, — сказала Сивилла. — Я их закончила на днях и спрятала бутылочку, чтобы

Джоан не выбросила.

Сивилла налила воду в миску, ощущался слабый запах лилий.

— Ох. Я думала, будет больше.

Вода едва покрыла дно миски.

— Это важно? — спросила я.

— Наверное, нет, — сказала Сивилла через миг. — Свет все-таки отразится, есть на что смотреть. Попробуешь?

Она подвинула миску по столу ко мне.

— Это как шар, — сказала она. — Смотришь и спрашиваешь, а потом ждешь ответа.

Я сидела на краю стула и смотрела на воду. Ее набралось в полдюйма глубиной, и через нее я видела рисунок в виде цветка в центре миски.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сивилла снова села рядом со мной.

— Хмм... свет не так падает, да?

Она отодвинула свечу, и я уже видела не миску, а воду. Поверхность манила меня, свет мерцал на ней, а потом что-то позвало из глубины. Вода едва покрывала дно, но я будто опускалась все глубже в холоднее море.

— Спрашивай, — прошептала Сивилла.

— Где тигель? — мой голос звучал размыто, как голос незнакомки.

Что-то, похожее на музыку, зазвенело в голове. Я радостно вдохнула, вода завихрилась. Сама, ничто не двигалось. Она приняла чудовищный облик. В глубинах я видела короля и королеву, сцепившихся в ужасающих объятиях. Их руки впивались в шеи друг друга. Они душили друг друга. Под золотыми коронами с их шей текла кровь.

Их лица посинели, что-то сдавило мою шею, резкая удавка впилась в кожу, выступила кровь. Я не могла дышать, я тонула...

Вода замерцала. Вдруг вода стала водой. Картинок не было. Воздух влился в легкие.

— Люси? Ты в порядке? — Сивилла склонилась ко мне с большими от тревоги глазами. — Ты издавала ужасные звуки.

Я прижала ладонь к горлу. Ни удавки, ни крови. Но это казалось реальным...

— Что случилось? — Сивилла уже паниковала. — Ты что-то видела?

Я не могла забыть видение. Я закрыла глаза, и картинка стала ярче.

— Что там было? — спросила Сивилла.

Может, лучше описать увиденное.

— Король и королева нападали друг на друга, душили...

— Наш король?

— Я не видела лиц, — они напоминали витраж, или короля и королеву на картах.

— Что это значит? — спросила Сивилла.

— Без понятия.

— Но значение должно быть, — она придвинула ко мне миску. — Попробуй. Может, вода покажет что-то еще.

Я пыталась снова и снова, но не удавалось, вода не связывалась со мной. Голова болела. Тело хотело спать.

После получаса безрезультатных попыток я сказала:

— Думаю, пора остановиться.

— Шшш! — Сивилла прижала палец к губам.

Я подумала, что она хочет, чтобы я дальше работала. Но я слышала то же, что и она: крики вдали разносились по коридору за дверью.

— Они ищут нас, — сказала Сивилла.

Я встала.

— Нам лучше спрятаться.

— Нет, — Сивилл схватила сверток, вылила воду из миски в большую вазу у окна. — Мы все уберем и уйдем.

— Уйдем?

— К тем, кто ищет. Лучше выйти, чем быть пойманными здесь, — она сунула миску в сверток и спрятала его в шкаф. — Можно сказать им, что ты слышала звук за дверью и нашла меня, ходящей во сне. И шла за мной, чтобы я не навредила себе.

Неплохо. Я была удивлена, что она так быстро это придумала.

— Идем, Люси, — ее рука была на ручке двери. — Если они найдут нас здесь, найдут вещи. Это будет сложно объяснить.

Крики в коридоре стали громче. Но они не были связаны с нами.

— Король! Король!

Мы с Сивиллой переглянулись. Габриэль выбежал из-за угла и столкнулся с нами.

— Певчая, мисс Дэшвуд, вы слышали? На короля напали!

— Напали? — повторила я. Ужас охватил меня.

— Да, — сказал Габриэль. — Кто-то пытался убить его.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ НАПАДЕНИЕ И ЛОЖЬ

— Кто-то душил короля? — Сивилла была в ужасе, но могла говорить. Мой голос покинул меня, я видела перед глазами, как король и королева душат друг друга.

— На него напали удавкой, судя по виду, — сказал Габриэль. — Повезло, что он жив.

Король выжил. Сивилла была рада, как и я. Она была готова расплакаться.

— Вы уверены? — спросила она. — Вы его видели?

— Да, — Габриэль говорил важнее обычного. — Я проснулся от воя, а когда вышел посмотреть, что не так, увидел, как они тащат короля на носилках. На миг я подумал о худшем, а потом услышал хрип его дыхания. Он уже может сидеть, ему помогают королевский лекарь и Рэкхем. А теперь приказали всех разбудить и допросить.

— Король не знает, кто это сделал? — сказала я.

Габриэль покачал головой.

— Он что-нибудь помнит? — спросила Сивилла.

— Он толком ничего не говорит, горло болит, — сказал Габриэль. — Но он может писать, на него, похоже, напали на обратном пути с поздней встречи с Рэкхемом и Роксбургом. Рэкхем говорит, что встреча состоялась, он получил отчеты, что Боудикка с двумя тысячами последователей идет, как с армией. Он хотел, чтобы король отдал приказ напасть, но король не стал. Он не верит, что женщина может навредить им. После споров король ушел, по словам Рэкхема. А дальше уже описал сам король. Он сказал, что шел в комнату, услышал стук за дверью на восточной стороне замка. И он пошел посмотреть.

— Сам? — удивилась Сивилла. — Он не вызвал никого?

— Нет, — сказал Габриэль. — У него был кинжал. Этого хватало.

Глупо, но кто мог его винить? Его жизнь была утомительным кругом встреч, переговоров и компромиссов, так что идти с кинжалом после спора с Рэкхемом ему явно было приятно.

— Сначала все было хорошо, — продолжал Габриэль, — а потом он увидел в свете свечи, что панель немного отстала. Он нажал на нее, и маленький шкафчик открылся в стене, а там был тигель.

— Тигель! — я была потрясена.

— Да. Он начал звать, но едва успел издать хоть звук, его горло сдавило. Больше он ничего не помнит, страж нашел его позже на полу.

— А тигель?

— Стражи обыскали комнату и нашли шкафчик. Но тигель пропал.

— Но он был там, — сказала я. — Он во дворце.

— И все еще здесь, — сказал Габриэль. — Теперь обыскивают все комнаты.

Пока он говорил, из-за угла вышел Нат. В его глазах вспыхнуло облегчение при виде меня. Он заметил моих спутников и отпрянул.

Я бы пошла за ним, будь я одна, но на виду у остальных не могла. Сивилла и Габриэль стояли лицом ко мне, они не видели его внезапное появление и исчезновение. Я не хотела выдавать его.

Но я не смогла так хорошо скрыть эмоции, как хотела.

— Певчая? — Габриэль странно посмотрел на меня. — Что-то не так?

— Нет, ничего, — я покачала головой и укуталась плотнее в накидку. — Просто не по себе.

— И мне, — поежилась Сивилла. — Сначала сэр Исаак, теперь король. Две попытки убийства за ночь.

— Зацепки есть? — спросила я у Габриэля. — Что-то указывает на злодея?

— Ничего, — сказал Габриэль. — Но у пары человек есть алиби. У Рэкхема и Роксбурга, например. Они клянутся, что были вместе с конца встречи, пока не услышали тревогу от стражи. Вот так.

Он не был убежден, как и я. Но даже если алиби было правдой, Рэкхем мог попросить кого-то из шпионов сделать грязную работу за него...

— Где вы были? — спросила Сивилла у Габриэля.

— Я спал. Хотя свидетелей нет. А вы? — он спросил у Сивиллы. — Я проходил мимо вашей комнаты, ваша служанка кричала, что вы пропали.

Сивилла очаровательно покраснела.

— Я ходила во сне, — сказала она Габриэлю. — Люси следовала за мной. Я не помню сама. Но, боюсь, я так делала и раньше. Это моя плохая привычка, — она покраснела еще сильнее. — Так смущает.

Габриэль не был убежден в правде.

— Вы — лунатик?

Пора мне прикрыть Сивиллу.

— Я проснулась, она была возле моей кровати, — сказала я. — Но не видела меня. И я поняла, что она спит. Когда она пошла, я решила, что лучше пойти за ней.

— Я устроила ей прогулку за последний час, как она мне сказала, — Сивилла была потрясена.

Час? Это нас прикроет, хоть ее служанка и заметила пропажу. Я кивнула, но была

удивлена расчетливости ее лжи. Я не знала, что она так хорошо обманывает.

— Она боялась разбудить меня, — продолжила Сивилла. — Так ведь можно спугнуть жизнь из лунатика, да? Но я проснулась сама.

И тут прибежала тетя Горинг с огромными глазами, в ночной рубашке и мехах.

— Сивилла! Что ты здесь делаешь... и в такой компании? — она надула губы, глядя на Габриэля.

Дело было не в том, что он мог что-то увидеть за ее меховой накидкой. Но ее гневный взгляд давал понять, как неуместно выглядела эта сцена.

Габриэль не смутился.

— Я убеждался, что они в порядке, леди Горинг. Мне пора.

Он ушел, а тетя Горинг обхватила Сивиллу рукой и повела к ближайшей лестнице.

— Идемте со мной, юная леди.

Леди Горинг я была не нужна, и я осталась, думая, был ли Нат все еще неподалеку. Как только они пропали из виду, он вылетел из-за угла и схватил меня за руку.

— Сюда, — прошептал он. Нат вернул меня в комнату, где я гадала. Мы оказались внутри, он закрыл дверь и повернулся ко мне.

— Скажи, что ты делала с Сивиллой Дэшвуд, — его ореховые глаза были гневными и немигающими в свете моей свечи. — И в этот раз правду.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ НОВЫЙ ПЛАН

Нас разделял фут, свеча ярко горела между нами, открывая все. Я не могла врать, даже если бы хотела.

— Что меня выдало?

— Голос звучал слишком сухо. Это на тебя не похоже.

— Думаешь, Габриэль заметил?

— Габриэль? — Нат стиснул зубы. — Почему это тебя тревожит?

Я была удивлена, что это нужно озвучивать.

— Потому что я не доверяю ему.

— О, — Нат смутился. — Нет, вряд ли он заметил. Но ты не ответила. Что ты делала с Сивиллой?

Я рассказала ему все, даже описала ужасное видение.

Когда я закончила, он не говорил.

— Нат?

— Не могу поверить, — медленно сказал он.

— Знаю, звучит невозможно, но я это видела, — слабый запах лилий еще был в воздухе. — Я сидела на этом стуле...

— Я не про видение. Если ты его видела, значит, так и было, — он посмотрел на меня поверх свечи. — Я не могу поверить, что ты доверилась Сивилле. Ты была в ее руках.

— Мне нужна была помощь, Нат.

— Помощь? От нее?

Он тревожился или злился? В тусклом свете было сложно понять, но я начинала злиться, потому что пыталась подавить сомнения насчет Сивиллы.

— Ты не понимаешь, что это. Я словно потеряла себя...

— Нет, — он заговорил мягче. — Что бы ни происходило, ты — это ты, Люси.

— Но страшно лишиться возможности защитить себя. Потому я пошла к Сивилле. Любая магия лучше никакой.

— Я не знаю об этом, — сказал Нат. — Слушай, ты уверена, что только ты колдовала этой ночью?

Я удивленно посмотрела на него.

— О чем ты?

— Сивилла не могла внедрять в твою голову картинки?

— Я... нет. Не могла, — я отмахнулась от этого.

— Она не применяла темную магию?

— У нее нет магии...

Нат покачал головой.

— Ты видела, как душат короля. И в это время чуть не задушили короля Генриха. Мне не нравится это приветствие.

— Я видела, да. Но я ничего не делала.

— Откуда тебе знать?

Я покачала головой, но от его вопросов было не по себе. Я зря доверилась Сивилле?

Он увидел боль на моем лице, потому что его голос снова смягчился.

— Я тебя не виню, Люси. Ты невинна. Но Сивилла могла использовать тебя для своих целей. Может, ты не можешь петь из-за нее. Может, она как-то зачаровала тебя...

— Мы не знаем этого.

— Нет. Но это опасно, ты не видишь?

Я видела. Но мне не нравилось этого признавать.

— Все будет хорошо, Люси, — его голос стал ниже и решительнее. — У меня хорошие новости. Потому я и искал тебя. Я нашел выход отсюда.

Я забыла про Сивиллу.

— Выход?

— Да. Я искал его с твоего появления здесь.

— Ты мне не говорил, — он говорил, что хотел, чтобы я была не здесь, но я не ожидала этого.

— Я не хотел, чтобы ты надеялась раньше времени, — сказал Нат. — Но это правда, Люси. Мы окажемся дальше у Темзы. Все готово: немного еды, денег, маскировка. Можно сделать это ночью. Так даже лучше.

— Сейчас? — я скучала по Норфолку, но внезапность его планов сбивала с толку. Свеча покачнулась в моей руке.

— Время идеально. Все на ногах из-за нападения на короля. Они не скоро начнут всех считать, а мы к тому времени будем в пути... куда-нибудь.

— И куда же?

Голос Ната, уже тихий, стал еще тише.

— В Голландию. Сначала. Там у меня есть друзья, ботаники и инженеры, с которыми я переписываюсь, и кого встречал там, а еще торговцы. Они хорошие, они помогут нам. И я знаю язык, это пригодится.

— Но Голландия. Нат. Это далеко.

— Я не могу вернуть тебя в Норфолк. Там тебя будут искать сразу.

Он был прав, это я теперь поняла. Но я хотела уйти в Норфолк, в свой домик у моря.

Домик, за который я была в долгу перед королем. Я помрачнела. Он мог отобрать это у меня, если я сбегу той же ночью, когда на него напали.

— Можно отправиться на континент, — сказал Нат. — Нам сначала нужно уйти подальше, стряхнуть преследование. Думаю, лучше начать с Голландии.

Он был так решителен, так уверен. И мне было сложно кашлянуть и сказать:

— Нат, я в этом не уверена.

Он испуганно посмотрел на меня.

— В чем не уверена?

— В плане. Не только в Голландии, но и в побеге. Я не уверена, что это логично.

— Все логично, — пылко сказал он.

— Но если мы убежим сейчас, нас будут подозревать в покушении на короля.

— Они будут подозревать нас в любом случае, — сказал Нат. — Особенно тебя. История про лунатика ужасна, но если Сивилла расскажет им правду...

— Не расскажет.

— Может, если на нее надавят. Или если это часть ее плана.

Это было плохо.

— Если мы уйдем, она точно расскажет. Я не смогу защитить себя, а они будут иметь право обвинить меня. Мы будем изгоями, Нат. На нас будут охотиться.

— Я уберегу тебя, — пообещал Нат. — Клянусь. Как только ты будешь снаружи, твоя магия точно вернется.

— А если нет?

— Вернется, — сказал Нат. — Может, не сразу, но через время. И тогда ты сможешь скрываться иначе.

— Возможно, — сказала я с сомнением. — Но я не хочу жить, все время скрываясь. Не осмеливаясь показаться стране, — ко мне пришла еще одна мысль. — И Норри... О, Нат, а Норри? Я не могу ее бросить.

— Она поймет, — сказал Нат, но и в его голосе появилась неуверенность.

— Вряд ли. И не важно, поймет она или нет. Я не хочу идти без нее.

— Она может пойти с нами, — предложил Нат.

Я покачала головой.

— Если мы уйдем, ее будут искать первой. Они не позволят ей покинуть страну.

— Возможно, — отметил Нат. — Но так не будет вечно. Они найдут злодея, и мы сможем вернуться.

— И нас примут? — я не верила ему. Он так хотел сбежать, но отгонял все проблемы, что могли возникнуть. — Если мы уйдем, мы оставим их в ужасном положении. Мы слушаемся короля. Если они не успеют найти тигель, они обвинят нас. Рэкхем заявит, что мы — предатели.

— Мы справимся, — сказал Нат. — Влияние Рэкхема не будет вечным, как и безумие с алхимией. Важно выбраться живыми, — его глаза горели в сиянии свечи. — Кто-то во дворце пытался убить этой ночью. Могли попытаться убить тебя, — его голос становился отчаяннее. — Я должен увести тебя в безопасность, Люси.

Его слова задевали душу, и я знала, что за ними лежит любовь. Но я не могла следовать плану, который сделает нас изгоями на всю жизнь. Оставит Норри одну в старости. И хоть Нат был уверен, мы могли даже не попасть на континент.

Я поставила свечу на стол, выигрывая время, чтобы найти правильные слова. Но что

говорить, кроме правды?

— Я не могу, Нат. Я не могу убежать.

— Люси... — он протянул руку.

Я хотела обхватить ее, ощутить его сильные пальцы. Но вместо этого я сцепила их за спиной.

— Прощу, Нат. Не проси этого. Я не могу уйти.

Он опустил руку. Я ощутила, как переменялась атмосфера.

— Ты не врешь, — сказал он. — Ты не уйдешь.

— Не могу.

— Ты лучше останешься, чем уйдешь со мной.

Мне показалось, или на «мной» было ударение?

— Нат, в другом случае я бы пошла с тобой...

— Но ты не пойдешь, — его взгляд был напряженным, лицо бледным. — Хотя тут убийца. Хотя Совет пытается выдать тебя за кого-то. Ты лучше будешь с этим, а не убежишь со мной, — вспышка боли появилась на его лице. — Это показывает мне мое место.

— Все не так, — сказала я. — Ты это знаешь.

Он уже шагнул к двери.

В этот раз я протянула руку.

— Нат!

Он ушел без оглядки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ ИСТИННАЯ ПЕВЧАЯ

Нат ушел, а я не шевелилась. Я не ожидала этого, ни предложения Ната, ни ссоры, ни боли в его глазах, когда я отказалась.

Можно ли было объяснить ему, что я отказалась от его плана, а не от него? Может, нет, но мне нужно было попытаться. Я выбежала из комнаты и остановилась. Куда он ушел?

— Миледи! — Марджери набросилась на меня. — Где вы были? Вы должны идти. Вас хотят видеть.

В ее глазах был гнев... или страх?

С колотящимся сердцем я спросила:

— Кто?

— Граф Рэкхем, миледи, и Совет. Они приказали стражам привести вас в Восточную башню для допроса.

Я застыла. Рэкхем хотел меня допросить? Восточная башня, наверное, была защищена сильнее? Это было плохой новостью.

Глаза Марджери сузились, она посмотрела на мою ночную рубашку.

— Но так вам идти нельзя.

Я не могла поверить. В такой ужасный миг она думала об одежде.

Я не успела ответить, стражи выбежали из соседней комнаты.

— Вот она!

И все. Ната я найти не могла. Я могла лишь встретиться с Рэкхемом и Советом, стараясь изображать уверенность. А разве не об этом я говорила Нату, что я должна остаться и доказать свою верность?

Проще сказать, чем сделать.

Глубоко вдохнув, чтобы успокоиться, я вскинула руку, стражи подошли. Они остановились и посмотрели на меня. Боялись, что я околую их? Если бы я могла...

Я попыталась скрыть отсутствие магии.

— Я иду в Восточную башню, — сказала я. — Сопроводите меня?

Стражи теперь относились ко мне с большим уважением, это было маленькой победой. Они даже позволили остановиться в моей комнате. Там Марджери скрыла мою ночную рубашку бархатным плащом, что сшили для меня днем портнихи.

Может, все было проще. Если я буду смелой, буду храбро говорить, буду настоящей Певчей... все будет в порядке.

Моя уверенность испарилась у Восточной башни. За толстыми дверями я услышала высокий голос Сивиллы.

Что они с ней делали? И что она им рассказывала?

Я с трудом держала голову высоко, стражи сгрудились за мной. Передо мной другие стражи открыли двери башни.

Король, казалось, слишком пострадал, чтобы быть на Совете. Вместо этого сидел Рэкхем. Хотя он не сидел на троне, а стоял на возвышении перед ним. Его лицо было полно гнева. Небольшая группа членов Совета собралась перед ним, и я смогла лишь узнать золотые кудри Сивиллы в центре.

— Певчая, — Рэкхем практически выплюнул слово, когда меня впустили.

Члены Совета обернулись, я увидела, что почти все здесь союзники Рэкхема. Габриэль тоже был, наверное, как свидетель, но Пеннебригга и сэра Сэмюэля не было. Они были с сэром Исааком?

— Милорды и джентльмены, — я поприветствовала их по правилам, стояла прямо в бархатном плаще. Марджери не зря переживала за одежду. Даже посреди ночи Рэкхем был одет как всегда вычурно, как и остальные члены Совета. Я бы не хотела быть перед ними в ночной рубашке, как Сивилла.

Члены Совета расступились и впустили меня в свой круг. Я смогла увидеть ее: кудри обвисли, ночная рубашка была смята, страх был написан на ее лице. Она смотрела на меня, словно тонула, и я была веткой, что могла спасти ее.

Я хотела помочь. Но при этом в голове гремел вопрос Ната: не могла ли Сивилла вложить мне в голову картинки?

Рэкхем поманил меня вперед.

— На нашего короля напали посреди ночи. Что можете сказать?

— Как он?

— Выздоровеет, но вопрос не о том, — Рэкхем не кричал, но я слышала его гнев. — Где вы были, когда напали на короля?

Осторожно.

— Я не знаю, когда на него напали, милорд. Если бы вы сказали...

— Немного за полночь или незадолго до этого, по словам короля. Насколько я слышал, вы с лордом Габриэлем и мисс Дэшвуд не спали в это время.

Что рассказала им Сивилла? Правду или ложь? Нужно рассказывать осторожно и далеко не все.

— Да, милорд. Так и было.

— И что вы делали?

Я изобразила удивление.

— Мисс Дэшвуд вам не рассказала?

Рэкхем смотрел на меня свысока.

— Она многое не объяснила. И я бы хотел услышать все от вас.

Я была загнана в угол. Что рассказать?

За мной засуетились.

— Мисс Дэшвуд упала в обморок! — крикнул кто-то.

Я оглянулась, Сивилла поднималась с пола, выглядя слабо. Она поймала на миг мой взгляд, а потом склонила голову Рэкхему.

— Прошу прощения, милорд. Закружилась голова, ноги перестали держать. Больше этого не будет.

Перестали держать? Я повернулась к Рэкхему.

— Мисс Дэшвуд пришла в мою комнату, милорд. Она вела себя странно, и я поняла, что она ходит во сне...

Я рассказывала просто, боясь, что, если приукрашу, попаду в беду.

— Своеобразная история, — холодно сказал Рэкхем, когда я закончила. — И вы никого не видели? Ничего не слышали?

— Ничего, милорд.

— И ничего не делали?

Комната притихла. Я расправила плечи.

— О чем вы?

— Я сказал ясно. Пока вы ходили ночью, на нашего короля напали.

— Я бы никогда не навредила королю, — я слышала, что мой голос стал выше. Я подавила его и подняла голову. — Как вы посмели даже подумать о таком?

Холодные глаза Рэкхема пристало смотрели на меня. Никто не говорил, даже Габриэль. Рэкхем сказал им, что все уже им решено? Они не осмеливались ему перечить? Или все было еще хуже — они сомневались в моей верности?

Я обратилась к ним.

— Милорды, джентльмены, это бред. Зачем мне нападать на короля? Вспомните, прошу, что это я вернула ему королевство почти год назад, — не было времени скромничать, мне нужно было отбиваться всеми силами.

— Да, — согласился лорд Роксбург, в его глазах была злоба. — И смотрите, что потом случилось. Страна трещит по швам. Люди бунтуют.

Он меня в этом винил?

— Милорд, магия не может исправить всего.

Глаза Рэкхема вспыхнули.

— Конечно, если ее использует враг короны.

Враг короны? Меня удушило потрясение, а потом охватил страх при виде его лица. Он был серьезен.

— Милорды, не нужно так жестоко, — защитил меня Габриэль. Я повернулась к нему, стараясь не показывать, как рада его поддержке.

Габриэль раскинул руки, обращаясь ко всему Совету.

— Певчая говорила о невиновности. Мы не можем дать ей шанс доказать верность? — он посмотрел на меня, словно пытаясь сказать, что поможет всем, чем сможет. — Знаю, вы не смогли найти вора, когда прибыли, Певчая, но тогда преступлению уже было несколько

дней. Может сейчас, пока след свежий, можно сделать больше, — он повернулся к Рэкхему. — Мы должны дать ей попробовать.

Мой желудок сжался. Габриэль заступился, но к чему это привело? Теперь я была в большей опасности, и Рэкхем уже кивал.

— Да, — сказал он. — Отличная проверка.

— Милорд... — начала я.

Рэкхем прервал меня.

— Хватит слов, Певчая. Только дела, — его глаза блестели, твердые, как бриллианты и камни в его кольцах. — Ты используешь свою магию здесь и сейчас, чтобы найти того, кто покушался на короля. Иначе ты станешь предательницей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ ИЗ ВОЗДУХА

Сглотнув, я едва смогла сказать:

— Вы хотите, чтобы я колдовала? Сейчас?

— Да, — лицо Рэкхема словно вырезали из камня. Он ощутил мой страх?

Мысли путались, я пыталась найти способ уйти от этого.

— Милорд, посреди ночи...

— Хотите сказать, что не колдуете по ночам? — удивился лорд Роксбург.

Даже Сивилла была удивлена.

Я покраснела.

— Нет, я не о том. Просто... — что я могла сказать? Ничего о гадании, это точно. Они хотели пения. Остальное им не подходило, остальное подняло бы вопросы, на которые я не хотела отвечать. И сила гадания пугала меня, ведь я не знала, откуда она приходила и что могла сделать.

— Ради бога, Певчая! — прокричал Рэкхем. — Я так и знал. Ты не будешь колдовать ни для нас, ни для короля. Даже если от этого зависит твоя жизнь.

Моя жизнь? Он серьезно? Я посмотрела на него и увидела холод в его глазах. Да, он не шутил.

Я в панике сказала:

— Милорд, прошу, поймите, что магия — не просто просьба и ее выполнение.

— Мне она кажется именно такой, — сказал Рэкхем. — Если ценишь жизнь, найди для нас убийцу. Сейчас.

Страх сдавил мое горло. Крестная была права. На нас охотились, мы были добычей. Я была окружена теми, кто ненавидел меня, кто убил бы без жалости, увидев мою слабость.

Даже если я признаюсь, что у меня нет магии, они не поверят. Они скажут, что я вру, что это показывает, что я — предательница. Я попала в ловушку. Мне придется петь, придется колдовать...

Будь смелой, храброй, истинной Певчей...

В тумане паники в голове начал формироваться план. Он был опасным. Но риск — лучше, чем ничего.

Мой плащ зашелестел, когда я развернулась.

— Хорошо. Я спою для вас, — сказала я. — Но нам нужно быть в комнате, где напали на короля. Если и колдовать, то там.

† † †

Рэкхем приказал мне идти перед ним.

— Ради твоей безопасности, Певчая, — сказал он, но я словно шла с кинжалом у спины.

Факелы озаряли путь, мы шли из Восточной башни все вместе. Никто не хотел упустить такой шанс. Может, они надеялись увидеть мое поражение? Даже Сивилла пошла с нами, хотя Рэкхем не собирался ее брать.

Сначала я не узнавала путь, по которому мы шли, но, когда остановились, я поняла, что мы недалеко от комнаты, где было убежище Ната. Панели на стенах блестели, как натертый черный камень в свете пылающих факелов.

Комната была небольшой, но для меня казалась еще меньше, когда все вошли в нее. Они устроились, а я разглядывала стены, окна и пол, пытаюсь найти подсказки, которые можно было использовать в «магии». Работать было почти не с чем.

— Итак, Певчая, — Рэкхем и здесь возвышался надо мной. — Мы здесь. Доказывай верность.

— Так и будет, — сказала я, изображая уверенность, которой не было. — Но сначала я напомним, что у магии есть пределы. Как бы нам ни хотелось, тигель из воздуха я достать не смогу. Как и не могу подать вам убийцу на тарелочке.

Недовольный шепот пробежал по толпе.

Я повысила голос.

— Но, возможно, моя магия позволит узнать, что тут случилось. Это произошло недавно, борьба была сильной, так что след должен был остаться в этом месте. Я постараюсь раскрыть магией все, что смогу. Это может привести к злодею.

Тишина в этот раз приободряла.

Я использовала шанс и отошла от Рэкхема, махнула всем.

— Дайте мне место и тишину.

Они послушались, даже Рэкхем, и я ощутила слабую вспышку удовольствия.

А теперь самое сложное. Нужно петь.

Я не хотела закрывать глаза. Рэкхем стоял близко с рукой на кинжале, и я не могла этого вынести. Но я знала, что должна, чтобы услышать хоть какую-то музыку в комнате, ведь я надеялась, что чудо произойдет, что моя магия вернется вовремя и спасет меня.

Я долго и напряженно слушала. Каждый раз хотелось открыть глаза, но я слышала обрывок хаоса, такой призрачный, что мне могло показаться. Я преследовала их, но без толку.

С закрытыми глазами я слышала вздохи и шорох шагов. Люди теряли терпение.

Мое сердце колотилось. Я должна что-то спеть, если не магию, то хотя бы что-то похожее. С чего начать? Раньше песня сама говорила мне, откуда начинать. Теперь в воздухе были лишь едва заметные ноты, и я не осмеливалась их трогать. Случай с песней тумана напоминал мне, что Дикая магия не зря получила свое имя, эта безумная энергия могла уничтожить все на своем пути, даже меня.

Я начала вспоминать трели и упражнения, которые меня заставляла учить крестная в прошлом году. Они не были магией, они просто давали мне накопить силу и учили технике. Я ненавидела их тогда. Теперь я могла соединить их и сделать вид, что это — песня Певчей.

Эта мелодия не имела силы истинной чаропесни или ее красоты, сложности, пока я пела ее, страхи росли. Увидит ли это Рэкхем? Поймет ли Совет, что магии уже нет? Смогу ли я обмануть их?

Ноты застряли в горле. Я прервала песню и открыла глаза.

Все смотрели на меня со страхом и потрясением. Даже Сивилла смотрела огромными глазами.

— Комната не выдает секреты, — сказала я. — Но кое-что я выведала, — я подошла к стене, плащ шелестел за мной, и я прижала ладонь к месту, которое заметила раньше, где немного выступала панель. К моей радости, панель открылась и показала шкафчик в стене. — Это случилось здесь.

Некоторые были впечатлены, но не Рэкхем и его союзники.

— Это и вся магия? — оскалился лорд Рэкхем. — Это мы уже знали.

— А это вы знали? — я глубоко вдохнула. — Напал тот, кто и украл тигель, — я догадывалась, но это было логично. — И он... или она... действовали по велению кого-то еще.

— Кого-то еще? — Рэкхем удивился. — Кого?

— Не могу сказать, магия не так точна, но я могу вам лишь сказать, что замешана королева, которая хочет навредить королю.

Это был логичный вариант описания картинку, которую я видела в воде. Хватит ли этого?

— Какая королева? — крикнул кто-то.

— Я не знаю... — начала я.

Разразился хаос.

— Королева Франции! — кричал кто-то. — Она снова замышляет зло с шотландцами и подослала шпиона ко двору.

— А если это королева Испании? — возразил другой. — Они всегда были против нас.

— Скорее всего, это королева Марианна, — согласился кто-то еще. — Она хочет себе философский камень, чтобы исцелить больного сына.

— А Кристина из Швеции? — предположил лорд Роксбург. — Она верна алхимии, все мы знаем это. И сокровища их почти так же обеднели, как у нас.

— Королева Кристина? — Габриэль покачал головой. — Нет. Она всегда была другом короля.

Лорд Роксбург посмотрел на него глазами-бусинками.

— Как быстро вы ее защитили, лорд Габриэль. И вы долго были при ее дворе. Четыре года, вроде?

— И что с того? — Габриэль растерялся. Остальные повернулись к нему с задумчивым видом, и он пылко добавил. — Я учился у алхимиков при дворе королевы Кристины, да. Но это не делает меня ее шпионом. Я — человек короля, клянусь.

Габриэль — предатель, работающий на королеву Швеции? Это скрывалось за картинкой, что я видела?

Другие так и думали. Рэкхем повернулся к Габриэлю, словно был готов повалить его на землю.

— Это предатель, Певчая? — спросил он.

— Не знаю, — хоть у меня были подозрения, но я не была готова обвинить Габриэля вот так. — Магия не дала мне имя.

Рядом с лордом Роксбургом заговорил тот, кто сидел со мной за ужином, лорд Ффолкс.

— Это могла быть девушка.

Я подумала, что он обо мне, но он указал на Сивиллу.

— Она из Франции, да? Она может работать на королеву Франции.

Сивилла вскрикнула.

— Нет. Клянусь. Я никогда не видела королеву.

— Мисс Дэшвуд ходила во сне, когда на короля напали, — отметил лорд Роксбург. —

Так говорит Певчая, — он посмотрел на меня.

— Да, — я не могла отказаться от этой лжи, я глубоко застряла. Но подозрения Ффолкс вторили моим сомнениям. Она могла быть французской шпионкой.

Остальные смотрели на Габриэля.

— Не смотрите на меня так, — рявкнул он, его улыбка пропала. — Не меня вы ищите.

— А кого? — осведомился лорд Роксбург.

— Это мог быть кто угодно, — отметил Габриэль, его глаза были почти черными в свете факела. — Один из вас. Или никто из нас. Это мог быть слуга...

— Иностранная королева выбрала английского слугу своим агентом? — спросил лорд Роксбург. — Это вряд ли.

— Они могли скрываться, — возразил Габриэль. Он замер, словно в его голову пришла мысль. — Или Певчая видела не иностранную королеву. Может, это была Боудикка. Я слышал, что некоторые зовут ее народной королевой.

Боудикка? Судя по выражениям лиц вокруг меня, не только я была удивлена этому.

— Такое возможно, Певчая? — спросил Рэкхем.

Я подумала об увиденной картинке. Я не знала ту женщину, так почему решила, что это королева? На ее голове была золотая диадема, да, но это не означало, что она — королева по крови. Она могла быть самопровозглашенной королевой, как Боудиккой.

— Такое возможно, да.

Напряженная тишина повисла в комнате.

Рэкхем смотрел на Габриэля, а потом на меня.

— Этого мало, Певчая. Нам нужно знать больше.

Желудок сжался. Я не могла больше ничего предложить.

— Это все, что я видела, милорд.

— Спой еще раз.

— Милорд, не думаю...

— Я не прошу думать! — прокричал он. — Ты споешь для нас, ясно? Будешь петь, пока не сорвешь голос, если это поможет найти предателя.

Паника лишила меня дыхания. Он хотел невозможного, хотел сломать меня. И в этот раз выхода не было. Заставив меня «колдовать» один раз, он будет делать так снова и снова, пока не раскроется вся правда. И я стану лживой Певчей, у которой не было сил.

Что тогда со мной сделает Рэкхем?

— Милорд граф! — страж вошел в комнату.

— Не сейчас, — прорычал Рэкхем, едва взглянув на него.

Он не отступил.

— Простите, милорд, но вы просили найти Натаниэля Уолбрука.

Я была рада перерыву, но теперь напряглась. Рэкхем отсылал стражей за Натом?

Бледные глаза Рэкхема отвернулись от меня. Теперь он смотрел на стража.

— Вы нашли его? — спросил Рэкхем.

— Нет... Не совсем, милорд. У нас есть свидетель, лакей, сказавший, что он пошел сюда. Это было немного раньше, но мы пошли сюда. Я бы приказал своим людям обыскать

комнаты. Включая эту, с вашего позволения.

— Что здесь искать? — раздражено спросил Рэкхем. — Если бы тут был Уолбрук, мы бы увидели.

Страж был потрясен.

— Или... — Рэкхем прищурил глаза и посмотрел на шкафчик, где король нашел тигель. — Или в этой части дворца есть другие скрытые места, где можно спрятаться человеку. Да, этот шанс возможен. Прикажите своим людям простучать все стены!

— Мы поможем, — крикнул Габриэль. И половина Совета принялась стучать по стенам. Через минуту по приказу стража стук начался в соседней комнате. Казалось, сюда спустилась армия плотников.

Тайная комната Ната. Они найдут ее. А если он там?

Конечно, он мог быть в другом месте. Но если он убегал сюда...

— Милорд, мы что-то нашли! — позвал из соседней комнаты страж.

Мы вбежали туда, несколько стражей столпились у места, где была скрыта комната Ната.

— Тут пусто, — сказал один из них. А если посмотреть на соседнюю комнату, видно, что стены странно стыкуются.

— Тогда чего вы ждете? — проревел Рэкхем. — Выбейте стену.

Стражи спешили выполнить приказ. Две пики врезались в стену. Панель сломалась, открывая темное убежище Ната.

— Свет! — крикнул Рэкхем. — Несите факелы!

Только бы Ната там не было.

Но я увидела его, когда принесли огонь. Он прятался у дальней стены, его дикие глаза смотрели на меня.

Рядом с ним в свете факела сиял красно-золотым тигель.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ С ПОЛИЧНЫМ

Стражи перекрыли Нату путь к отступлению, закрыли его от меня.

— Я не воровал его! — возразил он. — Он был здесь, когда я пришел.

— Арестуйте его! — приказал Рэкхем.

— Нет! — крикнула я. — Он этого не делал.

Никто меня не слышал. Стражи, лорды, джентльмены толкались и желали крови Ната.

— Хватайте предателя!

— Повесить его!

— Эй, ты... принесите веревку!

Веревку? Ох, они же не хотели повесить его здесь? Только связать...

Нужно как-то спасти его. Но что я могу без магии?

В отчаянии я толкала спины мужчин перед собой. Они не двигались. Я даже не видела его. Они убьют его за предательство, а я даже не могу видеть происходящего.

— Они схватили его! — крикнул кто-то.

Люди передо мной засуетились, я увидела в брешь Ната. Два стража держали его и вели к двери. Она не успела дойти до порога, а он споткнулся. Кровь на его щеке сверкнула в свете факела.

— Нат! — крикнула я. Что они с ним сделали?

Он не понимался. Стражи склонились над ним.

Быстрый, как заяц, он вскочил и сбил стражей. Уклонившись от их рук, он побежал.

— Остановите его! — закричал Рэкхем. Но стражи еще вставали на ноги. Остальные бросились, но споткнулись о них, закрыв остальным проход. Когда они смогли распутаться, Ната уже не было видно. — Найдите его! — крикнул Рэкхем.

Стражи убежали, Рэкхем повернулся ко мне с тигелем в руке. Его свободная рука опустилась на мое плечо.

— Ты. Идешь со мной, — он повернулся к стражу. — Сообщи солдатам снаружи. Пусть следят, чтобы предатель не выбежал во дворы или к реке...

— Да, милорд.

— И созови весь Совет в Алую комнату. Приведи туда под стражей Пенебригга. Не хочу, чтобы он ускользнул, — он крепче сжал мое плечо. — Мы с Певчей там вас встретим.

† † †

Не знаю, что стражи сказали членам Совета, но они действовали быстро. За четверть часа почти все собрались в Алой комнате, включая Пенебригга. Очки сидели криво, шляпы не было, его ввели в комнату два стража, теперь они стояли за его стулом. Я была слишком далеко, чтобы что-то ему сказать. Я не смела даже смотреть ему в глаза, ведь за мной следил Рэкхем.

Шум начался, когда прибыл сэр Исаак.

— Не стоило приходить, друг. Не в вашем состоянии.

Сэр Исаак схватился за руку сэра Самюэля для поддержки.

— Плевать на состояние. Рэкхем, это правда? Тигель найден?

— Да, — сказал Рэкхем. — Клянусь, он будет окружен стражами с этого момента, пока вы не закончите работу.

— Но где он?

Рэкхем поманил отряд мужчин, стоявших в углу.

— Покажите тигель сэру Исааку.

Они обошли стол, неся сундук. Когда они открыли его перед сэром Исааком, тот чуть не упал в обморок.

— Это тигель. Точно. Слава богу, — он коснулся гладкой стороны, его голос дрожал. — Где вы его нашли?

Рэкхем описал случившееся. Те, кто не видел этого — сэр Исаак, сэр Самюэль и Пенебригг — были потрясены.

— Поверить не могу, — сказал сэр Исаак. — Нату не нравилась алхимия, но поступать вот так...

— Он бы не стал, — качал головой Пенебригг. — Я вырастил его, я знаю его. Он не убийца. И не стал бы воровать тигель.

Сэр Самюэль разрывался.

— Но доказательства же есть? Его поймали с поличным...

— Он этого не делал! — я должна была сказать, даже если боялась реакции Рэкхема. — Доктор Пенебригг прав. Мы его знаем, он бы так не поступил.

— Бред, — сказал лорд Роксбург. — Его нашли с тигелем. Мы все это видели. И все знают, что он был против алхимии.

— И он вам это говорил, — сказала я. — Настоящий вор не был бы так открыт. Нат

невиновен. Это точно.

— Он виновен как Иуда, Певчая, — Рэкхем ударил по столу. — Ты его видела с тигелем.

— Его могли подбросить, — сказал Пенебригг.

Рэкхем отмахнулся.

— Как, если никто не знал о существовании комнаты?

— А королева? — я пыталась защитить Ната. — Магия говорила, что вовлечена королева.

— А кто сказал, что это не так? — сказал лорд Роксбург. — Может, он работает на иностранную королеву или Боудикку. Скорее, на Боудикку. Мы знаем, что он сам из низов.

— Его кровь тут ни при чем! — я встала со стула в ярости. — Он не работает на королеву. Иначе я бы знала...

— Да, Певчая? И откуда же? — Рэкхем склонился, в его глазах был гнев. — Ты виделась с ним в тайне?

Я открыла рот, но слов не было.

— О боже! — Рэкхем злился, его щеки покраснели, губы скривились. — Пойми, Певчая, больше ты его не увидишь. Только если захочешь посмотреть, как его убивают как предателя. Мы его точно схватим. Мы его найдем и накажем. И ты увидишь его голову на копье на Лондонском мосте.

— Нет, — я не буду слушать, не хочу представлять это. — Нет.

— Ты будешь там, потому что я так скажу, — кулак Рэкхема снова ударил по столу. — Женщины в моем доме не могут ослушиваться меня.

В горле пересохло. Я ослышалась. Я не так поняла.

— Женщины... в вашем доме? — повторила я.

— Тебе еще не сказали? — Рэкхем склонился ко мне, дыхание обожгло мою щеку, его глаза пылали злобой. — Совет пришел к согласию насчет твоего брака. Ты станешь моей женой.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ ФОКУСЫ

Я потрясенно смотрела на Рэкхема.

— Не помню такого решения Совета, — возразил Пенебригг.

— Внутренний совет все решил этой ночью, — сказал Рэкхем, глядя на меня. — Мы договорились, в опасные времена Певчей нужна защита и уверенность человека моих лет и положения.

Стояла тишина.

Так это правда. Меня выдавали за Рэкхема. Ужас охватил меня целиком.

— Я вам даже не нравлюсь, — прошептала я, глядя на его идеальное ненавистное лицо.

— Это тут ни при чем, — холодно сказал он. — Я думал отдать тебя своему сыну, но нам пришлось поспешить с решением. Королевству нужны Певчие, уважающие власть, а именно такими и будут наши дочери.

Наши дочери? Меня тошнило.

— Вы не можете сделать этого, — сказала я.

— Могу и сделаю. И я не дам тебе ослушаться, — кулаки Рэкхема сжались, он указал мужчинам у двери. — Стражи, боюсь, Певчей плохо. Отведите ее в комнату и следите за ней.

† † †

Стражи доставили меня в комнаты, где меня ждала Марджери. Они хотели войти, но она указала на дверь.

— Мужчинам не стоит быть здесь, когда леди Певчая будет отдыхать. Можете занять пост снаружи. А здесь присмотрю я.

Стражи переглянулись и послушались. Из-за ее властной манеры, или потому что знали, что она — шпионка Рэкхема?

Какая теперь разница? Я утомленно села перед огнем. Как жена Рэкхема я буду все время окружена шпионами.

Жена Рэкхема. Такое возможно? Я устала и все еще боялась за Ната, огонь расплывался перед болящими глазами.

— Нельзя спать у огня, миледи, — сказала Марджери.

— Вы знали? — вяло спросила я.

— Что знала, миледи?

— Что меня выдают за Рэкхема.

— Миледи! — потрясение казалось искренним. — Конечно, нет...

— Он сам мне сказал. При Совете. Сомнений нет, — мой голос, несмотря на усилия дрожал.

— О, миледи, — она молчала какое-то время, а потом сказала. — Он хотел себе другую жену, но я не думала, что это будете вы.

Я не хотела говорить с той, кому платил Рэкхем.

— Уже поздно, Марджери. Идите спать.

Ее голос стал напряженным.

— Я должна сначала помочь вам лечь спать, миледи.

— Нет. Оставьте меня, — я боролась за власть над собой. — Прошу.

В этот раз она уступила.

— Да, миледи, — я услышала ее тихие шаги за мной. Она накрыла мои плечи одеялом. — Спокойной ночи, миледи.

Она ушла в свою комнатку и забралась в кровать. Она оставила дверь между нашими комнатами открытой, но, решив, что она уснула, я позволила слезам пролиться.

Если бы я убежала с Натом, когда он меня просил! Вина и сожаление терзали меня. Я была так уверена, что лучше него знаю, что будет, а каким был результат? Мне светил брак с Рэкхемом, а Ната собирались повесить как предателя. И я никак не могла помешать ничему. Теперь у меня были лишь странные видения. А разве это сила? Просто фокус.

Вот если бы так увидеть лицо истинного злодея...

Слезы высохли, когда я подумала об этом. Когда я гадала с Сивиллой, лица короля и королевы были размытыми. Но если я попытаюсь сама, может, смогу видеть четко и узнаю королеву. Или увижу что-то другое, узнаю другую подсказку.

Гадание могло показать мне еще кое-что. Если получится, то магия была моей, и Сивилла не управляла ею или мной.

Конечно, даже если Сивилла была невиновной, оставалась опасность, что видения сами вредили реальности. А если я увижу, как Ната ловят, и это произойдет? Я напряглась. Может, гадать не стоило.

Но что еще я могла сделать? Лежать и надеяться, что магия вернется, зная при этом, что Рэкхем все туже затягивает сеть? Если он найдет Ната, он приговорит его к пыткам и

смерти.

Нет. Я не могла ничего не делать.

Послушав и убедившись, что Марджери еще спит, я подошла к сундуку в углу. На нем стояли букеты, которые Марджери расставила по вазам. Я пыталась не шуметь, пока вытаскивала букеты из плоской миски. Она была из хорошего фарфора и отличалась от миски, что была у Сивиллы, но вариантов лучше у меня не было.

Я поднесла миску, почти полную воды, к огню. Как правильно поймать свет? Я несколько раз двигала ее, но ничего не работало.

Я уже хотела сдаться, но полено в очаге разломилось надвое, взметнулись искры. Я увидела, как они отразились в воде, а под ними закружился другой свет, маня все глубже и глубже...

Спрашивай. Просила частичка разума. Задавай вопрос.

— Кто украл тигель? — я едва могла выдохнуть слова. — Кто подставил Ната?

Я падала все глубже, снова увидела насыщенные цвета, как на витраже. Они кружились, менялись, а потом превратились в картинку, которую я уже видела: король и королева убивали друг друга. Они снова терзали друг другу горло, пока их лица не посинели.

Но в этот раз картинка изменилась передо мной и появился золотой венец на безликой голове, рука с жемчужным кольцом сжимала нож. Вспышка синего света, и нож мелькнул между головой и короной. Брызнула кровь. Еще вспышка, и корона оторвалась. Я не могла дышать, я словно умирала...

Рука дернулась, задела миску, и картинка пропала. Я сидела перед огнем, передо мной стояла миска с пролитой отчасти водой, лужа растекалась на моей накидке. Я была в ужасе.

Теперь я знала, что магия была моей, а не Сивиллы. Но что означали видения? Чья рука владела ножом? Мог то быть Рэкхем? Я была уверена, что среди его колец было и с жемчугом. Но почему тогда не было видно другие кольца?

Столько вопросов! Но хуже всего был другой. Призывая эти видения, не навредила ли я как-то королю?

— Миледи? — Марджери появилась рядом со мной. — Вы плакали? — она заметила миску и подвинула ее. — Что это?

— На плаще было пятно, — сказала я. — Я... хотела убрать его.

— Стоило оставить это мне, миледи. Бархат нужно обрабатывать осторожно, — она начала вытирать промокшую ткань. — И вам пора спать.

— Не могу.

Она перестала вытирать и посмотрела на меня.

— Сироп из роз и шафрана поможет, миледи. Я могу послать на кухню...

— Нет, — у меня появилась идея. — Можете послать кого-то проверить короля? Потому я не могу уснуть. Боюсь, что ему стало хуже.

Ее глаза расширились.

— Вы переживали из-за короля? Я думала... — она прервала себя и быстро спросила. — Вам что-то сказала магия?

— Нет, — я не хотела упоминать магию. — Просто тревожусь. Но если я буду знать, что королю лучше, я смогу уснуть.

Лицо Марджери снова стало нечитаемым.

— Хорошо, миледи. Я попрошу стража узнать.

Ответа мы ждали полчаса. Все это время Марджери сидела со мной, и от этого я

нервничала только сильнее. Но, когда страж вернулся, новости были хорошими.

— Состояние короля улучшилось, миледи, — ответила Марджери, строго посмотрев на меня. — Он мирно спит, и вам бы не мешало.

В этот раз она повела меня к кровати. Я забралась в нее охотно, я хотела остаться наедине с мыслями. Марджери ушла в свою комнату, а я лежала в темноте и думала, что делать дальше.

Гадание мало мне рассказало, но и не навредило, к счастью. Значит, я могла доверять Сивилле. Она не применяла на мне черную магию, она пыталась помочь.

Я хотела узнать, могла ли она предложить мне другую магию? Что-то сильнее гадания? Что-то, что поможет раскрыть жуткие планы Рэкхема? Что-то, что позволит очистить имя Ната?

Надо будет сразу утром найти Сивиллу и спросить.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ УЗНИЦА

Устав телом и разумом, я погрузилась в глубокий сон. Когда я проснулась, был почти полдень, Марджери не было. Но она была недовольна моими походами вчера, так что вряд ли ушла надолго. Если я буду быстро, я смогу сбежать к Сивилле раньше, чем она вернется.

Я поспешила одеться в синее шерстяное платье, которое было на мне в дороге, теперь его постирали и выгладили. Но когда я вышла к прихожую и попыталась открыть дверь в коридор, она не поддавалась.

Я слышала снаружи голоса и застучала по двери.

— Это Певчая. Выпустите!

Звякнул металл. Голоса стали громче, но мне никто не ответил.

Я звала на помощь пятнадцать минут, а потом дверь резко распахнулась, чуть не сбив меня.

— Миледи Певчая, — огромный Рэкхем перекрыл выход. За ним в коридоре стоял ряд людей с пиками и мечами. Я отпрянула, и он закрыл за собой дверь. — Я слышал, вы мешали стражам.

От одного его вида мне было плохо.

— Я хочу выйти.

— Вы останетесь здесь, пока не найдут Уолбрука.

Нат все еще на свободе? Я ощутила радость, а потом страх, ведь это был лишь первый день, охота продолжалась.

Мне нужна помощь Сивиллы.

— И посетителей у вас не будет, — продолжил Рэкхем, — пока мы не убедимся, что опасность миновала.

Не будет?

— Вы меня запираете?

— Я защищаю тебя, Певчая. Совет согласился, что ты юна и в смятении, для твоей безопасности стоит охранять тебя, пока опасность не минует.

— А король? Он тоже согласен?

— Королю нездоровится, но я все ему объяснил, — сказал осторожно Рэкхем. — Он согласен, что мы должны уберечь тебя.

Он не смотрел мне в глаза, это давало надежду. Может, король не знал, что меня держат в плену.

— Я хочу увидеть короля.

Даже от такого маленького протеста в его глазах вспыхнул гнев.

— Я уже говорил, Певчая, ты никуда не выйдешь.

— Я настаиваю.

— Ты будешь слушаться! — его кулак пролетел мимо моего лица и врезался в стену рядом со мной. Его кольца пробили дерево. Они легко могли вспороть мою кожу. Дрожа, я отпрянула от него.

Он шагнул ко мне, сжимая кулаки, костяшки одной руки кровоточили.

— Моя жена будет меня слушаться.

Моя жена. От слов было плохо. Но я не хотела, чтобы эти кольца задели мое лицо. Горечь подступила к горлу, но я склонила голову.

— Да, милорд.

Он хрипел.

— Так лучше.

Я не должна поднимать голову. Нельзя смотреть ему в глаза. Вместо этого я смотрела на его большие руки, на кровь на костяшках, на золотистые волоски на пальцах, на кольца, сияющие в свете. И тогда я увидела правду: только на одном кольце — с жемчугом — был обычный камень. Другие камни были красивыми, но и не обычными.

Это были камни мертвых Певчих.

Я не могла дышать.

Я закрыла глаза. Я видела трещины на камнях, свет странно мерцал на них. Я видела такое лишь раз, на камне леди Илейн после ее смерти, но я не могла это забыть.

Я запрещала себе тянуться к рубину, висевшему под платьем на длинной тонкой цепочку. Он тоже был с трещиной, узор показывал, что я не могла использовать Проверенную магию, но еще была жива. Этот камень тоже появится на пальце Рэкхема?

Моя голова была склонена, я услышала, как Рэкхем открыл дверь. Я бросилась, надеясь поймать дверь.

Рэкхем меня опередил. Дверь захлопнулась перед моим лицом.

— Заприте комнаты! — приказал он стражам. — Это для ее безопасности.

С лязгом опустилась решетка.

† † †

Я расхаживала по комнате, ощущая страх и ярость, когда дверь снова открылась. Марджери миновала стражу, в ее руках был огромный сверток кроваво-красной ткани. Как только она прошла, стражи захлопнули дверь.

Я посмотрела на Марджери.

— Вас они выпускают, а меня — нет?

Марджери, покраснев. Прижала сверток к себе.

— У меня есть долг, миледи.

Докладывать Рэкхему, не иначе.

— И стража тоже исполняет долг, — добавила она. — Милорд Рэкхем отдал им строгий приказ. Он охраняет свои вещи, миледи.

Вещи? Она про меня?

— Когда графиня была жива, он не давал ей уходить без стражи, — Марджери

расправила ткань на кровати, стоя спиной ко мне.

Услышанное мне не нравилось.

— Вы о жене Рэкхема? Она не выходила одна?

— Нет. Пока я служила ей, она была в своей комнате.

— Она была больна?

— Нет, — ладонь Марджери замерли на ткани. — Просто... хрупкая.

Хрупкая женщина в жестких руках Рэкхема. И мне захотелось задать вопрос:

— Марджери, вы не рассказывали мне, как она умерла.

— Неудачно упала, — она стояла спиной ко мне. — Не будем о печальном. От этого вам будет только сложнее. Давайте говорить о чем-то хорошем, — она повернулась и показала мне ткань. — Смотрите, лучший венецианский шелк, тут хватит на платье. Милорд Рэкхем дал утром...

Она видела Рэкхема. И его ладони с камнями мертвых Певчих касались этой ткани. Я с отвращением посмотрела на сияющий шелк.

Марджери замешкалась от моего взгляда.

— Это подарок на помолвку, миледи.

— Я его не приму, — сказала я.

— Но вы должны, миледи, — она тревожно теребила ткань. — Милорд Рэкхем будет оскорблен, если вы откажетесь. Он говорит, вы должны быть достойно одеты...

— Потому что я его вещь? — тихо сказала я.

Ткань упала из рук Марджери. Ее лицо стало пустым.

— Миледи, это лучший шелк. Цвет вам идет. Позвольте мне все сделать, и вы увидите...

— Я не буду это носить.

Она долго смотрела на меня с хмурым видом. А потом вернулась маска безразличия. Без лишних слов она взяла ткань и унесла в свою комнату.

† † †

Марджери вернулась с пустыми руками, мы больше не говорили о Рэкхеме, шелке или помолвке. Мы вообще почти не говорили. Марджери была занята в комнате, а я сидела безмолвно у окна, слепо листая страницы книги, видя перед глазами кольца Рэкхема.

Я прислушивалась к каждому вдоху, скрипу и шороху в комнате, желая, чтобы они стали музыкой, магией. Если бы чаропесни вызывала решимость и отчаяние, они бы уже были со мной. Но, похоже, Дикая магия не хотела играть со мной сегодня. Лишь раз, когда я склонила голову к оконной раме, я уловила дрожащую ноту в ветре. И она тут же пропала.

Устав слушать, но не желая прекращать, я потеряла счет времени. Я знала лишь, что Марджери все время смотрела на меня.

Что-то, казалось, тревожило ее. Чем дольше я оставалась у окна, тем беспокойнее она была. Может, она думала о платье, но я напрягалась, не зная, что она задумала.

— Не хотите поесть, миледи? — спрашивала она много раз.

Каждый раз я отказывалась. Небо начало темнеть, а я сидела у окна, смотрела на сад, где маршировали солдаты. Их маневры были связаны с охотой на Ната?

Я скользила взглядом по границам сада, но видела лишь стены парка Гринвич. Только бы Нат сбежал. Прошу, пусть он сбежит. Дайте ему сбежать. А мне нужно найти Сивиллу...

— Вам нужно что-то поесть, миледи, — сказала Марджери, зажигая лампы. — Вам прислали красивую тарелку, а вы ничего не попробовали.

Тарелка была полна угощений с банкета. От одного вида мне было плохо.

— Нет, спасибо.

— Немного жареной курицы, — предложила Марджери, — или немного винограда...

— Нет, спасибо, — повторила я с нажимом. — Я ничего не хочу.

— Но вы должны, — с болью смотрела на меня Марджери. Она надеялась, что еда меня успокоит, и я передумаю насчет шелка? — Помню, графиня...

— Хватит, Марджери, — я не могла слушать о первой жене Рэкхема. — Я не графиня. И не буду такой.

— Но так и было, миледи, — голос Марджери был полон тревоги. — Вы как она. Она сидела у окна вот так и ничего не ела. И стала хрупкой. Она таяла, миледи, у нее не было силы встать, когда он...

Она резко замолчала.

— Он? — повторила я. — Вы о Рэкхеме? Он что-то с ней сделал.

Она отпрянула.

— Нельзя было этого говорить, миледи. Прошу, не говорите ему об этом.

Страх в ее глазах испугал меня, ведь это показывало, какой Рэкхем, а еще говорило обо мне. Я боялась Марджери, но не думала до этого, что и она жила в страхе. Я никогда не представляла себя на ее месте, не думала, служила ли она Рэкхему, потому что у нее нет выбора.

— Обещаю, что ничего не скажу, Марджери.

Она не скрывала облегчения. Это меня пристыдило.

— Он накажет, да? — спросила я. — Если узнает?

Безмолвный кивок.

Я глубоко вдохнула и отошла от окна.

— Тогда мы будем беречь вас от него.

Ее губы дрожали. А потом моя стойкая служанка расплакалась.

— Я переживаю за маму, — выдавила она едва слышно. — За маму и девочек. Милорд Рэкхем сказал, что их будут кормить, если я буду его радовать, но он заставит их голодать в другом случае. А мама болеет, девочки так юны, и я не знала, что делать...

Мое горло сжалось. Я считала себя бессильной, но Марджери была намного уязвимее. Я словно впервые ее видела. За маской была девочка, младше, чем я думала, может, младше меня. Юная и испуганная.

Шепот, полный боли, зазвучал снова:

— Его не обрадует, если мне будет не о чем доложить... — она с паникой посмотрела на меня. — То есть я...

— Не страшно, — сказала я. — Я уже знаю.

— Знаете ч-что?

— Что вы — шпион Рэкхема.

Ее лицо страшно покраснело.

— Одна из его шпионов, — добавила я. Но ее заставили. Ее можно было сделать союзницей, если я буду мудрой и сострадательной. Может, еще не поздно... — Вряд ли эта работа вам нравится, — сказала я. — Не переживайте. Я сохраню секрет.

Она смотрела на меня.

— Скажите, — продолжила я, — ели ли вы сегодня что-нибудь?

— Н-немного. Но...

— Тогда поедим вместе, — я дала ей засахаренный виноград. — Вы правы: нам нужна

сила. И пока мы едим, можно поговорить.

— Поговорить? — тихо сказала она. — О чем?

— Об одежде, например. О шелке, — я взяла немного винограда себе. — Рэкхем будет злиться, если я его не надену?

— Очень, миледи. Я должна следить, чтобы вы выглядели хорошо, ведь вы теперь соотноситесь с ним. И мне сказали сделать вам платье из шелка.

— Ясно. Нам не нужно, чтобы вас за это наказывали.

— Вы будете его носить?

Я бросила ягоду в рот, смакуя сладкое покрытие и сок, пока размышляла.

— Нужно его хотя бы сделать. Чтобы удовлетворить его.

— Да, миледи, — она замешкалась. — Ненадолго.

А что потом? Я вспомнила кулак Рэкхема у моего лица. Если он станет моим мужем, я могу протянуть не так долго, как графиня Марджери.

Я не дам этому случиться.

— Нужно как-то замедлить работу, — сказала я Марджери. — А теперь о вашей маме. Я хотела бы помочь...

На ее лице появилась надежда.

— Магией?

Что сказать? Правду говорить я не могла, ведь был риск, что она доложит Рэкхему.

— Да.

— Вы поможете ей? Правда?

Я кивнула, молясь, что говорю это не зря.

— Я сделаю все, что смогу, Марджери. Даю слово.

— О, миледи, — она боролась со слезами. — Вы не такая, как он говорил. Не заносчивая и не властная. Это все ложь, да?

— Так Рэкхем рассказывал вам обо мне?

Она кивнула.

— И я верила. Но вы совсем не такая.

— Надеюсь, — сказала я бодро, скрывая потрясение. Скольким еще людям Рэкхем это рассказал?

Что-то звякнуло за дверью.

Мое сердце дрогнуло. Рэкхем пришел проверить меня? Марджери рядом со мной побелела.

— Конечно, у меня есть разрешение, — гордый волос был ровным. — Рэкхема? Нет, от самого короля. Вот, здесь его печать.

Дверь открылась, сэр Исаак прошел в комнату.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ СИЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА

— Ваши стражи рьянее, чем я думал, — сказал сэр Исаак, я подвела его к огню.

— Граф Рэкхем приказал им не пускать посетителей, — я указала на кресло и придвинула еще одно.

Сэр Исаак нахмурился, сев, его темные брови выделялись на слишком бледном лице.

— Да, но у меня было разрешение короля. Я сказал страже...

Остальные слова затерялись, он содрогнулся и схватился за подлокотники.

— Сэр Исаак! — я вскочила в тревоге.

— Ничего, — прохрипел он. — Это от яда.

— Вам нужно отдыхать.

— Нет, нет, — приступ прошел. Или он просто подавил его? Он сидел прямее, дышал уже легче. — Ничего, клянусь. Мне важно сейчас с вами встретиться. Прошу, сядьте и выслушайте меня.

Я опустила и посмотрела на Марджери, она пошла в свою комнату.

Сэр Исаак проследил за моим взглядом и тихо сказал:

— Не страшно, если она услышит. Совет не позволил бы ей служить вам, если бы она не заслужила. Рэкхем поручился за нее, за ее абсолютную верность.

Конечно, если он держал в руках ее семью.

— Что вы хотели мне рассказать? — спросила я.

— Только это, — он посмотрел на меня налитыми кровью глазами. — Завтра на рассвете, когда мы сделаем философский камень, вы будете мне нужны рядом.

— Я? Но почему? Я не алхимик, сэр Исаак.

— Не в том дело. Я объясню, — сэр Исаак прижал пальцы к виску, словно отгонял боль. — Дело в бумагах. Бумагах Фламеля. Даже если понять шифр, значение может быть загадочным.

Я кивнула, вспомнив их.

— И в них есть абзац, — продолжил он, — который мне не дается, я не понимаю символы в нем. И все же я уверен, что там написано, что помощник должен держать тигель на последних этапах работы, сильный и неиспорченный человек. Так я думал... до вчера.

— А теперь?

— Я расшифровал еще некоторые символы. Я был почти прав. Мне нужен кто-то с такими качествами. Но там оказалось, что это должна быть женщина.

— Женщина? — я удивленно посмотрела на него. — Вы уверены?

— Абсолютно. Я должен был узнать раньше. Ходили слухи, что жена Фламеля, Пернелла, помогала ему в работе. Многие алхимики годами считали, что женская энергия важна в Великой работе. Я думал, что это ошибка, но — нет. Фламель говорит, что это должна быть женщина, сильная и чистая сердцем, чтобы создать камень. Потому я пришел к вам.

Потому что я была сильной? Но моя магия ушла.

— Сэр Исаак, я — не лучший выбор...

— Певчая, по силе с вами не сравнится ни одна женщина королевства. Вы этой силой вернули королю трон, показали, что вы чиста, — он склонился ко мне с пылким взглядом. — Миледи, поверьте, никто не подойдет для этого лучше.

— Но почему важны мои качества? Они как-то могут повлиять на результат?

— Если бы я знал! Это огромная загадка алхимии. Я могу лишь сказать, что все мудрецы считают, что кипение и горение меняют все, так делают и невидимые ауры наших намерений и целей. Недостойный практик, хоть и умелый, не сможет сделать философский камень. Бог этого не позволит.

Его объяснение пугало. Если я помогу с Великим деланием, пока у меня нет сил, все провалится?

Я попыталась улыбнуться.

— Сэр Исаак, вам нужна святая.

— Нам нужна вы, — он содрогнулся. — Совет согласен, вы — та, кто нам нужна.

— Точно есть кто-то старше и мудрее...

— Миледи, не скромничайте! Это должны быть вы, — сэр Исаак не сдавался. — Совет согласен, они будут ждать этого. У вас великое сердце, и я надеюсь, что совести хватит, чтобы вас убедить. Без вашей помощи мы провалимся, страна будет голодать.

Выбора не было, ведь Совет хотел вовлечь меня в задание. Лучше сдаться и надеяться, что крох моей силы хватит.

— Если вам так нужно, я помогу.

Сэр Исаак одарил меня редкой улыбкой. Она озарила все его лицо.

— Миледи, мы благодарны. Я благодарен.

— Мне нужно держать тигель? И все?

— И пара мелких заданий. Алхимики сделают остальное.

Я видела шанс вырваться из клетки.

— Я бы хотела попробовать. Если вы сможете организовать это, я с радостью приду в лабораторию...

— Не стоит, миледи. Задания простые, вы справитесь с ними в указанное время. А до этого вам с тигелем, по решению Совета, лучше быть под охраной. Если с вами что-то случится, все будет напрасным.

— Но вы тоже важны для успеха, — отметила я. — А вы не под стражей.

— Миледи, я — взрослый человек. У меня есть сопровождение, меня ждут снаружи.

— Я — Певчая. Мне тоже важно быть не взаперти.

— Совет считает иначе. Ната тянет к вам. Он в отчаянии, мы боимся, что он возьмет вас в заложники.

— Это безумие, — сказала я. — Он так не сделает.

— Я понимаю желание защитить его, поверьте, — сэр Исаак посмотрел на меня с сочувствием. — Хоть мы не сошлись во взглядах на алхимию, я всегда уважал Ната. Но все факты против него.

— Не согласна.

Сэр Исаак вздохнул.

— Факты — есть факты, моя дорогая Певчая. Мы не можем игнорировать доказательства, — он прижал дрожащие руки к подлокотникам. — Но этот разговор о четвертовании ужасно жесток. Я бы хотел, чтобы суд над ним был честным.

— Да, но он не получит честного суда...

— Певчая, не стоит говорить об этом, — его тон был добрым, но он перебил меня. — Это неприятная тема, она лишит вас сил, а нам нужно, чтобы вы были сильной.

— Но...

— Прошу, думайте о хорошем. Через двадцать часов мы начнем Великое делание, и вы должны быть в лучшем состоянии для этого. Вам стоит отдохнуть, — он встал.

Он не слушал меня. Насчет Ната — точно. Но он мог хорошо воспринять другое, если правильно подойти к теме.

— Сэр Исаак, сложно отдыхать, когда я в печальном состоянии. Было бы неплохо увидеть подругу. Если бы мисс Дэшвуд могла прийти...

— Боюсь, это невозможно, — сэр Исаак мрачно покачал головой. — Одно дело — мой необходимый визит, но общение может подождать менее опасного времени, — он быстро,

но вежливо поклонился. — Нет, нет, не вставайте. Отдыхайте, прошу. Стража отведет вас в лабораторию в четыре часа утра.

Он уже уходил. Я встала.

— Сэр Исаак...

— Мне пора, дорогая Певчая. Нужно многое подготовить, — он постучал по двери, стражи выпустили его и перекрыли мне проход.

Дверь закрылась за ним, и я ощущала себя пленницей больше обычного. Клетка была богатой, с позолоченными узорами и теплым огнем, и даже гобелены на стенах душили меня.

— Миледи?

Я испуганно подняла голову, Марджери подошла ко мне. Я и забыла, что она была здесь.

— Да, Марджери?

Она склонилась к моему уху, как заговорщица.

— Хотите увидеть мисс Дэшвуд?

— Да. Да, хочу.

— Я могу помочь, — прошептала она.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ СЕКРЕТЫ

Такое предложение я не ожидала.

— Что вы придумали? — прошептала я.

— Я могу отнести ей послание, — голос Марджери был тихим, но решительным. — Стражи обыскивают меня, так что написать его не выйдет. Но если вы мне передадите, что нужно сказать, я отыщу ее.

Предложение было отличным, особенно, от кого-то, боявшегося раскрытия правды. Но я замешкалась. Я могла лично спросить у Сивиллы о другой магии. Но через Марджери послание нужно передавать скрыто.

— Это мило с вашей стороны, — сказала я. — Но, боюсь, то, что я хочу сказать, слишком сложное. Если бы я ее увидела...

— Вам нужно увидеть ее? — перебила Марджери. — Я скажу ей это.

— Но она никогда не проберется.

— Может, если у нее будет письмо от короля.

— Как сэр Исаак? — я покачала головой. — Сивилла не получит такое письмо.

— Я не была бы так уверена, миледи. Ее тетя говорит, что мисс Дэшвуд и король знакомы с детства. Леди Горинг часто о таком говорит. После прибытия мисс Дэшвуд Его величество относился к ней по-доброму. Он смотрел на нее с теплом.

Сивилла могла общаться с королем? Она мне не рассказывала. Но, если подумать, то фрукты в ее комнате, еще и ананас... и она была очень расстроена, когда на него напали...

— Хорошо, — прошептала я Марджери. — Попросите ее найти разрешение короля, чтобы прийти ко мне. Если хотите.

— Хочу, — сказала Марджери. — Я пойду прямо сейчас. Я скажу стражам, что мне нужно увидеть портниху насчет шелка, что милорд Рэкхем прислал вам. Отчасти это правда.

— Портниха так поздно работает?

Она покачала головой.

— Миледи, все здесь работают допоздна.

Стоило знать.

— Спасибо, Марджери. Спасибо за все.

Она приняла мою благодарность с решительным кивком.

— Я возьму ткань и пойду.

А потом она вышла из комнаты с шелком в руках и пошла ко мне, а не к двери.

— Миледи?

— Да?

— Вы сказали, что поможете магией маме. Вы... — ее глаза сияли от страха над красной тканью. — Могли бы сделать это сейчас?

При виде надежды на ее лице мне стало плохо.

— Нет, — а что я могла сказать? Безопасных объяснений не было. — Не сейчас. Но позже, обещаю,...

Марджери застыла. Легкость между нами пропала.

— Да, миледи. Понимаю, миледи, — она присела в реверансе, жизнь покинула ее лицо.

Она злилась на меня? Пыталась не плакать? Или не могла ждать, ведь Рэкхем сжимал ее семью? Она отошла слишком далеко, я не могла понять, о чем она думает.

— Марджери, прошу, не уходите...

— Я должна сходить к портнихе, миледи, — она постучала в дверь, стражи выпустили ее.

Она сходит к портнихе и к Сивилле? Или решила, что лучше защитить семью, отправившись к Рэкхему?

Спокойно. Я мало выдала Марджери, только необходимость увидеть Сивиллу. Но этого могло хватить Рэкхему. Он снова будет допрашивать Сивиллу? Или придет сюда?

Я сидела там долго, слушала все звуки: стук дождя по окнам, треск огня, стон ветра снаружи. Но я слышала отсутствие музыки, магии, силы, что мне была так нужна.

† † †

Час, два, а Марджери не возвращалась. Она точно у Рэкхема.

Я расхаживала по комнате, не зная, что делать, когда услышала за дверью тихий смех. Было похоже на Сивиллу.

Смех ниже вторил первому. Стражи?

Дверь открылась, смех полился в комнату.

— Вы так добры, — сказала Сивилла. — Мне приятно. О, я опять зацепилась юбкой?

Больше смеха, а потом она вошла, голубые глаза сияли. Но смех пропал с ее лица, когда дверь закрылась. Она подбежала и обняла меня.

— О, Люси, я боялась, что они не пустят меня! Помогло только письмо короля.

— Марджери нашла тебя?

— Марджери? — Сивилла отодвинулась от меня в смнении. — Нет.

— Я отправила ее искать тебя. Она еще не вернулась.

— Я ее видела, — задумчиво сказала Сивилла. — Вроде бы. Она пряталась у комнат Рэкхема.

Марджери ушла к Рэкхему. Мое сердце колотилось.

— Я хотела заговорить с ней, — сказала Сивилла, чтобы узнать, как ты, но она ускользнула, не дав задать вопрос. Уверена, что ей можно доверять?

— Нет, — сказала я. — Не уверена.

Сивилла нахмурилась.

— Какое послание она должна была мне передать?

— Что с разрешением короля тебя ко мне пропустят. Но, похоже, ты сама это поняла?

— Да. Но к нему я пробивалась почти весь день. Но он был добр, — она покраснела. —

Как и всегда.

Не всегда. Но румянец Сивиллы показал больше ее слов, что она видела его другим.

— Ты знала его с детства? — я подвела ее к огню, куда мы придвинули стулья.

— Задолго до того, как он стал королем. Тогда он был лордом Генри Сеймуром. Наши отцы дружили, и я помню, как танцевала с ним, играла в прятки. Он был на два года старше, и я часто ходила за ним по садам и просила собрать ромашки для гирлянды, — ее глаза сияли. — Наверное, я ужасно раздражала, но он не говорил этого. Он и тогда был добр.

Сивилла и король? Вряд ли эту пару ждет будущее, ведь король собирался жениться по указу Совета. Но со стороны Сивиллы симпатия все же была.

— Он выглядел сегодня плохо, — глаза Сивиллы потускнели. — Бедняга. Хрипит, как ворона, и его шея вся в синяках. И он себя доводит. Доктора говорят ему отдыхать, но он настоял на встрече с Рэкхемом. А тут еще и новый отчет про Боудикку, после этого он часами сидел с военачальниками.

— Что с Боудиккой?

— О, — сказала Сивилла, — тебе не рассказали? Под ее знаменем все больше людей, говорят даже, что она собирает армию. И она с каждым днем все ближе к нам. Это беспокоит. Все в панике из-за этого и поиска Ната.

Моя рука сжалась на краю стула.

— Его еще не нашли?

— Ната? Нет.

Какое счастье!

— Потому я долго не могла увидаться с королем, — сказала Сивилла. — Когда он не с Внутренним двором, он спорит с Рэкхемом о лучшем способе со всем справиться. Я ждала, пока Рэкхем уйдет. Если бы он понял, что я хочу, он бы не позволил. Он страшный, Люси. Прошлой ночью, пока ты не пришла, он допрашивал меня... — Сивилла замолчала и поежилась. — Я не хочу, чтобы ты за такого вышла.

— Он хуже, чем ты представляешь, — сказала я. — Потому я должна была тебя увидеть. Мне нужна твоя помощь, чтобы уйти от него.

Сивилла посмотрела на меня мудрыми глазами.

— Потому что ты потеряла магию?

Я не дышала. Я пыталась отказаться, но слов не было.

В ее глазе было сочувствие, но она ничего не упустила.

— Так это правда. Я так и думала.

Я сдалась.

— Как ты поняла?

— Твоя песня. Бабушка учила меня узнавать магию Певчей, ты пела не так. И ты уже видела королеву при гадании.

— Но, когда я пела, ты была впечатлена, как и все.

— Думаешь, я бы тебя выдала? — возмутилась Сивилла. — Я же твоя подруга.

— Ты никому не сказала?

— Конечно, нет, — заявила она. — Я умею порой хранить секреты. Особенно, такие важные. Как это случилось? Как ты потеряла магию?

Я решила, что могу ей все рассказать. Может, она поможет.

— Она просто пропала, — сказала я. — Где-то на пути в Гринвич. Или сразу после прибытия, — я вспоминала обстоятельства, боясь, что Марджери вот-вот вернется.

Когда я закончила, Сивилла задумчиво тыкала ковер туфлей.

— Не так много способов лишить Певчую сил.

— И какие они?

— Ты могла сделать это сама, спев не ту Дикую магию, или кто-то другой мог сделать это с тобой магией.

— Рэкхем говорил, когда я прибыла, что у него есть способ защититься от моей магии. Это возможно? Он мог сделать это со мной?

Сивилла спрятала туфли под стул, задумавшись.

— С каким-нибудь талисманом?

— А такие бывают?

— Возможно, — сказала Сивилла. — Мама так думала. И тогда становится понятно, почему Рэкхем — хороший охотник на Певчих.

— Почему он не рассказал об этом Скаргрейву? — спросила я.

— Потому что Скаргрейв забрал бы это, — предположила Сивилла. — А он не хотел, чтобы кто-то знал, что он действовал нечестно.

Я беспокойно сцепила руки.

— Думаешь, он сделал это со мной?

Сивилла покачала головой.

— Не уверена. В паре старых книг мамы были истории о талисманах, что могли защитить от чаропесен Певчих. Но их сила ограничена. Они могли уберечь только одного человека от магии, а не уничтожить магию Певчей полностью. Так что, если у Рэкхема и есть талисман, тут имеет место и другая магия — или твоя ошибка, или чары врага.

— И мы вернулись к началу, — отчаялась я.

— О, не важно, — бодро сказала Сивилла. — Решение все равно есть.

— Есть? — обрадовалась я.

— Да. Обычно лучше всего — пойти за помощью к другой Певчей...

— Я не могу. Не к кому идти, — мой голос в панике поднимался. Мою магию не вернуть?

Сивилла прижала палец к губам, в дверь застучали.

Рэкхем? Марджери? С колотящимся сердцем я задержала дыхание, но дверь не открылась. После стука все затихло.

Я нервно повернулась к Сивилле.

— Что еще я могу сделать? Скажи скорее.

— Есть еще одно, — сказала Сивилла. — Есть верное средство — философский камень. Но тебе нужно первой его коснуться.

— Что? — я уставилась на нее в потрясении. — Алхимики не говорили о таком...

— Потому что они не знают, — Сивилла заговорщически улыбнулась. — Это секрет Певчих. Я знаю, потому что бабушка передала маме, а мама — мне. Она всегда надеялась, что, если я коснусь камня, то найду силы, потому она занималась алхимией. Но бабушка сказала, что это не работает. Камень возвращает силы тому, у кого они были.

— Уверена?

Сивилла кивнула.

— Бабушка сказала, что обычный человек, коснувшись камня, исцелится от всего, что тревожит его тело и разум. Так и для тех, кто с магией: если магия повреждена или сломана, камень исцелит и ее. Но для этого нужно коснуться его первой, раньше других. Иначе у камня не хватит силы, — она с тревогой посмотрела на меня. — Ты сможешь?

Я разрывалась между надеждой и страхом.

— У меня будет шанс. Если мы сделаем камень.

— Не переживай об этом, — сказала Сивилла. — Тигель вернулся, и у сэра Исаака все под контролем. Так я слышала.

— Но ему нужна моя помощь, — я рассказала Сивилле о его просьбе и причине. — Он думает, что я сильна, и я не могу сказать ему, как я слаба, не могу рассказать правду. Эксперимент может провалиться из-за меня.

Сивилла нахмурилась, накрутила прядь на палец так сильно, что кончик пальца побагровел.

— Что именно просил Фламель?

— Сильную женщину. Сильную и чистую.

— О магии он что-то говорил.

— Не думаю. Не упоминал...

Сивилла отпустила прядь и расслабилась.

— Тогда можно не переживать.

— Но...

— Можно не переживать, — повторила Сивилла. — Люси, ты — самая сильная женщина из тех, что я знаю. Не важно, есть у тебя магия или нет. Посмотри, как ты прячешь слабость. Ты обманула прошлой ночью всех, кроме меня. Все они верили каждому твоему слову.

— Но то была уловка, — сказала я. — Это не настоящая сила.

— Настоящая, — сказала Сивилла с неожиданной серьезностью. — Почти вся сила — иллюзия, так говорила бабушка. Но тебе нужна сила характера и смелость, чтобы донести ее, а этого у тебя много, — она склонила голову. — Но у тебя явно осталось немного магии, раз гадание сработало.

— Я пробовала еще раз, — сказала я, — прошлой ночью. И увидела... — я подняла голову и замерла.

Дверь между комнатой Марджери и моей была приоткрыта. Но она была закрыта до этого. Там кто-то был?

Без слов я вскочила и открыла дверь.

За ней стояла Марджери.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ОКРУЖЕННЫЕ

Моя ладонь взлетела к сердцу.

— Марджери! Как вы вошли?

Давно она здесь? Как много она слышала?

Марджери выглядела не такой сдержанной, как обычно. Она прошла в комнату. Ее щеки

были розовыми, пряди волос выбились из-под чепчика.

— Я прошла через другую дверь, миледи.

— Есть другая дверь? — я посмотрела в темноту комнаты. — Где? Я не видела.

— И не увидели бы, миледи, — Марджери указала на дальнюю стену. — За гобеленом.

Она запирается снаружи, ее редко используют. Мне открыли ее, потому что обычную дверь заклинило. Вы не слышали стук?

Я вспомнила шум.

— Мы не знали, что это.

— Засов застрял, — сказала Марджери. — Кого-то позвали починить, но пока что мы будем использовать эту дверь. Простите, если побеспокоила.

— О, вы не побеспокоили, — Сивилла встала со своего места. — Мы даже не слышали, что вы пришли.

— Это из-за гобелена, мисс Дэшвуд, — сказала Марджери. — Он приглушает звук. И стражи вели себя тихо. Они хотели повеселиться, думая, что я приду к вам внезапно. Но вы меня удивили. Я искала вас во дворце, мисс Дэшвуд, а вы оказались здесь.

— Это место — ужасный лабиринт, да? — сказала Сивилла. — Хотя я вас видела. Вроде бы. Возле комнат графа Рэкхема, кажется.

— Возле его комнат? — Марджери покачала головой. — О, нет, мисс, меня там не было.

Мы с Сивиллой переглянулись.

— Забудьте, — сказала Сивилла. — Я здесь, это важно.

— Да, мисс, — Марджери присела в небольшом реверансе. — Я немного приберусь, если вы не против.

Сивилла была тут еще несколько минут, но без толку. С Марджери, поправляющей шторы, сметающей крошки со стола, мы не могли говорить о важном. Когда Сивилла собралась уходить, она намекнула на то, о чем думала.

— Надеюсь, она не слышала, — шепнула она мне на ухо.

Я не осмелилась ответить, Марджери следила за мной.

Слышала ли она о философском камне? Собиралась ли рассказать Рэкхему? Я могла думать лишь об этом, когда Сивилла ушла.

Мои страхи увеличивались с минующими часами, Марджери отдалялась все сильнее, смотрела на дверь. А после ужина она попыталась уйти.

— Мне нужно снова увидеться с портнихой, — сказала она.

— О, прошу, не уходите! — я схватилась за живот. — Оставайтесь, Марджери, прошу. Мне... плохо, — только бы не дать ей пойти к Рэкхему раньше, чем мы сделаем камень.

Марджери отошла от двери.

— Вам плохо? Что такое?

— Недомогание, — я прижала ладонь к глазам. — И голова болит.

Марджери встревожилась.

— Я позову королевского лекаря.

Теперь уже встревожилась я.

— Нет, Нет. Прошу, Марджери, я не хочу, чтобы он меня осматривал. Это не серьезно. Я просто не хочу быть одна, пока мне плохо.

Марджери поджала губы.

— Хорошо, миледи, я останусь. Но почему бы вам не лечь? Сон поможет.

— Нет, нет, — я осталась сидеть. — От этого только станет хуже.

Марджери, все еще сжимая губы, принесла вещи для починки и села напротив меня.

— Я помогу, — сказала я. Лучше следить за ней.

— Это не для вас, миледи, — ее иголка замерла, Марджери пронзила меня взглядом. —

И вы сказали, что у вас болит голова. От штопки станет хуже.

— Не уверена, что это так, — сказала я, но помощь больше не предлагала. Я следила за ее работой, пыталась понять, что она думает. Время шло, становилось сложно не зевать, не опускать голову на подушки, которые решительно принесла мне Марджери.

— Вы устали, миледи. И уже поздно. Вам пора спать.

— Нет, нет, — сказала я. — Пока я сижу, мне лучше.

Даже если бы я не следила за Марджери, я бы не смогла спать. Слишком много всего было в голове. Кроме Марджери, я переживала о Великой работе, камне, Рэкхеме и Нате...

...и как-то я уснула на стуле. А потом кто-то потряс меня, пытаюсь разбудить.

Я сонно моргнула.

— Марджери?

— Ее здесь нет, — грубо сказал мужчина. — Пора вставать, Певчая.

— Марджери ушла?

Я проснулась и увидела перед собой Роуэна Кноллиса и четверых стражей. Свет свече мерцал на их пиках и на часах за ними. Полчетвертого.

— Король и граф Рэкхем хотят вас видеть, — сказал Кноллис. — Вам нужно идти.

Король и Рэкхем? Я вжалась в стул. Марджери предала меня.

— Нет. Я... не могу.

— Миледи Певчая, вы должны. Они ждут внизу, — Кноллис поднял свечу выше. — Мы вас сопроводим.

Я вздрогнула, но четверо стражей окружили меня. У меня не было выбора. Я укуталась в бархатный плащ, и они повели меня прочь.

Сначала, пока мы шли по большим комнатам и позолоченным лестницам, я слышала только стук шагов. Но, когда мы приблизились к главному залу, мое сердце билось в горле, и я слышала крики Рэкхема.

— Женщина — предательница, Ваше величество. Она заслуживает смерти!

Не было времени думать, не было шанса бежать. Двери зала были открыты. Со стражами я прошла внутрь. Факелы пылали всюду. Стражи остановились и расступились.

Я осталась одна перед возвышением, где меня ждали Рэкхем и король. Они стояли плечом к плечу, как товарищи в бою, но только Рэкхем был в броне. Марджери не было видно.

Король поманил меня вперед. Я собралась с силами и ступила на возвышение.

— Миледи Певчая, — хрипло сказал король, — мы вас ждали.

Что бы ни сказали обо мне Марджери и Рэкхем, я собиралась защищаться.

— Я не сделала ничего неправильного, Ваше величество, клянусь.

Я увидела удивление на лице короля.

— Никто не говорил, что вы что-то делали.

Рэкхем прищурился, но не обвинял.

Мой секрет был сохранен? Они говорили о другом?

— Тогда зачем меня привели?

— Потому что враг совсем близко, — Рэкхем выплюнул имя. — Боудикка.

Не я. Сначала я могла думать лишь об этом, облегчение затмило все. Марджери сохранила секрет, а, может, и не успела ничего услышать.

Король заговорил со мной:

— Разведчики лорда Рэкхема доложили, что она использует черную магию против нас, — сказал он. — И что она целится на трон.

— Черную магию? — испугалась я. — Вы уверены?

— Сомневаетесь в моих разведчиках? — прорычал Рэкхем. — Они говорят, что деревни пустеют и идут за ней, когда она проходит мимо, словно она — дьявол, а они пляшут под ее дудку. И она использует магию. На реке сегодня столько тумана, что легко их скроет. Час назад ее видели в двух милях отсюда, и с ней были три тысячи людей.

И это магия? Вряд ли. Людей гнали голод и отчаяние, а туман часто бывал на Темзе.

Король тоже сомневался.

— А другие доказательства магии есть? — спросила я у Рэкхема. Было опасно злить его, но я надеялась, что он сдержится перед королем.

— Что еще вам нужно? — Рэкхем сжал кулак. — Нужно было сокрушить ее сразу, — он повернулся к королю. — Но лучше поздно, чем никогда, Ваше величество. Теперь уж я ей устрою бой по заслугам. Ее магия не сравнится с моей силой.

— Нельзя нападать первым, Рэкхем, — прохрипел король. — Я не сомневаюсь в вашей смелости или силе, но я серьезно. Может, еще можно договориться?

— Договориться? Когда она почти окружила нас? — Рэкхем едва сдерживался. — Ваше величество, это война...

— Мы в этом не уверены, — сказал король с силой. — Леди Певчая, вы можете что-то сделать с Боудиккой?

Он и Рэкхем посмотрели на меня, сэр Исаак поднялся на возвышение к нам.

— Не на таком расстоянии, — сказала я.

— Может, ближе, — предположил король.

— Нет времени, Ваше величество, — сэр Исаак был белым и слабым, но его руки крепко сжимали шкатулку с бумагами Фламеля. — Почти пора начинать Великое делание. Мы не можем без нее.

Король с неохотой кивнул.

— Видимо, да.

Рэкхем не сдавался.

— Ваше величество, поверьте. Боудикка хочет убить вас. Мои агенты не ошибаются. Если мы не разберемся с ней, будем выглядеть глупо.

— Если мы ее хладнокровно убьем, будем выглядеть тиранами, — сказал король. Темные синяки тенями окольцовывали его шею. — Не стреляйте первыми. Если ей нужна еда, а не трон, тогда все будет хорошо. Когда Великое делание завершится успехом, мы всех обрадуем.

— Хорошо, — сдался Рэкхем. — Я не буду ее убивать, а поймаю.

Король с тревогой смотрел на него.

— Может, мне стоит поехать с вами.

Рэкхем и сэр Исаак встревожились.

— Ваше величество, ваша жизнь слишком ценна для такого риска, — сказал сэр Исаак. — И вы только увеличите претензии Боудикки, если прибудете биться с ней.

— Они уже большие, — сказал Рэкхем. — Мы скоро покажем старушке, кто тут

главный. У нее много людей, но у нас — обученные воины. Ваше величество, бой закончится, не начавшись. Вам не нужно там быть.

— Ваши таланты могут пригодиться в лаборатории, — сказал сэр Исаак. — Мне нужно увести туда Певчую. Пойдете с нами?

Король склонил голову, кольцо синяков потемнело.

— Если я нужен, я пойду.

Сэр Исаак поклонился.

— Мы будем благодарны, Ваше величество.

— Рэкхем, — король опустил ладонь на плечо мужчины. — Желаю тебе счастливого пути. От меня что-нибудь еще требуется?

— Только одно, — сказал Рэкхем. — Я хочу поговорить с Певчей.

— Ах, — король рассеянно посмотрел на Рэкхема и на меня, а потом вежливо отступил. — Конечно.

Он и сэр Исаак отошли в сторону, чтобы поговорить с прибывшим Габриэлем. Я осталась с Рэкхемом, он приблизился, обхватил мою ладонь и сжал до боли.

— Помолвка будет сегодня после моей победы, — сказал он. — И мы сыграем свадьбу на неделе.

Я поежилась.

— Так скоро?

Холодные глаза Рэкхема скользнули по моему лицу.

— Я не из терпеливых, Певчая, — к моему потрясению он поднял рывком мою руку и надел толстую полоску металла мне на палец, царапая нежную кожу. — Это как кольцо.

Это было кольцо с его мизинца, на нем был зеленый камень мертвой Певчей.

Я не могла скрыть отвращение, вырвала руку, но не смогла снять кольцо. Оно врезалось в кожу. С волчьей ухмылкой Рэкхем смотрел на мою борьбу.

Я дернула кольцо, и в этот раз оно снялось. Я вернула кольцо ему, и он узнал, как я ненавидела его. Это его странно обрадовало.

— Ты все равно будешь это носить, — сказал он. — Совет одобряет мой план, я знаю епископа, который все уладит.

На его стороне были все с властью. А потом я поняла, что он упомянул не всех.

— А Его величество? Он одобряет?

— Одобрит, когда узнает, — заявил Рэкхем. — У нас были другие дела для обсуждения. Но, когда я вернусь с победой, он ни в чем мне не откажет.

Он звучал уверенно, а почему и нет? Как только он одолеет Боудикку, как король сможет отказать ему?

Но и у меня был план. Если мы сделаем камень, и он вернет мне магию, я получу силу покончить с этим кошмаром и защитить Ната.

Если, если, если...

Рэкхем отвернулся от меня и отсалютовал королю. Он вышел из зала и подозвал к себе своих людей. Весь дворец не спал, был ульем активности, несмотря на темноту. За окнами слышалось ржание лошадей, которых готовили к бою, а потом раздался крик Рэкхема.

— За бога! — вопил он. — За короля! За страну!

Его мужчины ревели в ответ, дворец содрогался от звука. Они знали лучше всех, что победа почти у них.

— Не понимаю, — сказал Габриэль.

Я вздрогнула. Я не понимала, что он рядом со мной.

— Что не понимаете?

Он с горечью посмотрел на меня.

— Как вы согласились выйти за Рэкхема.

Он думал, что у меня был выбор. И я не должна была говорить, что это не так, иначе он выведает, что у меня нет магии.

— Не будем тратить время на разговоры, — сказала я. — Разве мы не должны начинать Великое делание?

— Да, — от упоминания алхимии Габриэль немного взбодрился. — Потому я и пришел, увести вас и сэра Исаака. Времени мало.

Сэр Исаак тоже об этом подумал, потому что сказал со стороны короля:

— Певчая, нам пора в лабораторию. Нельзя тратить ни минуты.

Он слишком спешил и пошел впереди короля, направляя меня в лабораторию. Король не возражал. Он шел позади и обсуждал алхимию с Габриэлем, их сапоги стучали по полу.

Я вскинула голову, когда мы проходили дверь, и заметила Марджери на балконе. Увидев меня, она убежала. Я подавила вскрик.

— Вы в порядке, Певчая? — спросил сэр Исаак.

— Я... чуть не упала.

Сэр Исаак протянул мне руку, мы приближались к лестнице. Я думала лишь о том, что нам нужно скорее попасть в лабораторию. Я опередила сэра Исаака и побежала туда.

Я не дам Марджери или кому-нибудь еще остановить меня.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ ВЕЛИКОЕ ДЕЛАНИЕ

Увидев нас, страж открыл дверь. Сэр Исаак миновал его и провел меня в комнату.

Я словно попала во владения дьявола. Здесь воняло еще хуже, в темноте пылала печь, напоминая адское пламя. Сэр Самюэль потел в кожаном плаще, но раздувал огромные меха. Они хрипели, как мифическое существо, словно огненная печь была драконом, что вот-вот поглотит нас.

Сэр Исаак опустил ящик с бумагами Фламеля.

— Доктор Пенебригг здесь?

— Наверху, — выдохнул сэр Самюэль, давя на меха.

Пенебригг на вершине лестницы закрывал высокие окна. Я и без этого не слышала Темзу. Я потеряла и те крупницы, что слышала? Моя сила не испортит Великое делание?

Только бы Сивилла не ошиблась. Только бы моей силы хватило.

Тут и там стекло ловило красный свет огня, когда Пенебригг помахал нам, его очки странно сияли.

— Я все проверил, — крикнул он Исааку. — Планеты почти над нами.

— Как я и предсказывал, — сэр Исаак сверился с карманными часами. — Нельзя терять время. Лорд Габриэль, смените сэра Самюэля?

Габриэль сбросил плащ и закатал рукава. Сэр Самюэль с радостью освободил место. В руках Габриэля меха заработали быстрее, огонь в ответ поднялся выше.

Сэр Исаак поднес свечу к огню дрожащей рукой.

— Мы должны идеально видеть работу.

Он поставил зажженную свечу на стол, в ярком круге света я видела Золотой тигель. Рядом с ним были другие, простые тигели, а еще ряд бутылочек и флаконов с загадочными веществами.

Сэр Исаак поймал мой взгляд.

— Первая часть Великого делания будет в обычных тигелях, — объяснил он. — А последняя часть, четвертая стадия, требует Золотого тигеля.

— И тогда нужна я?

— Точно. Мне потребуется ваша помощь не только в этом. Будьте рядом, будьте готовы действовать, как я скажу, — он провел взглядом по предметам на столе и позвал сэра Самюэля помогать ему с переливанием одной бутылочки в другую.

Пенебригг спустился с лестницы и смотрел вместе со мной, его очки блестели в свете огня.

— Дорогуша, — тихо сказал он. — Мне жаль, что так вышло. Вы с Натом...

— Его не нашли? — прошептала я в тревоге.

— Нет, нет, — сказал Пенебригг. — Говорят, его видели в Лондоне, но его еще не поймали.

Я думала, что он отправится в Голландию, а не в Лондон. Но отчет мог быть неправильным. Лишь бы он был невредимым. Пусть продержится, пока я не смогу защитить его.

— Все готово, — сообщил сэр Исаак. — Ваше величество, приготовите медь?

Король взялся за задание, он опускал щипцами полоски меди в тигель с помощью сэра Самюэля.

— Лорд Габриэль, можете остановиться, — сказал сэр Исаак. — Огонь разогрелся, вы нужны нам здесь. У вас самые уверенные руки, — я видела, что его руки дрожали еще хуже. — Это первая стадия, — сказал он, когда Габриэль подошел к нам. — Вы знаете, что делать.

Габриэль поднял бутылочку с жидкостью, похожей на воду, но только внешне. Он налил немного в мензурку, а потом поднес это к тигелю с медью.

— Стойте, — сказал сэр Исаак. — Вылить должна Певчая. Все женские элементы, по словам Фламеля, должны добавляться женщиной.

Вещество, похожее на воду, было женским? Я этого не понимала. В воздухе едко пахло, и тут я вспомнила.

— Это аква фортис? — спросила я.

Сэр Исаак, немного удивившись, кивнул.

— Да. Лорд Габриэль, отдайте ей мензурку.

Габриэль неохотно отдал ее. Он еще злился из-за моей грядущей помолвки с Рэкхемом? Или боялся, что я испорчу эксперимент?

А я могла его испортить. Меня могли подвести руки, а не нехватка магии. Мензурка была скользкой. А если я уроню ее?

— Наливайте в тигель, — приказал сэр Исаак.

Он был в своей стихии, но не я.

— Все сразу, — спросила я, — или понемногу?

— Все сразу, — чуть нетерпеливо сказал сэр Исаак. — Но не быстро, чтобы не было брызг. Все должно остаться в тигеле.

— Если брызнет из сосуда, — добавил сэр Самюэль, — обожжет кожу. Как только

закончите, отойдите, ведь поднимется адский дым.

Я замешкалась, помня дым от эксперимента лорда Габриэля.

Пенебригг улыбнулся мне.

— Не бойтесь, дорогуша, наливайте, и мы вас прикроем, если будет нужно.

Я взяла себя в руки и налила кислоту. Она зашипела на меди, едкое зеленое облако полетело вверх. Я отпрянула и чуть не сбила короля.

— Закройте лицо, — сказал Пенебригг, поднимая руку. — Не вдыхайте дым.

Другие тоже закрыли лица, кроме сэра Исаака, который забрал у меня мензурку.

— Сэр Самюэль, вы готовы?

Закрывая нос, сэр Самюэль бросил в тигель что-то, и дыма тут же стало меньше.

— Теперь вы, лорд Габриэль, — приказал сэр Исаак. — Опустите тигель в огонь.

Лорд Габриэль тяжелыми щипцами поставил сосуд в печь. Дым стал гуще на пару мгновений, а потом пропал.

— Минута, — сэр Исаак считал по карманным часам. — Два... три... четыре... Вынимайте!

Габриэль вытащил тигель из огня и поставил на железную подставку. Это было непросто. Алхимики окружили стол. Я подошла к ним и увидела угольно-черную пыль на дне тигеля.

— Черная ворона, — удовлетворенно сказал Пенебригг.

— Черная, как ночь, — сэр Самюэль погладил свой фартук, словно он был из шелка.

— Да, первая стадия достигнута, — сэр Исаак оглянулся на печь. — Но работы еще много. Нужно двигаться быстро. Сэр Самюэль, добавьте порошок?

Следующая стадия была как первая, я добавляла жидкости, а мужчины — остальные составляющие. В этот раз в конце не было ужасного дыма. Зато вскоре, почти чудом, черный порошок стал белым.

— Белый лебедь, — выдохнул сэр Самюэль.

— Белый, как снег, — потрясенно сказал корль.

— Следующая стадия, — торопил сэр Исаак. — Цитринитас, желтизна.

Еще больше жидкостей и порошков, огонь, испарения, смешивание... и содержимое тигеля стало густым и желтым, будто там были яичные желтки.

— Золотое солнце, — отметил Габриэль.

Пенебригг ослеплено моргал.

— Мы очень близко.

В комнате ощущался восторг. Я тоже это чувствовала. Работа захватывала, и я почти забыла о страхе.

Нужно первым его коснуться. Я напоминала себе. Нужно первой коснуться камня. Это ведь будет просто, если тигель держать буду я?

— Четвертая и последняя стадия, — сэр Исаак до этого был самым бесстрастным, но теперь и его голос дрожал от эмоций. — Певчая, вы должны держать Золотой тигель. Крепко держите обеими руками. Лорд Габриэль, нужно влить туда желтую жидкость.

Тигель был тяжелее, чем выглядел. Я обхватила его как можно лучше, но за гладкие бока держать было сложно. Я начала снова переживать, что все испорчу, уронив. Крепче сжав тигель, я старалась ровно держать его, пока Габриэль лил.

— Вот так, — голос сэра Исаака все еще подрагивал. — Доктор Пенебригг, добавьте содержимое зеленой фляги? Сэр Самюэль, помещаете содержимое?

Я держала тигель так крепко, что пальцы болели. Вскоре я отвлеклась от боли магией происходящего в тигеле: желтая жидкость стала прозрачной и оранжевой. Пенебригг поднес свечу ближе, и на поверхности вспыхнул синий и зеленый.

— Хвост павлина, — поразился Габриэль.

— Невероятно! — Пенебригг тоже был в восторге. — Я никогда такого не видел.

Мы несколько минут стояли очарованно у тигеля. А потом сэр Исаак отошел, хмурясь.

— Что-то не так? — я надеялась, что нет, и что сэр Исаак скажет, что работа почти закончена, ведь боль в ладонях поднималась по рукам к шее.

— Трансформация не завершена, — он хмурился все сильнее. — Цвет должен меняться.

— Да, на идеально красный, — Габриэль следил за жидкостью.

Король тоже смотрел на тигель.

— Не вижу красного. Только оранжевый, синий и зеленый.

— Мы ошиблись? — размышлял вслух Пенебригг. — Может, что-то не так измерили?

Сэр Исаак сверился с карманными часами и покачал головой.

— По времени все идеально.

— Тогда ингредиенты, — сказал Пенебригг. — Может, не то взяли?

Сэр Исаак снова покачал головой.

— Все ингредиенты были много раз проверены. Это то же, что и у Фламелья.

— Тогда мы что-то сделали не так, — сказал сэр Самюэль. — Ничего не происходит.

— Наверное, из-за ауры, — медленно сказал сэр Исаак. — Разлад в качествах каждого из нас мог испортить работу.

Могло это быть из-за меня? Моя слабость задерживала Великое делание? От одной мысли я застыла, тигель выскользнул из моих рук.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ ТИГЕЛЬ

— Осторожно! — предупредил сэр Исаак, я впилась в тигель.

— Она устает, — сказал Габриэль.

— Да, — сэр Исаак взглянул на меня. Мои щеки пылали не от жара. Он подозревал, что я была слабым звеном?

Видимо, нет, ведь он повернулся к остальным и сказал:

— Ваше величество, джентльмены, вам придется уйти.

Король расправил плечи.

— Уйти? Зачем?

— Думаете, дело в нас? — возмутился Габриэль.

— Нет, нет, — сказал сэр Исаак. — Не обижайтесь. Дело в равновесии. Фламель писал что только алхимик и помощник, мужчина и женщина, заканчивают работу. Я думал, что количество людей не влияет на работу, но, похоже, это не так. Может, здесь слишком много энергий.

— Не вижу смысла, — начал Габриэль, но его остановил король, вскинув руку.

— Если думаете, что это поможет, — твердо сказал король, — то мы, конечно, уйдем.

— Не далеко, — сказал сэр Исаак. — Можете подождать за дверью со стражем.

Король увел их, остальные не возражали, хотя на лице Габриэля было недовольство. Они скрылись за дверью, и я ощутила слабый прилив силы, а с ним и надежду. Может, сэр

Исаак был прав? Дело было не во мне, а в равновесии в комнате?

Мужчины ушли, и сэр Исаак закрыл дверь за ними, запер на засов.

— Чтобы не подсмотрели, — сказал он, заметив мое удивление. — На их месте мне было бы сложно удержаться, но они могут помешать в важный момент и все испортить.

Он подошел ко мне и заглянул в тигель.

— Ах, что-то меняется... отлично!

Что-то происходило, и я не только видела это, но и чувствовала. Вес тигеля стал меньше, в нем жидкость закружилась, над ней поднялся легкий пар, как туман.

— Выглядит как океан, — сказала я, под туманом жидкость была темно-бирюзовой.

— Да, — сэр Исаак был очарован зрелищем.

— Разве цвет не должен быть красным? — чем больше я смотрела на жидкость, тем сильнее кружилась голова.

— Дайте ему время, — прошептал сэр Исаак. — Немного времени.

Я кивнула, но голова кружилась только сильнее. Это из-за запаха пара? Или из-за силы Великого делания? Или от усталости?

Только не отпускать тигель. Но голова кружилась так, что меня начало мутить, я пошатнулась.

— Не роняйте его! — крикнул сэр Исаак. Его руки накрыли мои на тигеле.

Наверное, его слышали за дверью, ведь там была суета. Я не слышала их слов, они были слишком приглушенными, а мне было плохо. Голова кружилась, тигель упал бы, если бы сэр Исаак не стоял напротив меня, придерживая мои руки.

— Еще немного, — сказал сэр Исаак, содрогнулся, но его пальцы остались сильными на моих. — Изменения начались.

Продержусь я до конца? За высокими окнами наверху небо из черного становилось синим, близился рассвет. Я посмотрела на сосуд, надеясь увидеть, что жидкость стала алой. Но она оставалась бирюзовой, туман сгущался, как на море в бурю...

...а потом пар закружился, и я падала в него разумом, глубже и глубже, и это я связывала с гаданием. Я пыталась вырваться, но не могла. От головокружения я падала только быстрее.

Что не так?

Я не задавала вопрос вслух, но он звучал во мне, как колокол: «Что не так?».

Словно в ответ на мерцающей жидкости появилась картинка. Я чуть не застонала при виде нее, я уже дважды ее видела: король и королева душат друг друга. Но в этот раз их синие лица стали узнаваемыми. У короля было лицо сэра Исаака, а у королевы — мое. Я смотрела в ужасе, как сэр Исаак душит меня, сбивает мою корону ножом. Моя кровь полилась на его ладонь с кольцом с жемчугом.

Жидкость в тигеле заплескалась.

— Осторожно! — крикнул сэр Исаак.

Я вскинула голову.

— Вы, — я все еще была под впечатлением от увиденного. — Из-за вас все не так. Вы что-то со мной делаете. Что-то ужасное.

Сэр Исаак растерялся.

— Дорогая Певчая, это не имеет смысла.

Сомнение попыталось пробраться в меня. Но картинка была четкой. Я не могла игнорировать ее.

— Что-то не так, — сказала я. — Я хочу остановиться.

Я попыталась отпрянуть, и смятение сэра Исаака пропало. Это была лишь маска. Под ней был безумный взгляд убийцы из моих видений.

— О, нет, — он сжал руки, придавливая мои пальцы к тигелю. — Вы не остановитесь. Пока мы не закончим. Смотрите! Снова меняется. Мы сделали это!

Жидкость изменилась, теперь она была яркой, белой.

— Это не красный, — сказала я. — Это не философский камень.

— Нет, — сказал сэр Исаак. — Это важнее. Это эликсир Певчей.

— Что?

Я смотрела на него в потрясении, а он схватил тигель. Обняв его одной рукой, он вытащил из плаща прекрасную жемчужину. Я не успела отпрянуть, он прижал ее к моей ладони. Моя голова опустилась, мышцы ослабели. Я рухнула на пол.

— Вы прекрасно всех убеждали, что у вас еще есть магия, — тихо сказал сэр Исаак. — Но я знаю правду. Из-за этого талисмана вы не слышали музыку, он путал ваши ощущения. А его прикосновение вас ужасно ослабило. Вы не можете противостоять мне.

Я в ужасе попыталась откатиться от него. Волна тошноты накрыла меня.

— Лежите на полу, так жалко, — он прижал тигель к груди. — Вы не знали о талисмани, да? У Рэкхема камень был годами, он никому не говорил о нем, а я понял, для чего он. Редкая штучка, хотя я не знал и доли того, что он может делать.

— Вы с Рэкхемом? — прохрипела я. — Вы сговорились против меня?

— Я с этим олухом? — с отвращением ответил сэр Исаак. — Нет уж. Я дал ему снотворное прошлой ночью и забрал камень. Он верит, что талисман все еще на его пальце, я заменил его обычной жемчужиной, и он никогда не заметит разницы. И он не догадался бы, что силы талисмана можно увеличить алхимией. Только истинным знатоком, конечно, хотя я понял это всего неделю назад, — он навис надо мной с улыбкой победителя. — А вы все это время ничего не знали. И не слышали гудение.

Гудение? Я слышала его у моря в Норфолке, в реке у охотничьего поместья короля. Это был талисман?

— Я его слышала, — выдавила я.

— Да? — он был немного удивлен. — Ну, ну. Создание талисмана — процесс долгий, оно сильно влияет на стихии, эффекты могут растекаться на сотни миль. Когда процесс закончен, Певчая ничего не слышит, но пока это происходит, она может уловить гудение, как вы. И это должно предупредить ее.

Должно было. Я пыталась вяло оттолкнуться от пола.

Он оскалился.

— Но вы не знали, что с этим делать, да? Это доказательство, что такая глупая девочка не заслуживает магии. Ей лучше быть в руках такого человека как я, рассудительного и мудрого. Я же гений, и все это признают, — он маниакально улыбнулся. — Гений и магия — вот это сочетание будет!

Он сошел с ума? Я надеялась на это. Но смутно вспомнила слова Сивиллы о передаче силы Певчей мужчине. Способ был утерян, так она говорила...

— Вы знаете, как это делать, — мне снова было плохо. — Как забирать магию Певчей.

— Да, — с важным видом кивнул сэр Исаак. — Он был в бумагах. Пара страниц казалась сперва лишеной смысла. Но я постепенно разгадывал текст в них. Намеки были так скрыты, что вряд ли кто-то еще понял бы их, но все там было. Конечно, передача сил не

произойдет, если у мужчины нет крови Певчей, даже слабой. Но у меня, к счастью, это есть.

Да?

— Вы этого не говорили.

Он пожал плечами.

— А зачем, если у меня не было силы? Ужасная несправедливость, так я всегда считал, что у мужчин не было магии. Но я скоро это исправлю.

Я лежала на полу, голова была у колен, и я вспомнила другие слова Сивиллы.

— Я бы не была так уверена. Я должна отдать силу по своей воле, так говорилось в старых записях. Этого я не сделаю.

— Уже сделали, — его глаза торжествующе сияли. — Вы помогли сделать эликсир по своей воле. Бороться вы стали слишком поздно, процесс уже шел. Доказательство, эликсир, перед вами. Ему осталось лишь минутку настояться, и тогда я заберу себе вашу магию.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ ЭЛИКСИР

Сэр Исаак обошел мое тело, острые носки его сапог проходили в дюймах от моего лица. Он поднес талисман ко мне, и он двоился перед моими глазами.

— Шарик сильный, признайте, — сказал он. — Но и с ним было сложно достичь успеха. Я думал, что не смогу заманить вас сюда, к лаборатории, чтобы выполнить необходимую работу. Совет спорил, но король настаивал, что вы должны оставаться в Норфолке, потому что вы так хотели, а он обещал вам убежище там. И я боялся, что, если скажу ему, что вы нужны для Великого делания, он решит посмотреть бумаги. А потом Нат, Пенебригт и остальные начнут задавать неловкие вопросы, — он снова опасно улыбнулся. — Но я придумал, что можно украсть тигель, и это сработало. Король вызвал вас, а потом не дал уйти, когда вы захотели.

Я потрясенно смотрела на него.

— Вы украли тигель?

— Да. И я испортил семена лунного шиповника, но намного раньше, если бы вы пришли раньше, чем я был готов, — он говорил, гордясь своей гениальностью. — А потом я подбросил тигель в комнату Ната. Все думали, что я спал из-за яда. Но я отравил себя сам, доза была небольшой. Как только меня все оставили, я воспользовался шансом избавиться от Ната. Он слишком уж умен.

— А король?

Сэр Исаак пожал плечами.

— Он мне мешался. Ничего. Время пришло, — обнимая тигель, он склонился ко мне, потянулся за моей ладонью. — Эликсир готов. Осталось лишь опустить в него ваши пальцы, и магия перетечет в меня.

— Этого не будет, — паника придавала силы, и я поднялась с пола.

— О, вот уж нет! — он вскинул талисман. Он скользнул по моей коже, и мир покачнулся под ногами. Я упала назад, вскрикнув, и задела стол. Мне было плохо, бутылочки полетели на пол.

Бутылочки... флаконы...

Он потянулся ко мне, а мои пальцы нашли правильную: аква фортис.

— Не смей! — прокричал он.

Я бросила в него бутылочкой. Она разбилась о тигель, кислота пролилась на ладонь сэра Исаака, на ладонь с талисманом. Сэр Исаак завопил, скорее от ярости, чем от боли, ведь от кислоты талисман превратился в дым.

И когда он пропал, музыка наполнила мир. С радостью, облегчением и восторгом я слушала Дикую магию вокруг себя, каждая нота была четкой и прекрасной: занятые мелодии зелий в бутылочках, треск огня, чарующая песня голубого эликсира. Их окружала, пронизывала и соединяла река Темза, которую было слышно за окнами, старая река прилиwała.

Я открылась музыке, но рука сэра Исаака обхватила мое запястье. Он был больше меня, сильнее, почти обезумел от жажды силы. Даже без талисмана он мог победить, и он это знал.

Но и я знала свою силу. Я тянула силу, пульсирующую в Дикой магии вокруг меня. Я тянула силу из себя. И я запела.

В Норфолке я не доверяла себе. Я делала то, что было безопасным и легким. Теперь я доверяла своим инстинктам, и песня, которую я выбрала, была самой сильной из тех, что я слышала: песня звала великую реку защитить меня от врагов.

Музыка была дикой, древней как сама река. Она окружала меня, мы с рекой черпали силы друг из друга.

Но и сэр Исаак набрался сил. Из отчаяния. Я пела, а он тянул мою руку к эликсиру. Наши сцепленные пальцы приближались к поверхности.

Я собрала все, звала реку к себе...

...и он а пришла, ударилась в стены и потолок, полилась через пробитые камни. Сильная и решительная, вода двигалась, как живое существо, и высокая волна ударила по сэру Исааку и мне.

Ломалось дерево, крошились камни, падали на пол горшки. Остался лишь рев реки, рев, плеск, ил и пена, волна накрыла нас.

Я думала, что мы утонем, но вода впиалась в наши сцепленные руки и отбросила меня в сторону. Ей нужен был только один из нас. Я держалась за железное кольцо в стене, а волна обрушилась на сэра Исаака, тигель и все остальное и потащила его к руслу реки.

Кашляя и отплевываясь, я в мокром платье подбежала к разбитым стенам и увидела, что Темза вернулась к берегам в бледном свете рассвета. Река содрогнулась, словно ворочалась во сне. И Темза стала собой, сильным потоком текла в море, и только разбитые стены и влажные следы на полу показывали, что она делала что-то другое.

† † †

Казалось, прошла вечность, но на деле вряд ли это была минута, и я слышала свое имя.

— Люси!

— Нат? — я в потрясении повернулась и увидела трещину в двери, испуганное лицо Ната над ней. За ним виднелись король, Пенебригг, сэр Самюэль, Габриэль и страж по имени Поттс, все смотрели на меня и разбитые стены в потрясенной тишине.

Я выпрямилась.

— Вы видели? — сказала я.

— Видели, — Нат сунул руку в трещину и убрал засов, он распахнул дверь. На его щеке была царапина, на челюсти — желтеющий синяк, но других ран не было. — Ты в порядке? Я думал...

Он замолчал с болью в глазах. Остальные прошли за ним, все еще в тишине глядя на

меня. Они держались на расстоянии. А как иначе? Они видели, как я призвала стену воды и уничтожила одного из них.

— Я должна была сделать это, — сказала я. — Он не делал философский камень...

— Мы знаем, — сказал король. — Нат показал нам книгу. И мы тогда уже встревожились. Мы не слышали ваш разговор, но вы звучали испуганно.

Я повернулась к Нату с вопросом во взгляде.

— Книга?

— Все здесь, — Нат поднял книгу размером с ладонь. — Почерком Габриэля.

— Габриэль? — я опешила. Он тоже был частью заговора?

— Я не знал, — карие глаза Габриэля просили поверить ему. — Я только переписал то, что видел. Я не хотел навредить вам, обещаю.

Я слышала в его словах звон правды, а еще ноту страха. Он боялся меня. Все они хоть немного боялись.

Кроме, наверное, Ната. Он смерил Габриэля тяжелым взглядом.

— Да. Мы забрали ее у него, он, похоже, просто переписал бумаги сэра Исаака. Судя по его попыткам перевода, он не понимал ни слова.

Габриэль, казалось, хотел ударить Ната. Но он сдержался.

— Шпион? — испугалась я. — Королевы Швеции?

— Он для себя, — сказал Нат.

Габриэль покраснел, но не отрицал.

— А почему нет? — сказал он с бледной тенью своего прежнего чванства. — Если бы вы могли потерять состояние, земли и дом, то тоже действовали бы.

Нат его не слушал.

— Он хотел сделать свой философский камень. Так было в его записях. И когда он узнал, где сэр Исаак прячет ящик, понял шифр и решил, что все получилось. Но он не мог прочесть бумаги, не так хорошо, чтобы узнать, что ему нужно.

— Они были на дьявольском коде, — пожаловался Габриэль. — Я мог лишь скопировать их, — он с обвинением направил палец на Ната. — А потом ты украл мою книгу.

— Я видел, как он ее прячет, — сказал мне Нат. — После того, как мы... перед ночью, когда меня нашли с тигелем.

Мои щеки вспыхнули, я вспомнила, что мы тогда сказали друг другу, как я отказалась идти с ним, и он оставил меня, потому что думал, что он мне безразличен.

— Я думал, что лучше узнать, что так его интересует, — сказал Нат, — и я взял книгу посмотреть, но тут меня начал преследовать весь дворец. Ты знаешь, как так вышло.

— Я знаю не все, — сказала я. — Ты смог сбежать?

— Да. Я ушел с книгой в укрытие в подвалах Гринвича.

— Ты все время был там? — я была удивлена. — Как ты прятался?

— У меня есть несколько друзей на кухне. И в страже, — они с Поттсом обменялись улыбками. — Это помогло.

Я кивнула. У Ната были неожиданные друзья, ведь для него не имел значения титул. Он скорее дружил бы со слугой, чем с королем, и это мне в нем нравилось.

— Я скрылся и начал расшифровывать бумаги, — сказал Нат. — И тогда я понял, что сэр Исаак не делает философский камень, он создавал эликсир, что ворует силы Певчей.

— Я не знал, — снова сказал Габриэль. Он раскинул руки, словно показывал, что не

хотел навредить.

— Я вышел из подвала, — рассказывал мне Нат. — Почти рассвело, я боялся, что опоздаю. И я мог только идти сразу сюда. Все суетились, и не было проблем, пока я не дошел до лестницы. Там были проблемы, но, к счастью, сержант Поттс был на посту, и я добрался до короля. И он, к счастью, выслушал.

Король продолжил:

— Когда он показал нам книгу, мы не могли поверить. Но мы решили, что странно, что сэр Исаак запер дверь, а потом слышали крики. И объяснение Ната было логичным.

— И мы начали выбивать дверь, — сказал сэр Самюэль. Я увидела следы на дереве.

За очками глаза Пенебригга были встревоженными.

— Мы хотели вас спасти, дорогуша.

— Но ты спасла себя, — сказал Нат.

Да. Я нашла силу.

Нат пристально смотрел на меня, и я, казалось, видела в его глазах гордость и сожаление, но мы стояли слишком далеко, чтобы я увидела больше. Я не успела шагнуть к нему, король сказал:

— Где бумаги Фламеля?

— Вряд ли они Фламеля, — сказал Нат. — Они древнее, чем эти.

— Сэр Исаак приносил их сюда, — сказала я. — Наверное, их забрала река.

Мы долго смотрели на хаос там, где была лучшая лаборатория алхимии в Европе. Не было видно ящика с бумагами. Даже большая огнедышащая печь теперь была грудой кирпичей и гнutoго металла. Слякоти, тигели и щипцы были разбиты.

— И все же, — сказал король, — думаю, стоит обыскать комнаты сэра Исаака. Кто знает, что еще у него есть?

† † †

Король шел вверх, мы следовали за ним. Я думала, что Нат заговорит со мной, но он шагнул последним. Может, следил за Габриэлем. Или ждал, пока мы останемся наедине.

— Вы замерзли, Певчая? — спросил король.

Я дрожала.

— Боюсь, река промочила меня насквозь.

Король впервые посмотрел на мою мокрую одежду.

— Да. Вам нужно переодеться.

Он настоял проводить меня до комнат. Мы шли по дворцу, люди освобождали путь. Я слышала шепот вокруг:

— Певчая... волна... поднялась из Темзы... выше Восточной башни... магия.

Мы добрались до моей двери, король приказал стражам уйти. Они тут же послушались. Судя по их лицам, они тоже слышали об огромной волне.

— Найдите нас, когда будете готовы, — сказал мне король.

В комнате было пусто, но мне и не нужна была служанка, чтобы одеться. Я выбрала единственную одежду, которую нашла — свое шелковое платье цвета шелковицы — а потом укуталась в обычный походный плащ для тепла.

Когда я пришла к комнате сэра Исаака, там все было перевернуто. Нат и Габриэль нашли важные предметы: две шкатулки в форме книг. В одной были разные яды и противоядия. В другой — ключи в шерсти, кроме всех ключей, что открывали сундук с лунным шиповником.

— Он явно делал копии, — сказал мне Нат. — И мы думаем, что он мог ядами убрать сэра Барнаби. Сэр Барнаби знал сэра Исаака лучше всех нас, он бы заметил, что что-то не так.

— Сэру Барнаби можно как-то помочь? — спросила я.

— Не знаю, — Нат закрыл дверцы шкафа у подножия кровати сэра Исаака. — Надеюсь на это.

— Как он мог столько всего сделать? — Пенебригг качал головой, глаза за очками потускнели. — И как я мог быть так слеп? Дорогая моя, — он повернулся ко мне, — мне очень жаль.

— Он обманул всех нас, — сокрушенно сказал сэр Самюэль.

— Потому что мы ему позволили, — тихо сказал король.

Сэр Самюэль начал отрицать это, но Пенебригг перебил его.

— Король прав. Сэр Исаак говорил нам то, что мы хотели слышать, и мы ему верили. Мы должны были понять, что он обещал нам нечто слишком хорошее для правды.

— Один из нас догадался, — король смотрел на Ната. — Я это не забуду.

Нат не успел ответить, в комнату ворвался лорд Роксбург.

— Ваше величество! — он безумно подбежал к королю. — Я всюду вас искал. Что нам делать? Боудикка разбила нашу армию. Она схватила лорда Рэкхема.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ БОУДИККА

Я уставилась на лорда Роксбурга. Рэкхема схватили?

— Не может быть! — сказал король.

Роксбург заламывал руки.

— Это правда. Я оттуда. Приехал сообщить, — его глаза были в ужасе. — Это случилось на рассвете, в миле отсюда, на берегах Темзы. Мы загнали Боудикку, ее и несколько ее человек. И Рэкхем отдал приказ стрелять. Но над рекой поднялся туман, и началось смятение, — он с горечью закончил. — Наверное, Боудикка призвала его.

— У нее есть магия? — воскликнул король.

— Никто не видел, чтобы она что-то делала, — признался Роксбург. — Но она как-то должна была вызвать тот туман, Ваше величество. Он появился внезапно, а когда пропал, она стояла выше, и за ней была ее армия. И она схватила Рэкхема. Один из наших людей видел, как его утащили. Как женщина могла это сделать без магии?

С удачей и лидерством. И, да, магия тоже могла быть вовлечена. Но чья? Ее или моя?

Защити меня от моих врагов. Это я пела реке на рассвете. Могла она не только забрать сэра Исаака, но убрать и Рэкхема? Моя магия простиралась так далеко? Я вспомнила силу песни реки и подумала, что такое было возможно. Магия или нет, но и Боудикка была впечатляющей.

— И там все не закончилось, — рассказывал Роксбург. — Из-за тумана наша линия нарушилась, других тоже схватили. Когда наши увидели, скольких потеряли, кто в заложниках у Боудикки, они убежали. Не сомневайтесь, скоро Боудикка придет к воротам.

Только тогда он понял, где он.

— А почему вы в комнате сэра Исаака? Это из-за камня? Вы его сделали?

— Нет, — тяжело сказал король. — Камня нет. И не будет.

— Нет камня? — вскричал Роксбург. — Но что тогда? Боудикка нападет, а нам нечем торговаться. Наши люди разбежались, ее последователей больше.

— Вы забываете, что у нас есть Певчая, — король с тревогой повернулся ко мне. — Вы говорили, что вблизи сможете одолеть Боудикку магией. Вы должны помочь нам.

— Да, — Роксбург повернулся ко мне, его глазки были умоляющими. — Сделайте это! Покончите с этой гадюкой Боудиккой раз и навсегда.

Я чуть не сказала им правду, что призыв великой волны истощил меня. Моя сила не угасла полностью, я еще слышала музыку реки, хоть окна сэра Исаака были закрыты, но она вернется полностью спустя часы, а то и дни. И хотя я хотела, я сомневалась, что я смогу сейчас одолеть целую армию.

Вместо этого я глубоко вдохнула. Если у меня есть сила, даже если это иллюзия, я должна использовать ее мудро.

— Нет, — сказала я.

Король застыл.

Роксбург надул щеки в гневе.

— Вы не можете перечить королю!

Я не слушала его и заговорила с королем Генрихом:

— Конечно, я сделаю все, чтобы защитить вас, Ваше величество. Но, как вы сами часто говорили, лучше говорить, а не сражаться. Предложите ей встречу, и я пойду с вами. Может, удастся договориться.

— Нет! — крикнул Роксбург.

Король смотрел не на него, а на меня.

— Что я могу ей сказать? Без камня мне нечего предложить ей.

— У вас есть больше, чем вы думаете, — сказала я. — Вы можете продать дома и камни. Вы можете сказать придворным сделать так же. И перестать тратить сокровища на постройку крепостей.

Король встревожился, особенно, из-за последнего.

— Рэкхему последнее не понравится.

— Сейчас он возражать не может, — сказала я. — Как вы и говорили, всем нужно искать компромисс.

— Но откуда нам знать, что Боудикка примет наши компромиссы? — спросил король. — А если она ожидает большего? И что делать, если в следующем году урожай нас подведет?

Стоя за нами, Нат подал голос:

— Я могу кое-что предложить, Ваше величество.

† † †

Три часа спустя король и Боудикка встретились на вершине холма Гринвича. При переговорах их армии стояли внизу, вдали друг от друга, люди короля были лучше вооружены, но у Боудикки людей было больше.

На собрании нас было меньше пятидесяти. Я была здесь, как и Нат. Мы забрались на вершину, и я заметила внизу Рэкхема, связанного, за рядами людей Боудикки, его лицо было красным от гнева.

Половину утра с помощью белых флагов организовывали переговоры. Еще половину утра шли разговоры насчет встречи. Король слушал. И я, по его просьбе, стояла рядом с ним.

Боудикка была ниже, чем я ожидала, старше и проще. Она говорила тихо, что было

интересно для главы вооруженных мужчин. Когда мы приблизились, я ощутила что-то еще. Она не могла применять магию. Туман все же был моим.

Боудикка была лишена магии, но у нее была настоящая сила. Было в ней что-то властное, что-то неотразимое. После пары минут в ее присутствии я могла понять, почему столько людей пошло за ней. Когда наши стороны встретились, она посмотрела мне в глаза, поприветствовала меня, мне показалось, что она увидела меня насквозь. Но то, что она увидела, она оставила при себе.

Мы были единственными женщинами здесь, остальные были мужчинами. Это ее не беспокоило. Боудикка была уверена в себе, она говорила с акцентом королю, что была рада, что он позвал ее. Она была уверена, что он хотел знать, как его подданные — ее последователи — страдают. И она была уверена, что он, поняв их беды, поможет им.

Король, наверное, боялся, что она попросит у него исправить все за день. Но она была мудрее, у нее был практичный склад ума. Она приняла его предложение приостановить постройку крепостей. Она согласилась, что голодным поможет, если он продаст некоторые королевские поместья и камни. И она тут же поняла важность предложения Ната — картофеля.

— Урожай тройной, как и у пшеницы? — сказала она. — Вы уверены?

— Да, — сказал Нат. — В поле урожай картофеля тройной. И ему не страшна болезнь пшеницы. Даю слово.

Она смотрела на коричневые овощи, этот небольшой запас Нат привез в Гринвич, чтобы убедить короля и Совет в пользе картофеля. А потом она оценила взглядом Ната, как успела сделать со мной. Он не дрогнул, встретив ее взгляд.

— У меня есть несколько мешков, которые уже можно взять, — сказал он, — и я могу заказать больше. Семена картофеля, готовые для посадки, и плоды, которые уже можно есть.

— И что вы просите за них?

— Ничего, — вмешался король. — Я все оплачу сам.

Боудикка кивнула, признавая это, и повернулась к Нату.

— Они вкусные?

Нат улыбнулся.

— Очень. И вам не нужно верить мне на слово: личный повар короля приготовил для вас немного.

Я не была с Натом, когда он разговаривал с поваром, но я слышала, что он старался уговорить его. Сначала повар не хотел трогать комки грязи. Он передумал, когда их приготовили, и он попробовал их.

Я смотрела, как Боудикка и король пробуют горячую жареную картошку с одной тарелки. Хотелось бы и мне попробовать. Пахло вкусно, и я поняла, что давно нормально не ела.

Но картофеля не осталось ни мне, ни кому-то еще, по отличной причине — Боудикке понравилось.

— Мы договорились? — сказал король над пустой тарелкой.

— Айе, — сказала Боудикка. — Договорились, — она махнула своим последователям привести Рэкхема.

— Ваши люди тоже согласятся? И мирно уйдут домой?

Боудикка кивнула с уверенностью прирожденной королевы.

— Да, ведь мы все уладили.

И мир был заключен.

† † †

На пути с холма Нат и король начали продумывать лучший способ организовать закупку и распространение картофеля. Я шла за ними, следя за Рэкхемом. Он повредил колено в плену, и его несли на носилках. Унижения дня утихомирили его, он отказывался смотреть хоть кому-то в глаза.

Во дворце Нат и король продолжили обсуждение, Пенебригт и сэр Самюэль помогали им предложениями. Члены Совета неподалеку тихо переговаривались, судя по их взглядам в мою сторону, речь шла обо мне. Я видела уважение, что граничило с восторгом в их глазах, но у некоторых оставался и страх.

Даже Сивилла подошла ко мне осторожно, но это скоро прошло.

— О, Люси, ты чудо! Я знала, что ты сильна, но это нечто совсем другое. Я так горжусь, и так рада, что ты в порядке...

Она обняла меня, согревая мое сердце. Но, когда я увидела, что Нат еще говорит с королем, к сладости момента добавилась горечь. Я была рада видеть, что Нат вернул свое положение в глазах короля и Совета, но было больно, что он не спешил подходить ко мне. Мы почти не разговаривали, покинув комнату сэра Исаака, хотя после случившегося это не удивляло.

Всего несколько часов. Дай время. Я отвернулась от Ната и вспомнила, что тревожилась еще за одного человека.

— Ты видела Марджери? — спросил я у Сивиллы.

— Нет. С прошлой ночи, когда мы были в твоей комнате. Она в порядке?

— Наверное, — сказала я. Но беспокоилась. Где она?

Я узнала, когда ушла в свою комнату. Стражи от двери ушли, но Марджери ждала меня внутри, сидела на стульчике у огня.

— Миледи, — ее лицо побледнело при виде меня, она сцепила руки на коленях. — Я слышала... говорят, камень не сработал. Но вы выглядите хорошо, миледи, и говорят, что это вы сделали ту волну...

В ее голосе был вопрос, и ему в ответ вопрос возникал в моей голове.

— Так вы слышали нас с Сивиллой, — я подошла к ней. — Я так и думала, но сомневалась.

— Да, миледи.

— Вы знали о камне. И что я потеряла силы. Но не рассказали Рэкхему?

— Нет, миледи, — она с силой покачала головой. — Я не могла. Вы же хотели мне помочь. И я знала теперь, что вам мешало.

— Я в долгу перед вами, Марджери. Я не забуду это, обещаю. Моя магия вернулась, и я сделаю все, что смогу, для вашей семьи.

— Так это сработало? — она сцепила руки еще крепче, но на ее лице была надежда. — Вы сделали камень?

— Нет, сэр Исаак... — как объяснить? — Оказалось, что он пытается предать короля, предать меня. Он и не собирался сделать камень. Но я все равно вернула силу.

— Так они не врут? — Марджери едва слышно шептала. — Волна... ваша?

— Да, — не было смысла скрывать. Правильно было рассказывать. — Я ее призвала.

Марджери смотрела на меня сияющими глазами.

— О, миледи.

Я не привыкла быть предметом восхищений, я пригладила юбки и села на кресло рядом с ней. Я все еще не понимала всей истории, и я хотела разобраться в этом.

— Марджери, почему вы покидали комнату прошлой ночью? И почему я вас видела на балконе?

Страх появился на ее лице.

— Миледи, помните, как вы послали меня за мисс Дэшвуд вчера? И как она сказала, что видела меня у комнат лорда Рэкхема?

— Да.

— Это правда. Я была там. Я подслушала его, говорящим в одной из комнат библиотеки. Он говорил ужасные вещи. Истинное зло.

— Он угрожал вам?

— Не мне, — сказала она еще тише. — Он не видел меня. И я не видела его. Но я его слышала. Он говорил о короле.

Я села прямее.

— О короле?

— Знаю, я должна была искать мисс Дэшвуд, — спешно сказала она, — но после такого я не могла. Было ужасно понимать, что мне никто не поверит, кроме, может быть, вас. И если вы пойдете к королю, а я окажусь неправа, Рэкхем точно убьет мою семью. И я знала, что нужно обыскать его комнаты. Найти доказательство.

— И вы нашли? — спросила я.

Марджери раскрыла ладони, и там была стопка бумаги.

— Не знаю, — она вручила бумагу мне. — Я попала в его комнаты перед рассветом и нашла это за его письменным столом. Они зашифрованы.

Я осмотрела страницы. Я не понимала шифр.

— Марджери, что он говорил?

— О смерти короля, миледи. И... о том, как сам станет королем.

Мы посмотрели друг на друга.

— Нам нужно идти к королю Генриху, — сказала я.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И МЕЧТЫ

— Измена, — сказал король шесть часов спустя. Был вечер, мы были одни в кабинете у его комнат, он сидел за столом, а я — в кресле рядом. После обыска комнат Рэкхема все стало ясным. Шифр разгадали, заговор раскрыли, и Рэкхем оказался в Тауэре. — Простая и настоящая измена, — тяжело продолжал король, выглядя старше своих лет. — Рэкхем хотел пристрелить меня во время пути к новым крепостям на севере весной. Это выглядело бы как засада мятежников. И он мог бы использовать армии и свою связь с Тюдорами, а то и брак с вами, чтобы сесть на трон.

Я кивнула. Часть заговора была мне ясна, хоть я и не знала все детали.

— Похоже, все мы чудом избежали этого.

— Хуже то, что Рэкхем работал не один, — сказал король. — Он был лидером, а с ним Роксбург, Ффоулкс или еще человек шесть. Они получают суд, конечно, но это ужасно. Рэкхем будет обезглавлен, да и остальные, наверное, тоже, — он склонил голову. — Мне стоило бояться не Боудикку с мятежниками, а своих аристократов. Даже главный алхимик оказался

предателем.

Предательства заметно потрясли его, и это было не удивительно. Кому теперь он мог доверять?

Ответ был очевидным, но я не видела его, пока король не повернулся ко мне.

— Мне нужна ваша помощь, Певчая, — он полистал документы перед собой, там были списки домов и сокровищ, которые должны были продать. — Эти планы будут популярны у народа, но не у знати. И они не будут рады, что я столько отдам обычным людям. Хуже того, они могут снова начать строить заговоры против меня. Будет сложно. Но станет проще, если вы будете здесь, Певчая.

— Потому что мятежные лорды не осмелятся пересекаться со мной?

— Да, — сказал он. — Это одна причина. Но мне еще нужны советники, которым я могу доверять. Я уверен, что вы хотите вернуться в Норфолк, и вы можете сразу отправиться туда, если хотите. Но я должен спросить: не останетесь ли вы при дворе чуть дольше? Поможете королевству в сложные времена?

Я хотела вернуться в Норфолк. Король был прав. И я верила в свою силу не так, как он, я знала свою слабость. Но я понимала, что за мое отстранение платилась цена мной и остальными. У меня была сила, даже если и неидеальная, и эта сила была нужна сейчас, а не в идеальном будущем. Как и любой другой, я должна постараться.

— Я останусь, — сказала я.

Король по-настоящему улыбнулся мне впервые за вечер.

— Если, — быстро добавила я, — мы решим еще одно дело.

Король настороженно посмотрел на меня.

— Какое?

— Мой брак.

Король взял другие документы.

— Должен сказать вам, что несколько членов Совета уже подходили и предлагали себя или своих сыновей...

— Ваше величество, я отказываюсь, — я приготовилась к буре.

К моему удивлению, король отложил бумаги и сказал.

— Я так и думал. Вы хотите сами решать, за кого выйдете замуж?

— Да.

Он поднял голову, синяки на его шее все еще было видно.

— А благо королевства?

Я посмотрела ему в глаза.

— Королевству не пойдет на благо, если Совет будет биться за меня, как за кость. Всем будет лучше, если я сделаю выбор сама.

Он не сразу заговорил.

— Наверное, вы правы. Конечно, такое обычно решают на Совете...

— Для королей, возможно, но не для Певчих, — перебила я. — Для Певчих так не делали.

Он задумался.

— Пожалуй, да. Тогда так и сделаем, вы сможете выбрать себе мужа, Певчая, но при одном условии.

Я напряглась.

— Каком?

Король улыбнулся.

— Вы заранее сообщите мне, кто это будет. Уже есть кто-то на примете?

— О, — я покраснела. — Нет, Ваше величество.

— Нет? — он был удивлен. — Судя по тому, как выглядел Уолбрук, когда прилетел вас спасать, я думал, что у вас с ним взаимопонимание.

Друг друга мы, может, понимали. Но наше будущее? Я не могла загадывать так далеко. У нас его и не было до этого времени.

А теперь я могла делать выбор, и я надеялась, что все получится.

— Что же, — сказал король, ведь я все молчала, — я не настаиваю. Но если решите выходить замуж, сообщите мне.

— Спасибо, Ваше величество.

Король отвернулся от меня с задумчивым видом, словно он уже был занят другими делами. Я встала.

Моя ладонь легла на дверь, а он сказал тихо и с большой печалью.

— Честно говоря, я завидую вашей свободе.

Я не знала, ждал ли он ответа, но зачем советник, если не для советов?

— Может, пора вам изменить правила и для королей, — сказала я.

Не дожидаясь ответа, я ушла.

† † †

Покинув короля, я отправилась искать Ната. Была почти полночь, но я думала, что он еще чем-то занят, не спит. Оказалось, что он уже уехал в Лондон по срочным делам насчет соглашения с Боудиккой. Он собирался отсутствовать почти всю неделю.

Я с силой ощутила разочарование. После встречи с Боудиккой я видела Ната только за столом на встрече или говорящим с другими членами Совета. Мы не остались вместе ни на миг, не было шанса даже попрощаться.

Не важно. Никто теперь не пытался выдать меня замуж силой, и у нас было время. Его не будет всего несколько дней. Я буду так занята, что и не замечу, что он уехал.

Я отчасти угадала, дни были очень занятыми. С утра до поздней ночи я встречалась с королем и теми, кто остался от Совета, и я почти не успевала думать о чем-то, кроме управления королевством. Но когда встреча заканчивалась, я думала, что делает Нат, думает ли он обо мне, а по ночам он мне снился: Нат, отворачивающийся от меня в тайной комнате, Нат, убегающий от стражи, Нат, запертый до дворца, и я не могла дотянуться до него...

Это только сны. Я пыталась себя убедить. Но они казались реальными. Я долго лежала в темноте и лишь потом засыпала.

† † †

На пятый день я рано закончила работу. Король заметил, как измождено я выгляжу, и попросил меня отдохнуть.

Когда я вернулась, Марджери вскочила, приветствуя меня, восторженно светясь. Она была теперь новым человеком, но не из-за награды, полученной за раскрытие заговора Рэкхема, а потому что знала, что ее семья в безопасности. Сын Рэкхема был теперь под опекой короля, а земли и имущество, как у всех предателей, принадлежало теперь короне. Хотя король хотел продать часть имущества, чтобы помочь людям, он пообещал Марджери, что ее семья останется под королевской защитой.

Становилось все сложнее помнить хмурую Марджери, которую я знала поначалу. Сегодня ее улыбка была шире обычного.

— Они здесь, миледи!

— Здесь? — я растерянно огляделась.

— Ваши новые платья. Портнихи закончили первую часть.

— Не красный шелк, — я с отвращением вспомнила подарок Рэкхема.

— Нет, нет. Я выбрала нечто другое, что вам очень подойдет. Идемте, вы увидите, — она прошла к кровати, где в свете вечернего солнца сияли светлые юбки. — Они закончили их как раз к вечернему балу.

— Бал?

— В честь дня рождения короля, — ее глаза расширились. — Вы же не забыли, миледи?

— Н-нет. Не забыла, — я была там, когда король организовывал праздник. Вместо вычурного банкета было решено устроить танцы. Но детали я пропустила. — Я выразила уважение и пожелала всех благ. Но я не собиралась идти танцевать.

Марджери расстроилась.

— Почему, миледи?

— О, я не в настроении танцевать.

Я пыталась говорить бодро, словно это не имело значения, но я не могло вынести это, мой голос звучал плоско. Утром Пенебригг упомянул, что получил два письма от Ната. Он думал, что Нат пишет и мне, но я ничего от него не получала.

В этот раз Совет не стал бы мешать Нату писать мне, король распорядился, что все мои отношения были моим делом. Если писем от Ната не было, то это он их не писал.

Он все еще злился, что я отказалась убежать с ним? Были другие причины? Или он просто был слишком занят, хотел дождаться личного разговора?

Марджери была сломлена.

— Вы даже не примерьте платье, миледи?

Меня мало волновала одежда, но Марджери старалась для меня, ее даже не нужно было просить. С ее помощью я оделась в шелковое платье, а потом замерла, пока она поправляла рукава.

— Длина хорошая. Все подошло, — Марджери звучала удовлетворенно. — Нужно немного изменить рукава.

— Я сниму его, — я потянулась к пуговицам.

Марджери остановила меня.

— Нет, миледи. Посмотрите, как вам.

Она подвела меня к зеркалу, и у меня перехватило дыхание.

Каждый раз, когда Марджери говорила об одежде, я заявляла, что не хочу ничего вычурного, не хочу позолоты и камней. Эти деньги можно было потратить иначе, были люди, которые в них нуждались. Марджери всегда кивала, но блеск ее глаз меня беспокоил. Я боялась, что она принесет платья, что превратят меня в высокомерную придворную даму, для которой мода важнее всего.

Я была потрясена, ведь платье было идеальным для меня. Оно было простым, но идеально подчеркивало тело, серебряные нити сияли как звезды на бледно-желтом шелке. Когда я повернулась, юбки замерцали как лунный свет.

— Люси? — Сивилла открыла дверь. — О, ты здесь! Я привела гостя.

Она ворвалась в комнату со спутницей: морщинистой женщиной, которая так много для меня значила.

— Норри! — вскричала я. Забыв о платье, я бросилась к ней.

Норри тоже не замечала платье.

— О, девочка моя, — глядя мои волосы, она обняла меня. — Ты преодолела такие опасности! А меня рядом не было.

— Я рада, что ты теперь здесь, — ее объятия не забрали боль от молчания Ната, но ее было проще выносить.

— Несколько дней я думала, что уже не встану, — продолжила Норри, словно не слышала меня. — А когда я отправилась за тобой, меня задерживало все, что могло...

— Ты в порядке, остальное не важно, — сказала я, пытаюсь успокоить ее.

— Но ты была одна...

— Все хорошо, — сказала я. — Правда. Ты была права: я была сильнее, чем думала.

Мои слова достигли ее. Она отошла, чтобы осмотреть меня, и я увидела в ее глазах то, что странно напомнило о Нате: сожаление и гордость.

— Да, дитя. Да. Меня не было рядом недолго, а ты уже выросла. И как прекрасно ты выглядишь, — она кивнула Сивилле. — И она тоже. Я помню, как вы лепили куличики из грязи в саду. А теперь вы такие прекрасные юные леди.

— Я не очень-то изменилась, — возразила Сивилла. — Вы меня сразу узнали.

— Конечно, — сказала Норри. — Ты — вылитая мать. А эти ямочки, разве можно их забыть?

Вот и ответ про Сивиллу, хоть он опоздал. Я рассмеялась.

— О, Норри, как же я тебе рада!

Сивилла улыбнулась.

— А мне?

— И тебе тоже.

Я попыталась обнять ее, но она отпрянула.

— Нет, нет, ты помнешь это шикарное платье. Марджери, ваша работа? Вы — гений. Никто не отведет от тебя сегодня глаз, Люси.

— Я не буду танцевать...

— Ты должна! — сказала Сивилла. — Это так весело. А веселья с этими встречами Совета у тебя было мало, — она скривилась. — А до этого — тем более.

— Я лучше останусь с Норри, — сказала я, обняв ее рукой.

Норри с улыбкой покачала головой.

— Это мило, дитя, но я только с дороги, я хочу лечь пораньше. Так что иди и веселись с Сивиллой. Я не буду портить вечер.

Она выглядела уставшей. Я не заметила этого раньше, а теперь поспешила довести до кресла. Норри с вздохом опустилась в него.

— Ты ничего не испортишь, — сказала я ей. — Я не против остаться здесь.

Глаза Норри блестели.

— Может, но я уверена, что юный Нат не согласится. Я видела его по пути...

— Нат здесь? — мое сердце взлетело, как фейерверк.

— Да. А что странного?

— Его не было, — мой голос звучал странно. — Он был в Лондоне.

— А теперь он здесь, — сказала Норри, смеясь. — Он сказал, что у него есть дела, но он надеялся увидеть тебя позже. На танцах, видимо.

— Конечно, — Сивилла обхватила мою руку. — Все решено, Люси.

Все во мне трепетало от восторга.

— Хорошо, — я провела рукой по серебряным юбкам. — Я иду.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ НЕРАВНАЯ ПАРА

До танцев я оставалась с Норри, слушала о ее путешествии и отвечала на вопросы о случившемся в Гринвиче. Когда я рассказала, что король попросил меня остаться при дворе, она хорошо восприняла это.

— Я сюда добралась, можно немного и задержаться, — сказала она, пока пила ромашковый чай, который сделала ей Марджери. — Твои комнаты милые и теплые, да? И я рада снова увидеть Сивиллу. Она сказала, что здесь и ее служанка Джоан.

— Ты ее знаешь?

— Нет, но хочу познакомиться. Я помню ее сестру, она была няней Сивиллы, как я — твоей, и она была добра ко мне тем летом, — она опустила чашку, и я снова увидела, как она устала.

— Тебе пора отдохнуть, — сказала я. — Займи мою кровать.

Она начала возражать.

— Так надо, — сказала я. — Мы с Марджери потом устроим мне кровать.

— Но тебе будет неудобно...

— Я буду в порядке. И я собираюсь танцевать всю ночь.

Она рассмеялась.

— Хорошо. Так и сделай. А я с благодарностью займу твою кровать, — она коснулась моей руки. — Обними Ната за меня.

Я улыбнулась.

— Хорошо.

† † †

Позже вечером, когда Норри легла в кровать, я пошла на танцы. Даже на ступеньках было слышно гармонию скрипки, флейты и контрабаса. Мои ноги топали в такт их ритму, я хотела танцевать.

Когда я добралась до главного зала, там уже собралась огромная толпа. Я могла лишь пробивать путь, ведь никто не смотрел на меня, хоть я и была Певчей. Люди смотрели в центр комнаты. Я тоже пыталась заглянуть туда, чтобы понять, на что они смотрят.

Сначала я видела только спины и головы людей впереди, но я улавливала шепот поверх музыки.

— ...разорвет переговоры...

— ...слышал, что он не женится на девушке, которую никогда не видел...

— ...третий раз с ней танцует...

— Четвертый, старик, а ночь только началась!

— ...не могу его винить. Она красавица...

Толпа подвинулась, и я поняла, что привлекло столько внимания. Король Генрих танцевал менуэт с Сивиллой. Она смеялась, а он был очарован.

Глядя на них, я так сильно скучала по Нату, что едва могла дышать.

Толпа пошла вперед, я разглядывала комнату в поисках него.

— Певчая? — у моего локтя оказался сияющий Габриэль. — Рад вас видеть. Я только вернулся.

Это привлекло мое внимание.

— Вернулись? Откуда?

— Из своего поместья. Не слышали? Король вернул мне все, — Габриэль сделал паузу. — Не совсем мне, но в двадцать один все станет моим. Он дал слово, и он восстановил то, что потерял Рэкхем.

— И, конечно, я должен благодарить вас за падение Рэкхема, — он поклонился мне. Его глаза, когда он поднялся, были радостными и немного хитрыми. — Может, это вас надо называть главным алхимиком.

— Нет, — сказала я.

Что-то в том, как я это сказало, заставило его отбросить рыжевато-каштановые волосы и посмотреть на меня.

— Простите, Певчая, не стоило с вами об этом шутить. Поверьте, я не знал, что сэр Исаак хочет вам навредить. Клянусь, я бы остановил его, если бы знал. Вы ведь знаете?

— Да, — Нат ясно дал понять, что Габриэль не знал, что копировал.

— Между нами все хорошо?

Его взгляд мог растопить и сердце, что было крепче моего.

— Да, — сказала я. — Все хорошо.

Габриэль ослепительно улыбнулся мне и склонил голову ближе.

— Вы — невероятная женщина, — прошептал он. — Давайте потанцуем.

Я почти подала ему руку. Но тут заметила Ната на широких ступеньках у двери. Он разглядывал толпу, его серьезное выражение лица не вязалось с радостью в зале. Он искал меня?

— Простите, — сказала я Габриэлю и нырнула в толпу. Но я успела пройти лишь половину пути в море людей, когда Нат развернулся и ушел.

Я догнала его на тусклой площадке тихой лестницы, он уже хотел пойти вниз.

— Нат, стой. Это я.

— Люси! — его глаза расширились, я застыла перед ним у ниши, заполненной белыми гиацинтами. — Я не мог тебя найти. Ты выглядишь... — он покачал головой, словно не мог подобрать слова.

Не важно. Его слова все говорили. Меня наполнило счастье.

— Я тоже рада тебя видеть, — тихо сказала я. Он был одет неброско, как всегда, без моды, которую любил Габриэль, но черная ткань хорошо облегла его плечи, а белая рубашка оттеняла его темные волосы и тени на лице. Его туфли были слишком тяжелыми для танцев, но отполированными. Мне было все равно. Он был здесь.

— Боюсь, я не могу остаться, — сказал он.

Мое счастье угасло.

— Не можешь? Но Норри сказала...

— Что я хотел тебя увидеть? Да. Я думал, что должен сказать тебе лично...

Я задержала дыхание.

Он посмотрел в сторону главного зала. Музыканты начали новый танец.

— Я ошибался насчет Сивиллы.

Я ожидала от него не это.

— Сивиллы?

— Я недооценил ее, — сказал он. — Она стала тебе хорошей подругой. Это я вижу.

— Я рада, — разговор шел не туда. — Так ты за новую пару? За Сивиллу и короля?

— Если король так решит, я пожелаю им радости, — сказал он, но в глазах были сомнения.

— Но...? — спросила я.

— Вряд ли он это сделает.

— Он может, — сказала я, думая о нашем с королем разговоре. — Может.

Нат пожал плечами.

— Даже если он это сделает, они неравны.

— Как это? — осведомилась я.

— Он королевских кровей, а она — нет.

— И что? В детстве они были в одних кругах, их отцы дружили.

— Они знали друг друга в детстве? — удивился он. — Может, это упростит ситуацию.

— Конечно.

Он покачал головой.

— Ты не понимаешь. Быть королем — значит быть вдали ото всех, хранить тревоги и заботы, которыми не делятся. И их паре будут мешать. Из-за этого их браку будет сложно состояться.

Я прижалась к стене.

— Мы говорим о Сивилле и короле? — медленно спросила я. — Или о нас?

Его щеки потемнели, но он ответил:

— Что говорить о нас, если у нас препятствий будет даже больше?

— Каких? — я хотела дать ему понять. — Я говорила с королем, Нат. Я сказала ему, что не позволю Совету решать мое будущее, и он согласился.

— Я это слышал.

— Слышал? — я оттолкнулась от стены. — Король рассказал?

— Да. И Пенебригг.

— О, — меня окатило горячее унижение. Он все это время знал, что я свободна, но не действовал. Я уже не чувствовала уверенности.

— Люси, не смотри так. Прошу, — Нат шагнул ко мне и остановил себя.

Он был в дюймах от меня, но это могло быть и сто миль. Лестница была тихой, как гробница, запах гиацинтов удушал.

— Ты передумал? — было сложно говорить, но я должна была знать.

— Люси, мое сердце никогда не передумает.

Мое дыхание стало учащенным.

— Тогда почему...?

— Потому что это не сработает, — его ореховые глаза были полны боли. — Ты ведь тоже это видишь.

— Не вижу. И кому важно, что думают другие люди?

— Не в том дело, — сказал он. — Мы разные.

— Что?

— Я давно не видел тебя колдующей, — сказал он. — Я забыл, как ты сильна. А ты становилась все сильнее. Я же... будем говорить правду, я лишь обычный человек.

Я начала возражать, но он поднял руку.

— Не пойми превратно. Я рад, что ты смогла себя спасти. Очень рад. Потому что я не смог бы сделать этого, даже сильно стараясь. Я не мог защитить тебя. Я не могу дать тебе то, что нужно. И все.

— Откуда тебе знать? — возмутилась я. — Ты удерживаешь меня на земле, Нат. Ты слушаешь меня. Тебе я полностью доверяю, — я склонилась к нему, наши губы почти соприкасались. — Ты для меня все и даже больше.

Он почти сдался, я видела по его глазам. Но там было и отчаяние, которое я видела, когда он давал мне подснежник. Он хотел то, что не мог получить.

Он отпрянул.

— Нат? — я вдруг испугалась.

— Хотел бы я, чтобы все было так просто, — сказал он. — Но это не так. Та ночь, когда мы поссорились, когда ты не сбежала, осталась со мной.

— Потому что я отказалась? Нат...

— Потому что ты была права. Я не могу ничего тебе предложить. Ничего, что тебе нужно. У меня нет статуса, положения, богатства. Я хотел защитить тебя, но не смог. И это нужно изменить.

— Мне не нужны деньги и власть, — как заставить его понять? — Ты — это ты. Этого мне хватит.

— Той ночью не хватило, — тихо сказал он. — И я кое-что узнал тогда. Если мы и можем надеяться на совместное будущее, мне нужно проявить себя. А пока у меня нет прав ни на одну женщину. Потому я ухожу.

Холод пробежал по моей спине.

— Уходишь? — слабо повторила я.

— Я принял задание как посланник короля. Я буду путешествовать по королевству и континенту, куда нужно, чтобы покончить с голодом и уменьшить шансы, что начнется новый. Не знаю, получится ли. Но я постараюсь.

Я не могла отрицать, что цель была достойной. Но я могла думать лишь о том, что он уходит. Я постаралась произнести ровно:

— Но ты будешь писать, конечно. Мы можем писать друг другу. И ты будешь порой при дворе. Мы сможем видеться.

— Люси, нет, — он был нежным, но непоколебимым. — Я серьезно. Я должен сделать это сам. Иначе, что бы я ни достиг, люди будут думать, что это была ты, твоя сила. Я пришел попрощаться. Я уезжаю ночью в Голландию.

Прощаться? Я впиалась в красивые, но бесполезные юбки.

— Не нужно. Не нужно делать это.

— Нужно, Люси. Мне нужно встать на ноги. Только так можно идти вперед.

Он сказал так, и отчаянная уверенность в его голосе лишила меня слов. Он принял решение. Я подавила мольбы и возражения. Они ничего не изменят, только испортят расставание.

Но я не могла не задать один вопрос:

— Скажи, если бы у меня не было магии, ты бы остался?

Он долго молчал.

— Нечестный вопрос, — сказал он, наконец. — У тебя есть магия. Она — часть тебя. Если пожелать, чтобы не было ее, пропадешь и ты, — он коснулся моего лица. — Что бы ни случилось между нами, я так не сделаю.

Я закрыла глаза. Прося себя не плакать, я прижала ладонь поверх его, ощутила горячей щекой его холодный сильные пальцы. Он поцеловал меня, и я держалась изо всех сил.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Я хотела ответить, но голос подвел меня. И я сделала то, что могла сделать только любовь. Я отпустила его руку.

Когда я открыла глаза, он уходил. Я смотрела, как он спускается по ступенькам и скрывается за дверью. Я осталась одна, и только моя музыка, моя магия успокаивала меня.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА

Эта книга, как и первая, об альтернативной Англии семнадцатого века, где магия возможна. Некоторые элементы этой истории — правда.

Календарные дома — редкость, но правда. Один из лучших — Кноле, дом Саквилль-Уэстов — вдохновил на создание дворца Гринвич. Настоящий дворец Гринвич куда проще и уже не существует, но на место все еще можно посмотреть с вершины холма Гринвича.

Хотя алхимию клеветали в семнадцатом веке, ее и изучали. Были и выдающиеся ученые (некоторые были членами настоящего Невидимого колледжа). Исаак Ньютон, например, написал больше миллиона слов об алхимии, большую часть — шифром. Хотя алхимики спорили насчет природы и сил философского камня, некоторые описывали его как красный порошок или жидкость, как король Генрих в книге.

Хотя алхимики чаще были мужчинами, в легендах указано, что раньше алхимию практиковали и женщины, включая Пернеллу Фламел. В шестнадцатом и семнадцатом веках это были Софии Брах, леди Маргарет Клиффорд и Анна-Мария Зиглерин, они изучали алхимию или сами, или вместе с мужчинами.

В семнадцатом веке не было главы по имени Боудикка, эта часть вдохновлена долгой историей восстаний и протестов граждан в Британии. Внутренний Совет в книге отмечает восстание 1381, которое возглавлял Ват Тайлер. Мятеж настоящей Боудикки был в римские времена.

Верьте или нет, но картофель в то время был чудом. В книге пользу первым понял Нат, но в реальности первым правителем, понявшим это, был Фредерик Великий, король Пруссии, в восемнадцатом веке. Он заставил выращивать новую культуру, чтобы у него была возможность кормить свою армию. Так что картофель во многом помог Пруссии развиться в опасную военную силу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net